БИБЛИОТЕКА ПО ИСТОРИИ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Н. Д. ФЛИТТНЕР

НА БЕРЕГАХ ЕВФРАТА и ТИГРА

Допущено
Наркомпросом
РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР ● ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД ● 1938

9(3)
Ф—72

Данная книга предназначена для внешкольного чтения учеников V и VI классов средней школы. В книге, поскольку это позволяют сделать ее размеры, даны яркие картины жизни и быта народов Двуречья. Эти картины даны на основе археологических памятников и подлинной литературы того времени (собрания таблеток с клинописными текстами различного содержания).

В книге показана история дешифровки клинописных надписей, методы дешифровки и развитие археологических работ в странах Двуречья.

ОТ АВТОРА

Переводы эпоса Гильгамеша и легенды о Саргоне сделаны для настоящего издания заново студентом-ассириологом ЛГУ И. М. Дьяконовым и проредактированы проф. А. П. Рифтиным.

И. М. Дьяконову удалось сочетать подстрочную точность перевода текста с полной его литературностью и сохранить размер и ритм подлинника. Таким образом, его перевод является первым, вполне научным переводом на русский язык одного из важнейших литературных памятников древнего Двуречья.

Миф о схождении Иштар в преисподнюю, так же как тексты заплачки по Таммузу и тексты заговоров и заклятий, дан в переводах покойного советского ассириолога проф. В. К. Шилейко.

В заключение считаю долгом выразить свою большую благодарность проф. А. П. Рифтину за его товарищеские советы и за те долгие беседы, в которых он дал мне возможность обсудить с ним ряд вопросов, касающихся культуры и языка древнего Двуречья.

Н. Флиттнер.

I. ОТ ВЕРХОВЬЕВ ЕВФРАТА И ТИГРА К ПЕРСИДСКОМУ ЗАЛИВУ.

Одним из лучших способов узнать природу разных стран, быт народов, которые там живут, познакомиться с культурой этих народов является, конечно, путешествие, одно из величайших удовольствий человека. Отправляясь в путешествие, важно бывает знать точно, какой дорогой ехать, как снарядиться, что взять с собой, что следует узнать еще до поездки о стране, куда направляешься.

Пожалуй, важнее всего ознакомиться с языком той страны, куда едешь, чтобы иметь возможность понимать жителей ее, чтобы иметь возможность говорить с ними, узнавать от них самих то, что без знания языка осталось бы незамеченным или непонятным.

Еще интереснее совершить путешествие не просто в далекие страны, а в отдаленные времена, посмотреть, как жили и работали люди за три, четыре и более тысячелетий до нас.

Есть у одного современного писателя рассказ о чудесной машине для передвижения во времени, с помощью которой человек в одно мгновение может перенестись или в отдаленное прошлое, или в будущее. Нам такой машины не надо, будущее в наших руках, мы его сами строим, стараемся сделать его счастливым не для нас одних, а для всех людей. А с прошлым нам поможет ознакомиться история, наука, занимающаяся именно этим прошлым.

Откуда, однако, историки-то черпают знания, особенно там, где приходится иметь дело с такой глубокой древностью, как две-три тысячи и более лет тому назад? Откуда узнали, например, так подробно жизнь древнего Египта?

Одним из важнейших источников наших знаний прошлого являются раскопки, изучение вещей, *археология*, как мы называем эту науку, занимающуюся «вещественными памятниками» древности. Попробуем и мы заставить говорить эти вещественные памятники и с их помощью совершим путешествие в отдаленную древность, а местом нашего путе-

шествия наметим себе одну из стран так называемого «Древнего Востока», Месопотамию, как называют ее иногда по-гречески, или, как мы называем ее по-русски, «Междуречье».

Если бы мы действительно решили проехать туда, предположим из Ленинграда, нам пришлось бы отправиться в направлении к югу, на Кавказ и дальше. По отношению к европейской части нашего Союза Египет, Месопотамия, Палестина и Сиро-Финикия лежат не к востоку, а к югу. И если мы постоянно говорим об этих странах, как о «Востоке», то дело объясняется просто тем, что по отношению к Италии, к Риму, они действительно лежали к востоку, они были восточными провинциями Рима, который подчинил их себе в последние столетия до хр. эры.

Пронесемся быстро на автомобиле или пройдем пешком по Военно-Грузинской дороге, через горные кручи, мимо пенящихся бурным течением горных рек, спустимся в долины Грузии с ее виноградниками и фруктовыми садами, проедем в Ереван, столицу советской Армении. Зимой нас встретят здесь суровые, холодные ветры и мороз, летом — палящий зной южного солнца. Вьется по долине река Аракс. Если бы мы поднялись над страною на самолете, мы увидели бы, как много в этой горной области озер. К северу от Аракса сверкает гладью своих глубоких холодных вод озеро Севан, а дальше к югу, уже за границей нашего Союза, расстилаются озера Ван и Урмия, такие же глубокие, такие же студеные, как Севан (Гокча). И не мудрено: Армения расположена высоко над уровнем моря, озера питаются снеговой водой ее гор. За Араксом сверкает на солнце вершина Арарата. Здесь, около Арарата и озера Ван, находятся истоки рек, бегущих в разных направлениях. Вот, неподалеку от Аракса, разливаясь все шире и шире, берет свое начало речка Кара-Су. У самого подножья Арарата бьет другая; туземцы называют ее Мурад-чай. Бурная, порожистая, вся перерезанная водопадами, она несет свои холодные горные воды, катит гальку и песок, шлифует скалы, крутит водовороты. Кто видел и слышал, как несется и ревет в ущельях Кавказа Терек, те могут себе ясно представить, какова небольшая горная речка Мурад-чай, воды которой сливаются с течением Кара-Су. Русло обеих слившихся рек направляется к Средиземному морю. Но, на пути его опять встают горные кручи, поросший лесом Тавр, «Серебряные горы», как называли его в древности за его богатые серебряные рудники. Река поворачивает

круто на юго-восток, горы отступают, течение становится все более медленным и плавным, с левой стороны в нее впадает еще одна река, Хабур, и вот, вместо прежней бурной горной речки перед нами широкий поток; почти километр ширины имеет он в этом месте.

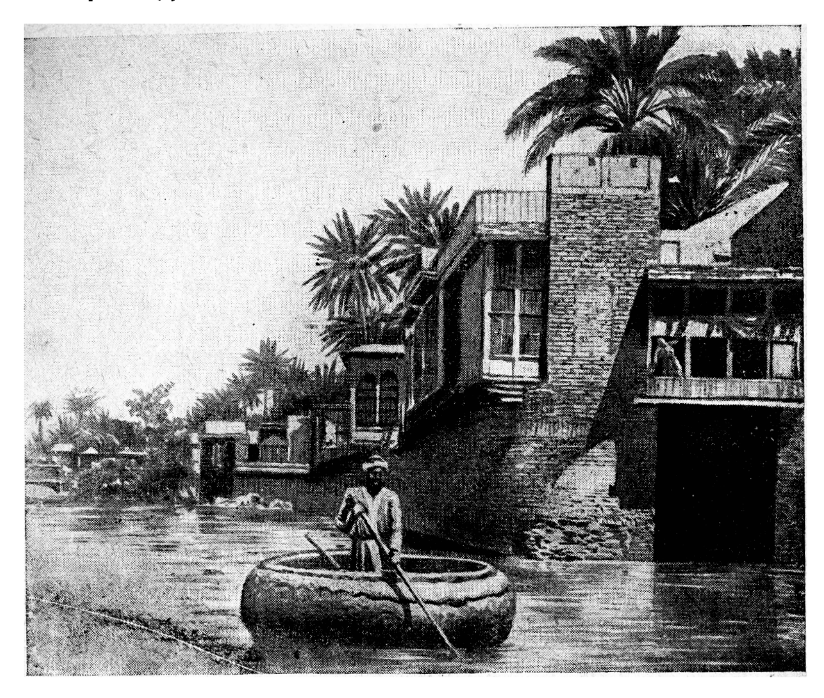
«Евфрат» назовет ее нам армянин — местный житель, «Уфрат» скажет иранец, а древний еврей назвал бы ее «Фрат» или сказал бы просто «Река, Поток», — зачем было давать ей особое название, если она здесь одна.

«Река» Евфрат на всем своем протяжении до Персидского залива не имеет больше ни одного притока. Из Закавказья ее течение привело нас в «Месопотамию».

Вернемся теперь опять в высокую Армению к истокам Евфрата. Пройдем пешком в восточном направлении от того места, где Кара-Су и Мурад-чай слили свои воды в единое русло. Прогулка будет недолгой, мы вскоре очутимся у истока другой реки, такой же быстрой и порожистой, как и Мурад-чай. Быстрой, глубокой она остается на всем протяжении своего течения до самого того места, где недалеко от Персидского залива она сливается в одно русло с Евфратом. Это Тигр, та самая река, на которой и по наше время стоит город Багдад, когда-то столица халифов,[1] средоточие арабской торговли. О богатстве и великолепии Багдада много говорят сказки «Тысяча и одной ночи»,[2] но в современном Багдаде, столице Иракского государства, мы в настоящее время напрасно стали бы искать следов того богатства и великолепия, которые царили здесь во времена халифа Харун-ар-Рашида[3] и Синдбада морехода.[4] Зато, как и во дни героев «Тысяча и одной ночи», улицы этой столицы поражают своей грязью; они не мощены, и глинистая почва после всякого дождя делает их совсем непроходимыми. А чтобы переправиться с одного берега реки на другой, надо сесть в «куфу», лодку странной формы, похожей больше на круглую корзинку. Ни кормы, ни носа у такой лодки нет, но она поднимает значительные тяжести, и все сношения по Тигру поддерживаются в таких лодках при помощи длинных багров, которыми отталкиваются гребцы. А если нужно переправлять большие грузы, жители пользуются «келеками», плотами; надувают воздухом кожаные бурдюки. на них делают настил из досок — и «келек» готов.

Тигр — река полноводная и быстрая, потому что с левого берега в нее впадает много рек, берущих свое начало в горах. Необычайно красивы горные долины, по которым протекают

эти реки, особенно долина реки южного Заба, покрытая густой растительностью, лиственными лесами и пастбищами; зеленоватые, горные воды Заба славятся своей хрустальной чистотой. Быстрое течение Тигра год от году меняет его русло; где была недавно мель, там река промывает глубокое место, а где, наоборот, было глубоко, там подмытый и обру-

Круглая лодка, «куфа», в современном Багдаде. Фотография.

шившийся в реку глинистый берег делает ее непроходимой для судов; фарватер реки постоянно меняется. Вот почему в наши дни, когда казалось бы так легко пользоваться пароходным сообщением, на Тигре оно еще совсем недавно не было налажено. Казалось бы, так удобно проехать по быстрой полноводной реке до самого Персидского залива, а пароход вдруг останавливается там, где и пристани-то нет никакой, пассажирам волей-неволей приходится высаживаться на берег, если они не хотят скучать на тесной палубе;

местные жители, арабы, турки, иранцы, знакомые с особенностями своей реки, раскладывают костры, пьют кофе, курят трубки и терпеливо ждут, когда пароход снова двинется в путь; европейцы стараются скоротать время игрой в футбол или в теннис, идут на охоту за водяной птицей, в несметном количестве водящейся в сырых местах.

Обе реки, Евфрат и Тигр, протекая по равнине, то отступают далеко друг от друга, то подходят ближе, описывая течением фигуру гигантской восьмерки. Северную часть этой восьмерки греки называли «Междуречьем», «Месопотамией»; с запада к самым берегам Евфрата подступает бесплодная Сирийская пустыня, а с востока, вдоль левого берега Тигра, идут горы, — города и поселения строились поэтому в пространстве между обеими реками. Южная часть восьмерки носила название Вавилонии. У древних евреев она называлась страною Сенаар. Поэтому мы не совсем правильно называем теперь часто всю страну «Месопотамией», и, может быть, правильнее было бы, говоря о ней, называть ее «Двуречьем», потому что это ясно показало бы нам, какое большое значение мы придаем обеим рекам, Евфрату и Тигру.

Итак, целью нашего путешествия в прошлое является Двуречье, страна, расположенная на берегах рек Евфрата и Тигра.

Но ведь мы уже говорили раньше, какую важность для путешественника имеет знакомство с языком той страны, куда он отправляется. На каком языке говорят в современном Двуречье? На арабском главным образом, на турецком, на персидском. Не только Багдад, но и многие другие города еще и в наше время являются важными торговыми центрами. Попробуйте в сентябре или октябре прогуляться по улицам Басры, на самом юге Двуречья. Сказки «Тысяча и одной ночи» упоминают и этот город, основанный арабскими халифами, неподалеку от Персидского залива.

Сентябрь и октябрь самые оживленные месяцы в Басре. Каких только языков ни услышишь в это время на улицах города, какие только суда ни входят в широкий Шат-эль-Араб! [5] Грузят кожи, тюки шерсти, кунжут, [6] мешки пшеницы, риса; проводят коней; в пакгаузах [7] американцы и европейцы торгуются из-за фиников — спрос на них велик. Сентябрь и октябрь время сбора их, и купцы отлично знают, что ни на одном рынке, кроме Алжира и Египта, не найдут они такого изобилия их, такого множества сортов и такого высокого качества.

Индусы, арабы, иранцы, англичане, голландцы, греки, немцы, армяне, французы, евреи — не перечислишь всех их, кто съезжается в это время на рынки Басры. Шум, крики на всевозможных языках, рев верблюдов, споры торгующихся, давка, толкотня...

«Ну и столпотворение же вавилонское», подумает турист, оглушенный всей этой суетней.

С трудом выберешься подальше от рынка, в тихие улицы и переулки. В городе жарко и душно, в воздухе стоят тучи мелкой едкой пыли. Улицы немощеные, и, как в Багдаде, после каждого дождя ноги тонут в вязкой глине. Выйдешь на берег канала — набережной нет, нет удобных пристаней. Но сколько зато зелени! Целые рощи финиковых пальм. Арабы говорят, что это дерево любит, чтобы его ноги были в воде, а голова в огне, чтобы корни его имели много влаги, а вершину его, чтобы грело палящее южное солнце. Среди пальм целые заросли бананов, апельсинов, лимонов; цветут кущи роз, хризантем и других цветов. Подует ветер, зашумит пальмовый лес своими гигантскими твердыми листьями, точно стальные полосы точат друг о друга. Наступит удушливо-жаркая ночь, и к шуму рощи присоединится вой шакалов, — за чертой города пустыня или болота, покрытые целым лесом высоких и густых тростников. Население пустыни — кочевые арабы, и господствующим языком всей страны в наше время является арабский.

Но арабы завоевали Двуречье сравнительно очень поздно, какую-нибудь тысячу лет назад. На каком же языке говорили там три-четыре тысячи лет назад? Ответ на это можно было бы найти и у греческих историков, например у Геродота, жившего в V в. до хр. эры, и в рассказах Библии, [8] сохранившей много важных сведений о том, с какими странами и народами приходилось иметь дело древним евреям. Все они говорят, что в Двуречье господствующими языками в 1-м тысячелетии до хр. эры были ассирийский на севере, в Месопотамии, и вавилонский на юге, в Сенааре, или Халдее, как эта часть страны называлась в те времена.

В современном Двуречье не только давным-давно никто не говорит на этих языках, но и самая память о них умерла. И, однако, собираясь в путешествие в прошлое, мы при желании можем вооружиться знанием этих «мертвых» языков, мы сможем даже познакомиться с тем еще более древним языком, на котором говорили в Двуречьи в 4-м и 3-м тысячелетиях до хр. эры, т. е. за 5—6 тысяч лет назад.

Канал в Басре во время прилива. Фотография.

Канал в Басре во время отлива. Фотография.

Мы можем изучить грамматику этих языков, строй речи древних народов Двуречья, мы сможем познакомиться с их литературой, с их деловыми документами, с перепиской людей, живших тысячи лет тому назад.

Чтобы уяснить себе, как случилось, что давно забытое прошлое стало снова доступным и понятным, нам придется начать издалека, с памятников, находящихся не в Двуречьи, а в Персии, цари которой в VI в. до хр. эры покорили страны древнего Востока и во многом стали наследниками той культуры, которую создавали до них египтяне, вавилоняне и ассирийцы.

Оставим на время Двуречье, перенесемся в Европу, в Геттинген, маленький университетский городок в Германии.

●

II. КЕМ И КАК БЫЛА РАСШИФРОВАНА КЛИНОПИСЬ.

Гротефенд разбирает клинопись персидских царей.

По тихим зеленым аллеям Геттингена прогуливались однажды двое друзей. Один из них, Фиорилло, был библиотекарем королевской публичной библиотеки, другой, Георг-Фридрих Гротефенд, был учителем местной гимназии. Дело происходило летом 1802 г. Недавно закончился учебный год, и молодой учитель пользовался досугом, чтобы почитать, позаняться любимым делом — изучением древних языков, чтобы потолковать с другом о новых книгах и о научных открытиях последних лет. Гротефенд — отличный знаток греческого и латинского языков, а Геттинген, хотя и небольшой городок, но в Германии славится своим университетом и своей отличной библиотекой. Фиорилло оживленно рассказывает другу о книжных новинках и о том, что нового сделали ученые за последнее время в деле изучения древних языков.

Гротефенд.

А, кстати, слыхал ли Гротефенд, какое важное приобретение сделала Англия? В Лондон перевезли и выставили на всеобщее обозрение знаменитый Розеттский камень, найденный французами в Египте несколько лет тому назад.

Да, Гротефенд уже знает об этом. Надо ждать, что теперь скоро будет найден способ читать египетские иероглифы. Пожалуй, это не такая уже трудная задача. На Розеттском камне ведь есть греческая надпись, а раз известно содержание того, что написано иероглифами, возможно тем или

иным способом разобраться в них. Кому-то удастся только решить эту задачу? И как много интересного можно будет тогда узнать с помощью египетских надписей. В какую седую древность удастся заглянуть! Можно будет с помощью египетских надписей проверить, например, рассказы Библии, узнать, что́ в древнееврейских преданиях сохранилось верного, исторического.

«Ну, уж если говорить о Библии, о проверке ее преданий, — засмеялся Фиорилло, — то по-моему еще важнее было бы разобраться в странных значках на глиняных кирпичах, которые год тому назад привезли в Лондон и выставили в доме Ост-Индской компании.[9] Их подобрали по распоряжению английского резидента в Басре, на берегах реки Евфрата в развалинах какого-то очень древнего поселения. Уверяют, что на этом месте стоял когда-то Вавилон, — помнишь рассказы о Вавилоне у Геродота?»

«Как же, помню, — Геродот называет его самым знаменитым и наиболее укрепленным городом в Ассирии и уверяет, что «устроен он так прекрасно, как ни один известный нам город»; он говорит, будто «самый город полон домов трехъ- и четырехъярусных и пересекается прямыми улицами». Старик Геродот, правда, немного путает, называет «Ассирией» все Двуречье, но рассказы его очень интересны».

«А помнишь у него описание храма Бела? — «Посередине храма стоит массивная башня... над этой башней поставлена другая, над второй третья, и так дальше до восьмой. Подъем на них сделан снаружи; он идет кольцом вокруг всех башен... На последней башне есть большой храм, а в храме стоит большое, прекрасно убранное ложе и перед ним золотой стол... говорят будто божество само посещает храм...» Помнишь этот рассказ Геродота, эту «вавилонскую башню»?

«Как же, помню и библейский рассказ о ней, о том, как будто бы люди задумали в земле Сенаар построить себе город и столп — башню, вершина которой была бы до небес, как они стали складывать ее из кирпичей и земляной смолы, как бог испугался, что если они сумеют построить такую башню, так уж не будет для них затруднений ни в чем, что́ бы они ни задумали сделать дальше, и как он смешал их язык, так что они не стали понимать речи друг друга...»

«Я полагаю, что для сооружения больших построек в Вавилоне пользовались огромным количеством рабочих рук, что толпы рабов сгоняли, вероятно, не только из Сенаара, но

также из других стран, подвластных Вавилону. Представь себе, как трудно бывало сговориться между собою всем этим людям, говорившим на разных языках, какой шум и гам стоял во время этого «столпотворения вавилонского»...

«Да, — а помнишь, как Геродот рассказывает дальше, что в вавилонском святилище внизу есть еще и другой храм, в котором находится большое золотое изображение божества. Какие огромные богатства были, по его словам, скоплены только в одном этом вавилонском храме! Просто не верится, чтобы умели люди в те отдаленные времена строить такие стены, такие башни, такие многоэтажные дома. Интересно было бы проверить все эти рассказы, побывать там на месте, исследовать, не осталось ли каких-нибудь памятников, вроде тех, которые были найдены и подробно описаны французами во время недавнего похода Наполеона в Египет». [10]

«Интересно, конечно, — ответил Гротефенд, — но для этого надо иметь возможность путешествовать, вести раскопки, это дело будущего...»

«А разве не стоило бы заняться другой задачей, попробовать расшифровать надписи, найденные на месте древнего Вавилона? Уметь читать египетские иероглифы, разобрать вавилонские надписи, да ведь это значило бы заглянуть в историю древнего Востока!»

«Ты забываешь, что мы не имеем даже изображений этих вавилонских кирпичей...»

«Но зато у нас есть Персепольская надпись. А все сообщения говорят, что надписи на кирпичах сделаны совершенно такими же значками, какие мы видели уже на ней».

Такой приблизительно разговор шел между молодыми друзьями летом 1802 г.

Мы не знаем дальнейших подробностей его. Но Фиорилло уговорил Гротефенда заняться надписью, которую он называл Персепольской. Гротефенд не знает восточных языков?! Конечно, знакомство с ними очень полезно, но кто же знает, на каком языке написана эта странная надпись, известная уже давно, но которую никто еще не сумел прочесть. Фиорилло обещал Гротефенду помочь порыться в библиотеке и собрать для него все, что известно об этой загадочной «клинописи».

Заглянем вместе с ним в королевскую библиотеку в Геттингене, посмотрим, что узнал Фиорилло, какие выписки собрал он для своего друга, а потом посмотрим, как справился со своей задачей молодой Гротефенд.

Надпись, которую он собирался расшифровать, находится далеко от Вавилона, в развалинах Персеполя, древней столицы персидских царей. Здесь побывал еще в 1621 г. знаменитый итальянский путешественник Пьетро делла Валле. Он полюбовался остатками мощных террас и лестниц, осмотрел обломки рельефов, колонн и скульптур великолепного дворца, но особенно заинтересовался надписью, занимавшей всю стену сверху вниз и сопровождавшей изображения, вырезанные на камне. Об этой надписи он написал длинное письмо в Неаполь, своему другу Марио Скипано и даже списал часть надписи.

«На каком языке и какими буквами эта надпись сделана, — пишет он, — никто не может сказать, потому что в наши дни они совершенно неизвестны. Я смог только заметить, что это очень крупные знаки, что они занимают много места и что эти знаки не связаны между собой в слове, но разделены и, подобно еврейским буквам, стоят каждый сам по себе, так что я вывожу отсюда заключение, что, может быть, один знак обозначает целое слово...

Просто ли это буквы или целые слова — не знаю, но я во всяком случае списал пять таковых, которые мне чаще всего встречались в этой надписи, списал их насколько мог лучше. А так как это были целые строки, то я и не знал, следует ли эти знаки писать по восточному обычаю справа налево или же, согласно нашему обычаю, слева направо. Пять же знаков, которые я списал, были следующие:

Вторая буква, состоящая из четырех одинаковых знаков в форме пирамид, из которых три поставлены вертикально, острием вниз, а четвертый находится вверху и лежит поперек, навела меня на мысль, что они пишутся согласно нашему обычаю от левой руки к правой, так как верхняя часть этих пирамидообразных знаков, как это видно во всех буквах, широка и, когда они стоят прямо, направлена всегда вверх. А так как черта, находящаяся поверх трех, стоящих вертикально, своей верхней, широкой, частью обращена влево, а хвост ее, ее острый конец, находится справа, то отсюда мы можем заключить, что начало этой надписи идет слева направо...»

Пьетро делла Валле не совсем верно списал знаки, но соображение его относительно того, что надписи этого харак-

тера надо читать слева направо, показалось Гротефенду вполне правильным.

А что говорят об этой надписи путешественники, побывавшие в Персеполе после итальянца делла Валле? Вот три тома описаний путешествия на Восток француза Шардена. Нового он ничего не говорит, повторяет предположение делла Валле, что читать надпись следует слева направо, но зато он приводит уже не отрывочную, коротенькую группу знаков, а целую небольшую надпись.

Вот еще ряд книг. Самая интересная, пожалуй, толстый, написанный по латыни том, с описанием путешествия через всю Азию в Китай и Японию. Автор ее, Энгельберт Кемпфер, ученейший человек своего времени. Каких только интересных вещей ни рассказал он о странах «дальнего Востока», о Китае и Японии, где в его время, в конце XVII в., мало кто из европейцев бывал. Его рассказам верить можно вполне. Он тоже побывал в Персеполе, списал длинную надпись, о которой говорит много важного. В китайском языке, говорит он, употребляются знаки, обозначающие целые слова, так называемые идеограммы. Делла Валле называл значки, списанные им, буквами, т. е. знаками для отдельных звуков, а не для целых слов. Конечно, говорит Кемпфер, не зная языка, трудно сказать что-нибудь определенное, но ему кажется, что в списанной им надписи чересчур много разных знаков, они не могут быть просто буквами, фонетическими, звучащими знаками. Он полагает, что в «клинописи», как он стал называть эту систему письма, есть группа знаков для отдельных звуков, но есть и группы знаков для слогов и даже для целых слов. А что еще важнее — ему кажется, что списанная им надпись сделана разными способами и может быть на разных языках; в одной ее части знаков меньше, и вся она производит впечатление более простой, а в другой гораздо больше разнообразных групп знаков.

«Дело запутывается, — думает Гротефенд, — нельзя же разбираться сразу в двух непонятных надписях, хотя и написанных одинаковыми знаками, но разными способами и на разных языках. Надо работать без спешки, не разбрасываясь. Возьмем сперва более простое, и если удастся здесь разобраться, перейдем потом к более сложному».

И Гротефенд снова погружается в чтение, снова ищет в рассказах путешественников и ученых сведений о своем загадочном тексте, чтобы с их помощью попытаться сделать новый шаг к прочтению, к дешифровке его.

Что говорит, например, Карстен Нибур, ученый датчанин, побывавший с научной экспедицией в Аравии? Он возвращался домой через Персию и провел много времени в развалинах Персеполя за списыванием знаменитой надписи.

Да, его книга дает очень важные сведения. Нибур считает тоже, что одна и та же надпись сделана различными способами и насчитывает их целых три. На первом месте стоит самая простая, фонетическая, состоящая из ряда знаков для отдельных звуков, из букв. Нибур их насчитал 42. Вторая надпись сложнее, в ней гораздо больше знаков: Нибур насчитывает их 113 и думает, что наряду с фонетическими знаками, здесь есть много знаков для целых слогов.

Наиболее сложной является третья надпись, — вероятно Кемпфер был прав, и в этой надписи встречаются знаки для целых слов, для целых понятий.

Чем объяснить такую странность? Да очень просто. Ведь, судя по всему, надписи эти были сделаны при персидских царях. Стоит вспомнить, как велико было персидское царство и сколько различных народов входило в состав его. Все они говорили на разных языках; понятно, что особо важные надписи приходилось делать на главнейших языках огромного государства, чтобы их поняли не только персы, но и другие народы. Во главе персидского государства стояли цари, игравшие важную роль. Нибур не говорит этого прямо, но Гротефенд полагает, что эти надписи, сохранившиеся во дворце, могли иметь отношение только к царям. К каким? Да вот к тем самым Ахеменидам, имена которых знает всякий школьник, читавший у него на уроках греческого языка Геродота: Кир, его сын Камбиз, завоевавший Египет, Дарий и Ксеркс, которые вели войны с греками. Фиорилло приносит другу последние новинки — небольшую книжку Тихсена, профессора в Ростоке, маленьком университетском городке на севере Германии, и книгу датского академика Мюнтера, только что переведенную на немецкий язык.

«Что же говорит Тихсен? Ага, он считает, что Персепольская надпись сделана не только тремя разными системами письма, но и на трех разных языках. Это не ново, это и до него говорили. А вот это важно и правильно: он считает, что встречающийся в надписи косо поставленный клин 𒀹 является знаком-разделителем слов: без него группы однообразных знаков сливались бы и их было бы трудно читать.

Книга Мюнтера дает много важного материала. Он совершенно согласен с Тихсеном относительно знака-разделителя слов, он согласен и с тем, что надпись трехъязычная, что наиболее простая часть ее написана фонетическими знаками, алфавитом, что вторая является слоговой, силлабической, а третья заключает в себе и знаки для целых слов. Он привел ряд доказательств в пользу того, что вся надпись сделана царями Ахеменидами. Он постарался доказать, что действительно во всех трех частях надписи на разных языках повторялось одно и то же содержание: он высказал совершенно верное предположение, что некоторые группы знаков означают слова «царь» и «царь царей», титул, который так любили употреблять на Востоке.

Среди книг, которыми снабжал Фиорилло Гротефенда, ему попалось, наверно, изображение алебастрового сосуда для благовоний с надписью клинописными знаками и египетскими иероглифами. Эта надпись повторяла на 4 языках имя персидского царя Ксеркса. Каким блестящим подтверждением правильности всей дальнейшей работы Гротефенда она могла бы служить, если бы в то время уже умели читать иероглифы! Но Шампольону в 1802 г. было всего 12 лет, и должно было пройти еще ровно 20 лет до его гениального открытия, до прочтения иероглифов.

Лето подходило к концу, прочитано и обдумано было все, касавшееся загадочной Персепольской надписи. В один прекрасный день Гротефенд предложил другу послушать, что ему удалось сделать.

Он положил перед ним два листка с клинописной надписью на каждом. На одном было шесть строк, на другом — четыре.

«Вот, — сказал он, — с этого мы начнем. Эти две надписи я списал у Нибура; будем их называть условно, так же как он, надписями А и В. Найди в них группу из семи знаков, такую вот, как у меня записано здесь:

Я намеренно выписываю отдельные знаки так, чтобы они отстояли друг от друга, чтобы легче было разобрать каждую букву отдельно. Видишь, в обеих надписях за этим словом стоит знак-разделитель. Само слово состоит из 7 букв и Мюнтер считает, что оно обозначает «царь». Всмотрись внимательней, та же самая группа знаков повторяется в каждой

надписи по нескольку раз: на втором, четвертом, пятом и шестом месте в надписи А, на втором, четвертом, пятом и седьмом в надписи В.

Но, видишь, группа знаков, стоящая в обеих надписях на пятом месте, имеет в конце еще несколько добавочных знаков. Я уверен, что это какое-нибудь грамматическое окончание. Какое, спрашиваешь ты? Вспомним титулатуру персидских царей более позднего времени: «царь царей». Если предположить, что мы здесь имеем тот же титул, то эти добавочные знаки будут окончанием родительного падежа множественного числа от слова «царь». Ясно?».

«Вполне. Но что же дальше?»

«А вот смотри. Предположим, что вообще вся надпись содержит титулатуру персидских царей. Тогда вторую и третью группу знаков мы должны прочесть «царь великий». А первая группа знаков в обеих надписях не может быть ничем иным, как именем того царя, о котором здесь говорится. Взгляни хорошенько, эти первые группы знаков в обеих надписях разные, т. е. значит это надписи разных царей. Имя царя первой надписи повторяется во второй на 6-м месте. Я думаю, что в данном случае оно является именем отца составителя этой второй надписи. За именем отца следует во второй надписи его царский титул, опять в родительном падеже и короткое слово, которое я перевожу как «сын». Так как в первой надписи перед словом «сын» нет царского титула, а стоит только группа знаков, которую я считаю опять-таки именем собственным, именем отца, составителя первой надписи, который, вероятно, не был сам царем.

Итак, что у нас получается? Мы имеем две надписи: первая принадлежит отцу, «великому царю, царю царей», но не царскому сыну, а, вероятно, основателю династии, отец которого не был царем. Вторая принадлежит «великому царю, царю царей, сыну царя царей» и т. д. Остается подставить имена, а это так легко, что ты и сам подскажешь их мне».

«Ну, основателем династии Ахеменидов был Кир, а сыном Кира, «царя царей», был Камбиз, завоеватель Египта...»

«Правильно, но к нашим надписям эти имена не подходят. Ведь оба они начинаются с одинаковой согласной К, а буквы, с которых начинаются имена в надписях различные. Вспомни, что Камбиз не оставил наследника и что за ним правил Дарий, сын Гистаспа, который не был царем, а Дарию, «царю царей» наследовал его сын, Ксеркс. Имена Гистаспа, —

деда, — Дария, его сына, и Ксеркса, сына Дария, и по количеству знаков отлично укладываются в наши надписи. Считаешь ли ты задачу разрешенной и правильно ли она мною разрешена?»

Что мог ответить Фиорилло? Задача была головоломной, но Гротефенд так блестяще справился с ней, так стройно вел свои рассуждения, так умело находил все нужные ему доказательства, что ничего не оставалось возразить.

Так была впервые расшифрована клинопись. Так впервые «зазвучали» имена, записанные клинописными знаками.

Сознавал ли сам Гротефенд, что его работа была не просто счастливой и остроумной догадкой, а целым открытием, что он действительно нашел ключ к чтению клинописи и положил основание новой науке? Трудно сказать, и, вернее всего, скромный молодой ученый такого большого значения ей не придавал, хотя и считал, что она может быть полезна для дальнейшей работы. 4 сентября он прочел о ней доклад в заседании Геттингенского научного общества.

«Тем более удивительно содержание доклада, — писал о нем профессор Тихсен, о котором мы говорили уже раньше, — что автор его не востоковед, не знает восточных языков... его попытка разобрать Персепольскую надпись удалась ему сверх всяких ожиданий и, через несколько недель всего, он был в состоянии объяснить бóльшую часть надписи и сообщить в своем докладе как о результатах своей работы, так и о ходе ее».

Гротефенд послал копию своего доклада одному из ученейших востоковедов того времени, французу Сильвестру де-Саси, великому знатоку арабского языка, недавно разобравшему надписи персидских царей более позднего времени. Знаменитый ученый прочел доклад молодого учителя, напечатал сообщение о нем в одном из французских научных журналов, но к его открытию отнесся очень осторожно:

«Что слова, предшествующие слову «царь», являются собственными именами этих правителей, чрезвычайно вероятно; но действительно ли это имена Дария и Ксеркса? Я сильно в этом сомневаюсь».

Все восхищались остроумием Гротефенда. Хвалили его работу, но самого важного он не получил — подтверждения правильности своих догадок. А проверить самого себя ему было трудно, потому что, повторяю, Гротефенд отлично знал латинский и греческий языки, но совершенно не владел

ни одним из восточных языков. За проверку хода его работы и за дальнейшую дешифровку должны были взяться другие, а сделать это было трудно, потому что в руках ученых не было почти никаких письменных памятников. Кирпичи, выставленные в Лондоне, чтению не поддавались, они были написаны на другом языке, другой системой клинописи. Образцы этой системы были, правда, найдены в Персепольской надписи, но Гротефенд разобрал как раз другую, более легкую часть ее.

Дальнейшие работы над расшифровкой клинописи. Раулинсон, Хинкс, Опперт и Тальбот окончательно расшифровывают ассирийскую клинопись.

Прошло около 35 лет. Розеттская надпись была разобрана Франсуа Шампольоном в 1822 г., двадцать лет спустя после открытия Гротефенда. Ученый мир читал уже и разбирал иероглифы, древний Египет стал доступен изучению, а работа над клинописью едва двигалась вперед, и казалось — никогда не раскроется загадка ее чтения, навсегда останутся непонятными надписи вавилонских кирпичей.

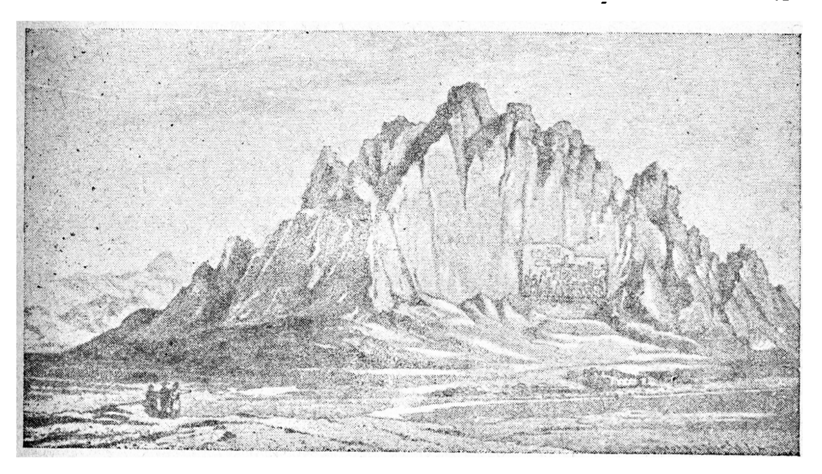
Раулинсон.

И вот, благодаря энергии и настойчивости предприимчивого исследователя, в руках ученых оказалась новая надпись клинописью, как и Персепольская, тремя разными системами, а следовательно, и на трех разных языках, вероятно.

Генри Раулинсон не готовился к научной карьере; он был офицером английской армии и службу свою начал в Индии. Английские колонии в Индии были одним из главнейших источников ее богатства, и Англия внимательно следила за всеми путями и дорогами, по которым для ее соперников, Франции и тогдашней России, возможно было бы проникнуть через границу Индии. Персия, Афганистан, долина Евфрата и Тигра — вот страны, за которыми приходилось наблюдать: оттуда возможно было всегда ожидать удара. Молодого, энергичного офицера командировали в Персию. Здесь, неподалеку от города Керманшаха, в горах Загра, он обратил

внимание на огромную надпись, высеченную высоко в скалах Бисутуна. Надпись сопровождает рельефное, выпуклое изображение. С трудом можно его рассмотреть снизу, и совершенно непонятно, как, какими силами, с помощью каких приспособлений умудрились когда-то в древности художники и каменотесы высечь эти рельефы и надписи на такой головокружительной высоте.

Нетрудно было догадаться Раулинсону, хорошо знакомому с восточным искусством, что фигура бородатого человека с левой стороны в пышной одежде должна изображать царя — он ростом больше всех остальных. За ним стоят

Бисутунская скала с надписью персидского царя Дария.

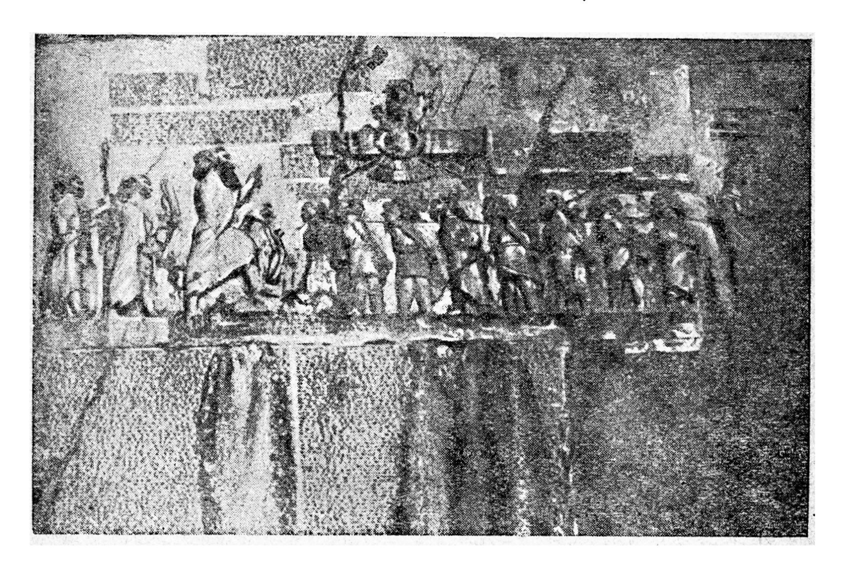
двое его приближенных, его оруженосцы, а справа к нему приближается длинное шествие людей в разных одеждах, связанных между собою за шею, с руками, связанными за спиной. Над всей группой парит крылатая фигура.

«Изображение божества», невольно думает всякий, смотря на него.

Но Раулинсона интересовало не столько изображение, сколько самая надпись. Он был хорошо знаком с работами над клинописью, знал и то, что было сделано Гротефендом для расшифровки ее. Какое торжество, если с помощью этой надписи удастся двинуть дальше дело, начатое им. И вот Раулинсон решает списать надпись, попытаться сделать то, что казалось совершенно невероятной попыткой,

Надпись была очень велика — в ней было целых 400 строк. Списать ее за один раз было невозможно, и Раулинсон скопировал сперва самую простую часть ее. Достаточно было сравнить ее с Персепольской, чтобы убедиться в том, что и здесь встречаются те же имена, которые разобрал уже Гротефенд.

Началась война в Афганистане, и Раулинсона отозвали из Персии. Через год он вернулся снова в Бисутун. Ему, правда, предлагали высокий пост в Индии, но неоконченная

Часть рельефа Бисутунской скалы. Фотография.

задача привлекала его больше, и он предпочел остаться в Багдаде, откуда было легко проехать в Бисутун.

Раулинсон принялся теперь копировать самую сложную часть надписи. Она была почти недоступна. Вися на высоте ста метров, в самом неудобном положении, рискуя ежеминутно оборваться вниз и разбиться насмерть, смелый исследователь скопировал ее, закончив свою работу в 1847 году.

Смелая попытка Раулинсона была им предпринята почти одновременно с важным открытием. Французский ученый Бюрнуф и немецкий профессор Лассен опубликовали в 1836 г. свои работы: им удалось разобрать почти все знаки персепольской надписи. Вспомним, что Гротефенд определил

всего 13 знаков, и тогда мы поймем, какой крупный шаг вперед был сделан Лассеном и Бюрнуфом. Но будем также помнить, что оба они к своей работе приступили с гораздо бо́льшими знаниями, чем Гротефенд; Бюрнуф и Лассен были иранистами, т. е. знатоками персидского языка и персидской, иранской, культуры и им было легче, чем Гротефенду, опираясь на его догадку, довести до конца расшифровку персидской части надписи. Итак, с окончанием работы Раулинсона, в руках ученых, кроме разобранной уже персепольской надписи, очутилась огромная Бисутунская, частично уже понятная. Вспомним, что, кроме этой самой простой, персидской, надписи, ученым удалось установить наличность на Бисутунской скале еще двух других, из которых третья была самой интересной, но и самой трудной; по предположению всех ученых она была сделана на вавилонском языке.

Уже в 1853 г. англичанин Норрис разобрал и издал вторую из этих надписей, сделанную на эламском языке, на котором говорили в южной части Ирана. С третьей частью надписи дело оказалось гораздо сложнее, хотя за работу над ней взялись крупнейшие ученые. Проще всего, казалось, начинать дешифровку с имен собственных, как это сделал когда-то Гротефенд для персидской части персепольской надписи, как сделал это в 1822 г. и гениальный Шампольльон, расшифровавший иероглифы, разобрав сперва имена фараонов.

«Проще всего», говорим мы теперь, когда в наших руках есть и грамматика и словари, когда мы не только умеем разбирать клинопись позднего времени, которой сделана Бисутунская надпись, но когда мы умеем уже различать надписи гораздо более древних времен. А с какими трудностями приходилось иметь дело ученым 80—90 лет назад, мы иногда совершенно забываем. Их поражало, например, что одна и та же согласная в клинописи может быть изображена различными знаками, — например звук «р» можно изобразить семью разными знаками. И поняли они эту загадку только тогда, когда ирландский ученый Хинкс доказал, что каждый из этих многих знаков означает не просто согласный звук, но согласный в сочетании с гласным: ра, ри, ру; ар, ир, ур, эр и т. п. Доказал он также, что в клинописи существуют знаки для слогов из двух согласных и стоящего между ними гласного. Это открытие, которое он опубликовал в 1846 г., дало возможность разобраться в сложной системе ассиро-вавилонской клинописи.

Большие затруднения возникали при расшифровке надписей благодаря так называемой «полифонии» знаков, благодаря тому, что многие из них многозвучны, по-разному звучат. Например, знак для целого слова «небо» звучал, как «шами», и он же мог звучать, как «ан», когда его употребляли в качестве отдельного слога. Знак для слова «гора» звучал, как «шаду», и он же означал слог «кур». Как понять такую странность? Как объяснить ее тем, кто интересуется новыми открытиями, но, не зная близко всех трудностей работы, ставит в упрек ученым медленность расшифровки, неточность ее, противоречия в чтении? С сомнением, подчас с несправедливой и обидной насмешкой относились многие в середине прошлого века к работе над клинописью, — молодой науке приходилось завоевывать свое место с огромным трудом.

А вопрос о многозвучии, о полифонии решался сравнительно просто: клинопись была изобретена не ассирийцами и не вавилонянами, говорившими на языках, родственных еврейскому и арабскому, семитическим языкам, — клинопись была изобретена шумерийцами, народом гораздо более древним, чем вавилоняне, не родственным семитам. Ассиро-вавилоняне заимствовали у них знаки для слов «шами» — небо и «шаду» — гора. Но у шумерийцев эти слова звучали «ан» и «кур», и это значение знаки сохранили в ассиро-вавилонском в том случае, когда означали не целое слово, а только слог. А когда такой знак означал то же понятие, то же слово, что и у шумерийцев, его произносили по-ассиро-вавилонски, а не по-шумерийски. Чтобы пояснить это нагляднее, представим себе, что мы, желая написать слово «дом», изобразим его не буквами, а рисунком дома. Поймет это изображение каждый, но назовут его по-разному на разных языках: немец скажет «Haus», француз — «maison», англичанин — «house» и т. д. То же получилось и с шумерийскими знаками, когда они были заимствованы семитами — вавилонянами и ассирийцами. Но о шумерийцах и о том, как они писали и как изобрели свое письмо, нам придется еще говорить дальше; здесь же нам важно рассказать только, каким остроумным способом положен был конец нелепым насмешкам над расшифровкой и сомнениям в ее правильности.

В 1857 г. в Лондоне случайно оказались одновременно Раулинсон, Хинкс, Тальбот и Опперт, четыре наиболее видных ученых, занимавшихся клинописью. Лондонское Азиатское общество предложило им, каждому порознь, прочесть один

и тот же ассирийский текст, недавно найденный и никому еще неизвестный. Текст переписали в 4 экземплярах, роздали ученым. С нетерпением ждали все результатов оригинального испытания. Готовые расшифровки были наконец присланы всеми четырьмя учеными в запечатанных конвертах. Назначено было торжественное заседание, все четыре конверта были одновременно вскрыты, — что-то они покажут? Если переводы совпадут, значит система расшифровок правильна, значит ключ к чтению ассиро-вавилонской клинописи действительно найден. Строчку за строчкой, знак за знаком стали сверять расшифровки и переводы четырех ученых. Строчка за строчкой, знак за знаком они совпадали. Были мелкие расхождения, но в основном и англичане Раулинсон и Тальбот, и ирландец Хинкс, и француз Опперт прочли одинаково эту новую надпись и определили, что она принадлежит ассирийскому царю Тиглатпаласару I.

Раулинсона называют обыкновенно «отцом ассириологии», науки, занимающейся надписями и вещественными памятниками древней Ассиро-Вавилонии. Его заслуги огромны, но мы уже видели, как много ученых работало одновременно с ним над трудной задачей расшифровки клинописи, мы видели, что по существу «отцами ассириологии» являются и Гротефенд, и ирландец Хинкс, и ряд других исследователей. В этом-то и заключается различие между задачей расшифровки египетских иероглифов, решенной, по существу, одним человеком, Франсуа Шамполльоном, и задачей расшифровки клинописи, казавшейся неразрешимой и потребовавшей сил и уменья многих людей.

Разбором Бисутунской надписи еще не все было сделано. Много и упорно пришлось работать и самому Раулинсону и многим еще ученым, прежде чем добились они того, что новая наука твердо стала на ноги. Нужны были новые памятники, новые надписи, чтобы иметь возможность сравнивать, дополнять, проверять чтение уже известных. И памятники эти надо было искать теперь не в Персии, а в почве самого Двуречья. Нужна была одновременно работа не одних ученых-лингвистов, занятых изучением языка, нужна была и работа вещеведов, археологов — ученых, ведущих раскопки, знакомящихся с вещественными памятниками. Посмотрим, как и где началась эта работа.

●

III. ПЕРВЫЕ РАСКОПКИ В МЕСОПОТАМИИ. НАЙДЕНА КЛИНОПИСНАЯ БИБЛИОТЕКА.

Работы Ботта и Пласа.

Вернемся к началу нашего рассказа. Когда Гротефенд брался за свою смелую попытку, он знал уже, что в Лондон была привезена и выставлена коллекция кирпичей с клинописными надписями. Знал он, что почти все они были собраны англичанином Ричем в пустынной местности на Евфрате, которая носила имя «Бабиль» и которую считали местом древнего Вавилона. Часть их была подобрана недалеко от города Мосула на Тигре. Там возвышался ряд холмов, и местные жители уверяли, что здесь когда-то жил «царь Нимрод», о котором рассказывает Библия, и что здесь стоял большой город; под холмами скрыты развалины его дворцов, а во дворцах должны быть клады. Так говорили туземцы, а ученые знали, что действительно здесь в древности должен был находиться город Ниневия, столица царей Ассирии, — об этом говорили греческие писатели, об этом говорила и Библия.

Невелика была коллекция, собранная Ричем. В британском музее она заняла «витрину в три фута в квадрате, — это все, что осталось от гордого Вавилона и от великой Ниневии», так писал один из современников Рича. В наше время каждый крупный музей имеет большие собрания ассиро-вавилонских древностей, имеются они и у нас в Союзе, в Ленинграде и в Москве, и количество хранящихся в них вещей насчитывается тысячами.

Коллекция Рича очень заинтересовала Моля, профессора персидского языка в Париже и секретаря Азиатского общества.

«Займитесь обязательно этими памятниками, постарайтесь собрать такую коллекцию и для Парижа», твердил он естествоиспытателю Ботта, который в это время, в 1842 г., отправлялся в Мосул в качестве французского консула, и

«Вспомните, что рассказывал Рич в свое время, будто местные жители нашли плиту со скульптурными изображениями; суеверные мусульмане поторопились тогда разбить ее вдребезги — испугались, что злые духи вселятся в каменные фигуры. А ведь это было, может быть, художественное произведение, и вероятно, их можно там найти не одно, если заняться раскопками».

Ботта по приезде в Мосул обратился за советом к английскому консулу Лейярду — он сам не был знаком ни с местностью, ни с условиями жизни в Месопотамии, на севере Двуречья, а Лейярд бывал здесь и раньше.

Неприветливой и негостеприимной показалась французскому консулу голая степь между Евфратом и Тигром. Невысокие холмы известняка и песчаника прорезали ее, тусклым блеском слюды блестели здесь и там соленые озера. Только по левому берегу Тигра, где начинались предгорья Загра, его поразила дикая красота ущелий, над которыми сверкали снежные вершины самых высоких гор.

Невыносимая жара стояла летом. Иногда налетали ураганы и грозы внезапно, точно из чистого неба. Поздней осенью зарядили дожди, стало холодно, выпал даже снег. А Лейярд говорил, что зато весною степь становится необычайно красива.

«Едва пройдет несколько дней, — говорил он, — в продолжении которых вся равнина одета в золотисто-желтый цвет, как вот уже пробиваются новые породы цветов, и за одну ночь все одето в великолепный красный, пурпурный цвет, который так же быстро уступает место темноголубому ковру. Затем степь внезапно начинает пестреть разными красками или одевается в изумрудную зелень чудеснейшего пастбища». «А раскопки вести здесь следует», — говорит он. Вот, хотя бы на холме, где стоит арабское поселение Куюнджик. Все признаки указывают на то, что холм этот искусственный, что здесь было древнее поселение. Лейярд и сам уже думал копать здесь, но пока еще обстоятельства мешают заняться этим.

Ботта принялся за дело. Но, без предварительных знаний и без навыка, вести раскопки трудно, и Ботта не нашел в Куюнджике ничего. А между тем, жители арабских поселений кругом строили свои хижины и хлевы из великолепных известняковых плит, покрытых изображениями, тщательно скрывая, где они берут этот строительный материал. Помог счастливый случай. Какой-то местный житель сказал Ботта,

будто бы такие камни можно найти в изобилии в местечке Хорсабаде. Ботта перенес свои работы туда.

Нездоровое место Хорсабад. Кругом поселения — рисовые поля, залитые водой, сырость и жара; рабочие, помогавшие при раскопках, болели малярией, многие умирали. Ботта, ведя свои раскопки, предложил местным жителям продать ему часть своих лачуг, перенести их на другое место.

«Нельзя», пугливо оглядываясь, отвечали они, и Ботта не мог добиться, почему нельзя, чего они боятся.

В один прекрасный день никто из рабочих не явился на раскопки. Ботта готов был притти в полное отчаяние. Что случилось?!

«Паша не позволил работать. Посадил в тюрьму тех, кто нанялся на раскопки, пытать их будет».

«Какой паша? За что же собирается он пытать невинных людей?»

С трудом добился французский консул объяснения странного запрета паши.

Двуречье в то время находилось во владении турецкого султана. Наместниками султана были, как и в Египте, паши, на обязанности которых лежал сбор податей. Местное население было бедно, паши с трудом выколачивали угрозами и наказаниями даже те деньги, которые приходилось отсылать в султанскую казну. Скудно было жалованье, которое получали эти паши, а на населении нажиться было трудно. А тут французы тратят деньги, роясь в земле. Это неспроста. Не камней же они в самом деле ищут! Сведующие люди говорят, что в Хорсабаде найдены были когда-то огромные сокровища; об этом даже один арабский ученый писал. Верно не все было тогда взято завоевателями-арабами. Как же уступить французам клады, которые принадлежат по праву ему, паше Хорсабада? На жителей надежды мало — не выдадут французов. И вот паша пишет в Константинополь, будто французский консул копает в Хорсабаде траншеи и строит крепость.

Ботта нетрудно было оправдаться от нелепого обвинения, и работа снова закипела.

Скоро заступы рабочих зазвенели по какому-то твердому настилу — под толстым пластом земли они натолкнулись на огромную кирпичную платформу. Под платформой был насыпан толстый слой чистого песку.

«Странный фундамент, — смеясь, сказал Ботта своим спутникам, — не могу понять, с какой целью насыпан здесь

песок, разве что с целью опровержения пословицы о непрочности дома, построенного на песке».

Ботта был хорошим естествоиспытателем, но не был строителем, а то бы он понял, что песок служил дренажным слоем, что такая прокладка была необходима, чтобы уберечь постройки на платформе от почвенной сырости во время дождей и разлива реки.

Под песком находилась вторая кладка кирпича, необычайной мощности, в несколько рядов, промазанных густо земляной смолой, асфальтом; ведь около Мосула и в наши дни из-под земли продолжают выступать источники асфальта.

Мощный фундамент еще больше возбудил интерес исследователя, — какова же постройка, которая стояла на такой платформе.

Наконец показались стены, судя по всем признакам, лицевая сторона строения с огромными воротами в центре стены. Из земли постепенно вырастали гигантские каменные головы.

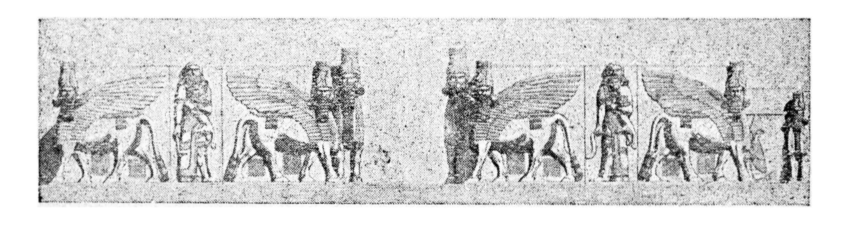
«Я убежден, что я первый, кто открыл скульптуры, которые с некоторым вероятием возможно отнести ко времени процветания Ниневии», писал Ботта во Францию, сообщая о чудесной находке.

А она оказалась еще более интересной, чем это думал Ботта. Необычайно художественно, рукой отличного мастера были сработаны эти скульптуры из белого, раскрашенного алебастра. Спокойно, величественно выражение приветливо улыбающихся лиц, большие глаза широко открыты, на грудь спускается борода, завитая мелкими кудрями, пышные волосы прикрыты шапкой, а на шапке странное украшение: ее охватывают с обеих сторон крутые бычачьи рога, голова посажена на плечи огромного крылатого быка.

Странные фигуры, полулюди, полуживотные, стоят по обе стороны входа, точно стерегут его, приветливо улыбаясь навстречу входящим. Но огромные мускулы напряжены, крылья наготове, — если враг посмеет подступить к воротам, пощады ему не будет. Мы теперь знаем, что древние ассирийцы в этих скульптурах действительно изобразили добрых «шеду», стражей входа в царский дворец, крылатых гениев-покровителей. Исследователи очистили стены снаружи, все больше изумляясь тому, что открывалось их глазам. Кирпичная кладка была сплошь облицована алебастровыми плитами с выпуклыми, рельефными изображениями. Белый алебастр был раскрашен, и следы краски сохранились отлично; красный, черный, необычайно яркий и чистый синий цвет, золотисто-

желтый горят под лучами южного солнца. Вот стоит сам царь, строитель дворца. За ним двое его приближенных, спереди к нему подходит длинное шествие людей. Пышные завитые волосы, одежда длинная, тяжелая, обшита бахромой.

У одного из древнееврейских «пророков» есть рассказ о том, как финикийский город Тир торговал с Ассирией, получая оттуда «великолепные одежды, плащи из синего пурпура и цветных вышивок, пестротканные покрывала и крепкокрученые шнурки», т. е. верно бахрому. Золотом и цветными нитями бывали вышиты эти одежды. Давным-давно перестала существовать Ассирия, но искусство ткачей ее не умерло. Еще в I в. хр. эры римский император Нерон

Изображения Гильгамеша и крылатых быков «шеду» на стенах дворца Саргона в Хорсабаде.

заплатил за такую ткань огромную сумму — 4 миллиона сестерций,[12] и еще и в наше время лучшие ковры ткут в Ираке, на берегах Евфрата и Тигра, и в Иране. Ботта и его спутники вспоминали все рассказы еврейских и римских писателей, любуясь тончайшей отделкой одежды на рельефах Хорсабада. Вот они, эти «великолепные одежды из пурпура и цветных вышивок».

Ботта с раскопками торопился. Это понятно, если вспомнить, что он впервые после $2^1/_2$ тысяч лет вскрывал дворец ассирийского царя; ему не терпелось копать все дальше и дальше. Правильна ли такая спешка? Конечно нет, и Ботта сам же и подтверждает это в своих письмах. Алебастровые плиты были очень хрупки. Когда их сперва разогревало жаркое солнце, а потом охлаждал ночной воздух, они начинали быстро крошиться, раскраска осыпалась, и редчайшие памятники погибали безвозвратно.

В наше время археологи знают, что хрупкому известняку нужно дать «окрепнуть» на воздухе, что надо иногда покрыть

вещь сразу же предохранительными составами, чтобы она не рассыпалась. Но в те времена, почти сто лет тому назад, техника археологической работы была еще мало известна. По мере хода раскопок, Ботта лучшие вещи запаковывал в ящики, их тащили на руках до реки, там грузили на «келеки» и отправляли в Басру, а оттуда в Париж. Лучшие вещи отправляли во Францию. А то, что казалось менее интересно, оставляли на месте, вещи гибли или их приобретали те, кто хотел. Таким образом, ряд великолепных рельефных плит, оставленных здесь Ботта, был куплен и доставлен в Ленинград, тогдашний Петербург, в Государственный Эрмитаж.

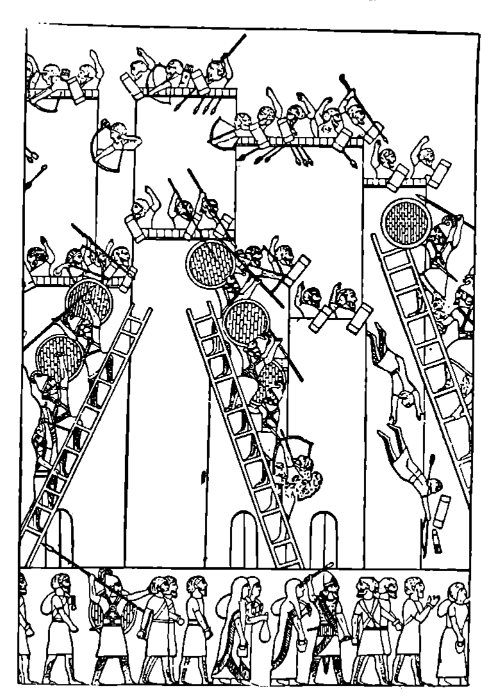
Ассирийский царь Ашурназирпал, за ним стоит гений. Рельеф Гос. Эрмитажа.

Для нас, конечно, очень важно иметь возможность видеть в подлиннике ассирийские вещи, но правильно ли так поступать, как делал это Ботта? Конечно нет. Научно говоря, он разрушал комплекс, целое. Поясним это примером.

Перед нами один из многочисленных рельефов, открытых Ботта, оставленных им на месте и приобретенных Государственным Эрмитажем. Рельеф изображает двух воинов, сражающихся под защитой огромного щита. Один из них стреляет из лука, другой держит щит. Оба они обращены влево, в сторону какого-то врага. Но какого? Идут ли они на осаду крепости или сражаются на поле битвы? Мы можем догадываться, так как в Париже, в Лувре, есть рельефы с военными сценами, например со сценой осады и пожара крепости. Вверху вырываются языки красного и желтого пламени, внизу ассирийские воины гонят перед собою толпы военнопленных и, надо полагать, что где-нибудь около находилось также изображение ассирийцев, осыпающих стрелами осажденных. Должен ли был, однако, находиться здесь наш рельеф, мы не знаем, общая картина разорвана, «комплекс» нарушен.

Долго пришлось поработать и поучиться археологам пока они не нашли верные пути, пока не выработали правильные методы.

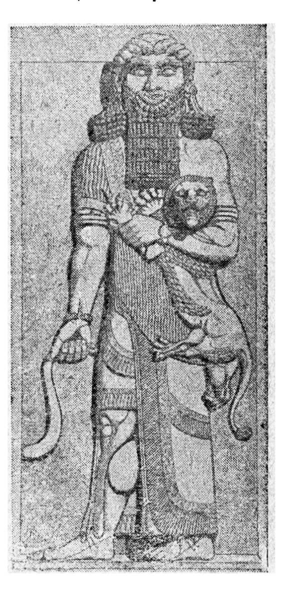
Вернемся, однако, к нашему месту раскопок и посмотрим, что же дали они еще интересного. Скажем только заранее, что Ботта не смог довести до конца свою работу и его заменил архитектор Плас. Ему, как строителю, удалось найти и понять многое, что ускользало от Ботта. Ворота были проделаны в необычайно толстой стене. Их верхняя часть закруглялась сводом, и они были украшены кирпичами, покрытыми цветной глазурью. По яркоголубому фону были точно ромашки рассыпаны: белые лепестки, желтые серединки; крылатые человеческие фигуры, такие же добрые гении, как и гигантские «шеду», выделялись на том же сияюще-синем фоне своими одеждами цвета золота; сикомора широко раскинула свои лапчатые, яркозеленые листья, сучья ее гнулись под'тяжестью зреющих желтых плодов. Какое чудесное изобретение эта яркая цветная глазурь! Попробуйте расписать стены красками, первые же дожди смоют, солнце выжжет. А стеклянная глазурь прочна необычайно, сохранила по наши дни весь блеск своих красок.

Осада ассирийцами крепости. Внизу воины ведут пленных. Рельеф.

Полюбовались археологи и на странное изображение, повторявшееся несколько раз рядом с человеко-быками. Человек с пышной вьющейся бородой и такими же волосами,

схватил одной рукой льва и душит его, прижимая к себе. Это — герой, богатырь. Лев, по сравнению с его гигантским ростом, кажется просто кошкой. Мы знаем в настоящее время, что этого «богатыря» звали Гильгамеш, и об этом Гильгамеше нам еще придется говорить. Но в то время его имя не было еще прочтено и в памяти исследователей мелькнули только воспоминания о древнееврейском герое Самсоне, необычайном силаче, разодравшем пасть льву, и о греческом Геракле, сражавшемся также со страшным Немейским львом.

Гильгамеш, удушающий льва. Рельеф.

Убрали землю и вошли внутрь большого двора. Ко двору с трех сторон примыкают разные части строения: жилые помещения, коридоры, дворы поменьше, целый лабиринт комнат. В земле исследователи находят поминутно куски обугленного дерева, на стенах следы огня, — дворец погиб, очевидно, в пламени пожара. Вот какое-то помещение вроде кладовой. Вдоль всей кладовой шли параллельно друг другу два каменные выступа, вроде порогов; они поддерживали поставленные между ними стоймя остродонные кувшины. Плас заглянул в них. Они внутри были покрыты густо каким-то красно-коричневым осадком.

«Глазурь», решил Плас.

Пошел сильный дождь, сосуды наполнились водой, красноватый осадок растворился. Запахло резко винными дрожжами.

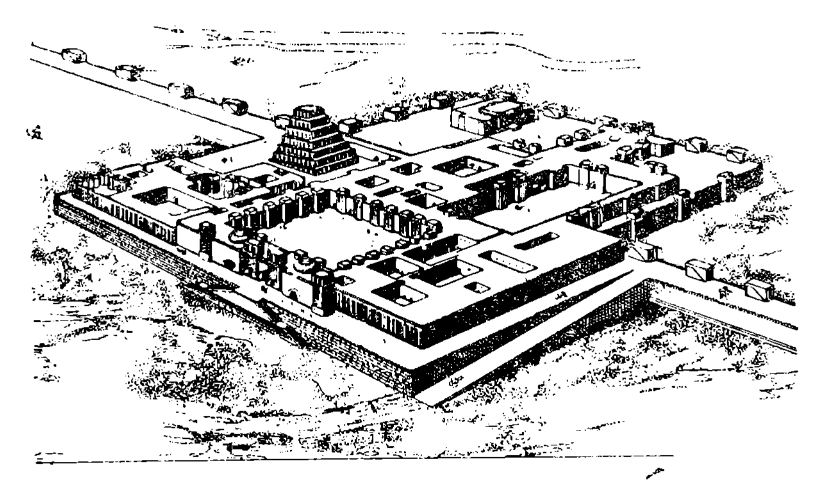
«Вот так штука, — смеялись археологи, — ведь это винный погреб царя, здесь хранилось красное вино».

Мы не знаем, было ли это местное ассирийское вино или же дорогое вино из Наири, горной страны к северу, из теперешней Армении, но, очевидно, на дворец нападение было совершено внезапно, и враги, в порыве разрушения, не нашли кладовой или не успели ее разграбить.

В одном из задних помещений Плас нашел целый склад разных орудий: кирки, мотыки, серпы, долота из железа.

Мудрено ли, если места добычи железа в горах на северо-востоке были давно уже известны?

Ботта и Плас не знали еще в момент раскопок, как звали того царя, дворец которого они нашли. Мы знаем теперь, что это был Саргон II и что он жил в 722—705 г., т. е. в 1-м тысячелетии до хр. эры. А недавно ученые нашли много железных орудий в развалинах одного поселения 3-го тысячелетия до хр. эры. Конечно, железо в те отдаленные времена было еще редким, малодоступным металлом, да и

Дворец Саргона II. Реконструкция.

при ассирийских царях употребляли для орудий главным образом бронзу, но важно помнить, что Египет в 3-м тысячелетии употреблял еще только медь или камень, что бронза была там привозной и очень дорогой, а железа он не знал вплоть до конца 2-го тысячелетия.

Велико было количество рельефов и скульптур, которые Ботта и Плас вывезли во Францию. Жаль только, что под конец Пласа постигла большая неудача. Ряд чудесных вещей был упакован и поставлен на келеки. Трудно объяснить, как случилось, что два больших келека опрокинулись, и их драгоценный груз пошел на дно Тигра. Невольно вспоминается такая же судьба саркофага египетского фараона Микерина, —

он тоже потонул во время переправы его морем из Египта в Европу.

Ботта ошибался, думая, что нашел развалины Ниневии. Он открыл только одно из предместий этого города, дворец Саргона II и небольшое поселение, расположившееся вокруг него. Слава открытия Ниневии принадлежит другому археологу, англичанину Лейярду, о котором мы уже говорили.

Работы Лейярда и Рассама.

Без больших затрат нельзя было начинать дела, а Лейярд хотел поставить его серьезно, хотел раскопать по возможности большую часть холмов вокруг Мосула. Поразительные открытия Ботта, великолепные рисунки его спутника, художника Фландена, настолько заинтересовали всех, что английское правительство решило дать Лейярду средства на такие же работы. Своим помощником он избрал Ормузда Рассама, молодого уроженца Мосула. Рассам знал отлично местный язык, нравы и обычаи своих соотечественников, он получил отличное образование в Европе, кончил университет в Оксфорде, в Англии.

Лейярд решил начать работы так, чтобы об этом по возможности не знали в Мосуле и не помешали ему. Местом раскопок он избрал Нимруд, холм, находившийся в 5 часах езды от Мосула. Выехал он рано, захватив с собой ружья и провизию, как делал всегда, отправляясь в окрестности города на охоту за дикими вепрями. Ничего необычного в этом не было, и никто не обратил внимания на его отсутствие.

Лейярд раскинул свой лагерь вблизи холма, начал работы. Налетевший внезапно ураган снес его палатки. Пришлось построить из тростника и глины домик, хижинку, как их ставят обычно оседлые арабы, жители этой страны. Пошли дожди, глиняный дом промок, внутренние стены его зазеленели, покрылись травой, пышно разросшейся.

«Это была единственная зелень, услаждавшая наши взоры целые полгода», рассказывал Лейярд впоследствии.

После дождей начались жары, температура доходила до 35° Реомюра в тени. Работать стало тяжело. Единственным развлечением Лейярда были поездки верхом в глубь степей, в лагерь Абд-эр-Рахмана, шейха, вождя дружественного племени кочевых арабов. Однажды Лейярд опять отправился туда.

«Выехал я рано утром и уже возвращался, когда я вдруг увидел двух арабов того же племени, несущихся бешеным

галопом», так описывает Лейярд одно из важных событий этого первого сезона раскопок. «Поторопись, бей, — крикнул один из них, — поторопись ко рвам, они нашли самого Нимрода. Валлах, это непостижимо, но это верно: мы видели его собственными глазами. Нет бога, кроме бога». И, не успев даже повторить своего благочестивого восклицания, они, не теряя больше времени, улетели в сторону своих палаток.

Подъехав к руинам, я спустился во вновь прорытый ров и увидел арабов, которые видели, как я подъезжал и собрались вокруг кучи корзин и плащей. В то время как Авад, староста рабочих, выступил и стал просить подарка в ознаменование происшествия, арабы сняли покрышки и показали гигантскую человеческую голову, которая была целиком высечена из местного алебастра. Они открыли только верхнюю часть, основная масса ее была еще скрыта в земле».

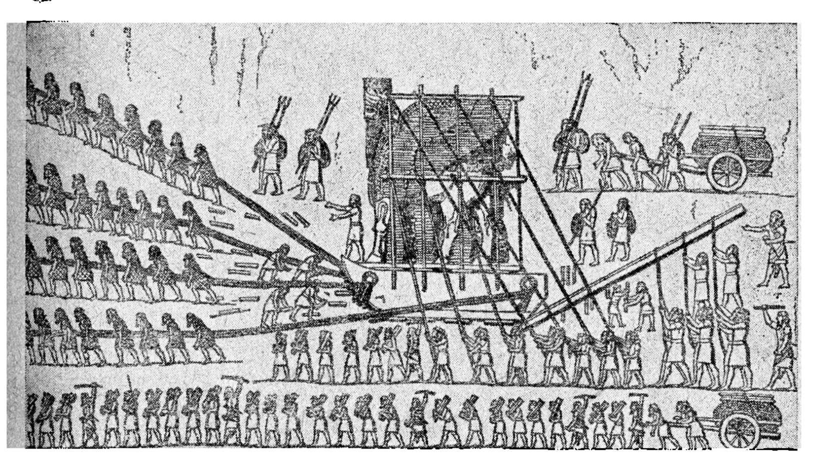
Арабы находят голову «Нимрода».

Лейярд понял сразу, что гигантская голова принадлежала такой же фигуре крылатого быка или льва, какие еще недавно нашел в Хорсабаде Ботта.

Некоторые из рабочих побросали свои корзины и побежали, очевидно, чтобы рассказать дома о событии. Прискакал шейх Абд-эр-Рахман со всем своим племенем. «Это не человеческих рук дело, — воскликнул он, — это дело рук неверных великанов, о которых пророк, — мир да пребудет с ним, — сказал, что они больше, чем самые высокие финиковые пальмы, это один из идолов, которых Ной, — да будет мир с ним, — проклял до потопа».

Скрывать раскопки больше нельзя было; издалека стекались любопытные, посмотреть на «идола, проклятого Ноем». Сообщения Лейярда, его письма, вызывали и в Европе огромный интерес, тем более, что новый дворец, открытый

здесь, оказался более древним, чем дворец Саргона. Это подтвердили впоследствии надписи, упоминавшие имя Салманассара, царя Ассирии (860—825 до хр. эры). Снова потянулись к Тигру тяжелые платформы на сплошных колесах, перевозя древние рельефы и скульптуры, снова раздалось монотонное пение сотен людей, впрягшихся в эти повозки, затрубили сигнальные рожки, надсмотрщики стали отбивать такт. На лошадях или волах нельзя было перевозить такие тяжести, — где их достанешь в бедных арабских деревушках в достаточном количестве. А жители этих деревушек, полу-

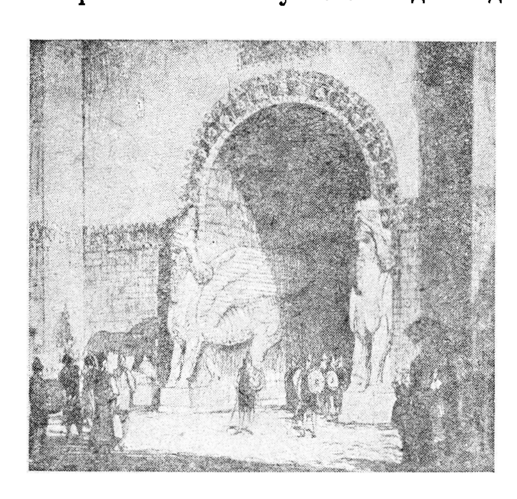

Перевозка крылатого быка «шеду». Рельеф.

голодные, не знающие как свести концы с концами и уплатить подати, охотно сбегались, чтобы за грошовую плату заменить собою вьючных животных.

На стенах ассирийских дворцов были найдены рельефы, изображающие сцены перевозки гигантских «шеду» к месту постройки царского дворца. Более двух тысяч лет прошло с тех пор, но стоит сравнить один из этих рельефов с изображением перевозки тех же крылатых быков Пласом или Лейярдом, и мы увидим, что и за эти тысячелетия в Двуречье способы перевозки остались такими же. Разница только в том, что ассирийские цари сгоняли на эти работы толпы несчастных военнопленных, обращенных в рабство, а европейские консулы пользовались трудом полуголодного населения.

Странную особенность подметили на фигурах «шеду» и сами археологи и художники, любовавшиеся ассирийскими скульптурами в Британском музее и в Лувре. Некоторые фигуры имели не четыре ноги, которые полагается нормально иметь быку и льву, а целых пять. Мы иногда, желая подчеркнуть полную бесполезность чего-нибудь, говорим шутливо: «это нужно так же, как собаке пятая нога». А вот, оказывается, что с художественной точки зрения пятая нога «шеду» очень нужна. Этой пятой ногой снабжены только те фигуры, которые стояли по углам входных дверей. Представим себе, что мы идем к воротам дворца вдоль стены, покрытой рельефами. Вот стоит фигура Гильгамеша, удушающего льва, а вот за ним крылатый бык «шеду»: он поднял крыло, повернул голову, зорко смотрит на подходящего и делает стремительный шаг вперед, точно сопровождая посетителя и разглядывая, не враг ли он. Мы готовимся войти в ворота, а перед нами вырастает вдруг фигура второго «шеду», еще больших размеров. Кажется, будто он спокойно стоит в сознании своей грозной силы, охраняя вход. Мы входим в ворота, и с фигурой «шеду» происходит странное превращение, — она точно приходит в движение на наших глазах. Только-что мы видели перед собой ее две передние ноги в совершенно спокойном положении и вот уже они сделали широкий шаг вперед, одна передняя нога отодвинулась назад, другая выставлена вперед. Как это случилось? Да очень просто. Войдя в ворота, мы видим гигантского быка-человека сбоку; обе передние ноги стоят совершенно параллельно друг другу и потому теперь та передняя нога, которая приходится позади другой, не видна. Если бы ассирийский ваятель не заставил фигуру

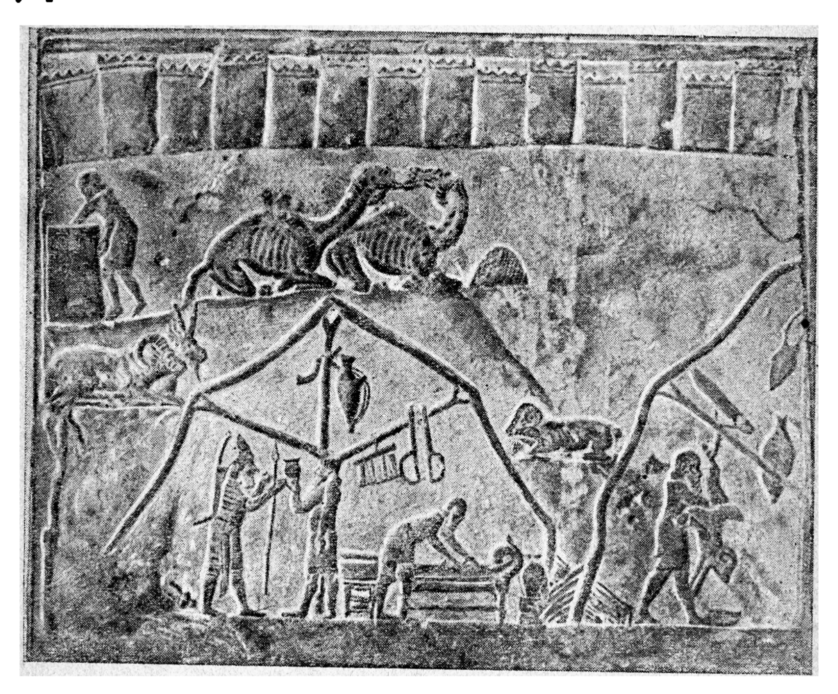
Ворота Хорсабадского дворца. Реконструкция.

«шеду» шагать, если бы и задние ноги стояли в спокойной позе параллельно, нам видна была бы только та, которая находится спереди. Это некрасиво, безжизненно, гигантский бык казался бы стоящим всего на двух ногах. И вот скульптор приделывает «шеду» пятую ногу в позе шага. Спереди ее не видно, зато если смотреть на фигуру сбоку, она становится видна, и, наоборот, пропадает одна из спокойно стоящих ног. Чтобы додуматься до такого художественного фокуса, чтобы суметь выполнить его с таким совершенством, надо было быть очень большим художником, нужны были многие столетия роста знаний и культуры.

На раскопках Нимруда — древнего города Калаха — Лейярд не остановился. Он переносит в 1849 г. свой лагерь в новое место, как раз напротив Мосула, на левом берегу Тигра. Здесь, на берегу древнего русла реки, проходившего в те времена немного восточнее, была расположена на холме арабская деревушка Куюнджик, где когда-то начинал свою работу Ботта. От Куюнджика на северо-восток шла широкая дорога к городской стене. И к югу и к северу от Куюнджика виднелись еще холмы. Лейярд правильно решил, что обширное пространство, защищенное в древности такими массивными стенами, могло быть только местом очень большого города. Какого же именно? Да вот той самой Ниневии, которую он так усердно искал. Не будем останавливаться подробно на том, как работал он здесь со своим помощником Рассамом. Лейярд написал впоследствии большую книгу о своих путешествиях и раскопках, мы же остановимся теперь только на самом важном, что ему удалось открыть здесь. Напомним попутно, что в это время Раулинсон и ряд других ученых уже научились читать ассирийские надписи и могли сейчас же установить, к какому времени принадлежит тот или другой памятник. Вот стены дворца, покрытые, как и те, которые были найдены раньше, каменными плитами с рельефным изображением ратных подвигов царя — владельца этого дворца. Надписи называют его имя: Синахериб, наследник Саргона II. Здесь же Лейярд вскрывает второе здание, — мы знаем теперь, что его строил Ассархаддон, наследник Синахериба. Очевидно, в обычае у ассирийских царей было при своем вступлении на престол строить себе новый дворец. Каждая такая дворцовая постройка производит впечатление настоящей крепости, — огромные ворота, толстые стены, за стенами открытые дворы, а кругом дворов — приемные залы, жилые комнаты, кладовые, хозяйственные

постройки, помещения для телохранителей, для придворных.

Ни Лейярд, ни Рассам не подозревали, раскапывая третий по счету дворец на этом холме, какое открытие ожидало их... Стены приемной залы были по ассирийскому обычаю украшены рельефными изображениями.

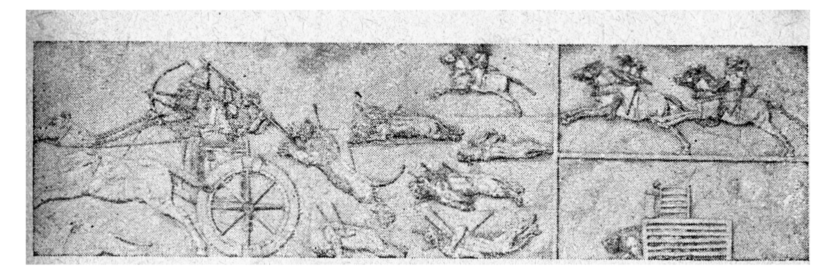
Военный лагерь ассирийцев. Рельеф.

«Ничего нового, — решили было исследователи, — опять сцены войны и охоты. Достаточно хорошо познакомились с ними во дворцах Синахериба и Ассархаддона». Но, приглядевшись внимательно, они поняли, что с этими вновь найденными рельефами не может равняться ничего из скульптур, найденных раньше, по тонкости отделки, по уменью реалистично, т. е. верно и живо передать различные сцены, как военные, так и мирные.

Вот среди ряда изображений осады, боя, разрушения взятых крепостей, картина лагерной жизни. Поставлены палат-

ки, в одну из них входит вооруженный воин; слуга торопится подать ему сосуд с пивом или водой, другой слуга готовит ему походную постель. Позади палатки улеглись козы и овцы, стадо, которое сопровождает войско на походе. Два верблюда, изголодавшиеся и тощие, так что ребра торчат, подрались лежа, злобно стараются укусить друг друга за морду. Лагерь обнесен кругом зубчатой стеной, — очевидно войско расположилось на долгую стоянку под стенами какой-нибудь осаждаемой крепости.

Вот сцена в саду. На высоком ложе расположился на отдых царь. В ногах ложа, на троне с высокой спинкой сидит царица. Между ними стоит небольшой, массивный столик, верно, украшенный металлом; на столике стоят яства. Царь

Ашурбанипал на львиной охоте. Рельеф.

с царицей пируют в саду; пальмы чередуются с хвойными деревьями, — их много росло в ближних ущельях гор и их любили разводить в парках вельмож и царей за приятный запах их смолистой хвои. Виноградная лоза вьется высоко, зеленым шатром сплетаясь над головой пирующих, свешивая свои зреющие грозди. За царем и царицей стоят слуги, опахалами навевая на них прохладу, подальше расположились арфисты.

Но, пожалуй, наиболее художественно изобразил ассирийский художник сцены царской охоты на львов.

Вот царь торжественно выезжает на своей колеснице, запряженной парой коней. Огромные, тяжелые зубчатые колеса обиты сверкающей медью, возница натянул туго вожжи. Над царем укреплен зонтик, совершенно такой, как и у нас делают, только сзади еще спускается полотнище материи, чтобы солнце не жгло затылка царю. Куда он едет? Посмотрим следующие рельефы.

Из огромной деревянной клетки выпускают львов. Их поймали живьем и привезли в охотничий парк на потеху царя. Верхом, вооруженный копьем или луком и стрелами, в сопровождении своих телохранителей несется он навстречу животным; он бьет их с колесницы, вступает с ними в единоборство.

«Я, Ашурбанипал, царь вселенной, царь Ассирии, — гласят надписи, — ради развлечения моего величества схватил за хвост льва пустыни; по повелению Нинурты и Нергала,[13] великих богов, моих помощников, собственной палицей

Раненый лев. Рельеф.

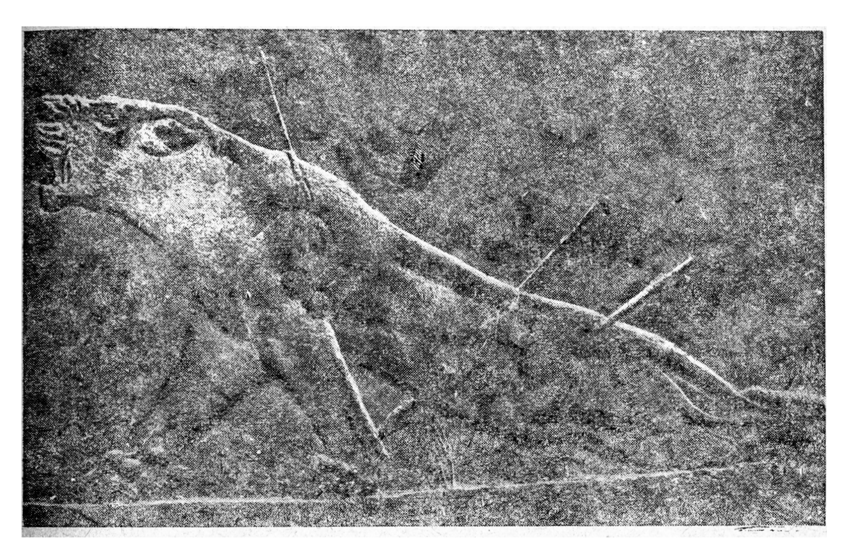
я размозжил ему голову, расколол череп его обоюдоострым мечом».

«Я, Ашурбанипал, царь вселенной, царь Ассирии, ради удовольствия моего, охотясь пешком, схватил свирепого льва пустыни за уши; с помощью Ашура[14] и Иштар, госпожи сражения, дротиком рук моих я пронзил его тело».

Какое безумное удальство! Не нужно, однако, забывать, что не в открытой степи, один на один, происходит это единоборство, а в особых загонах, оцепленных вооруженными людьми, что в самый опасный момент на помощь царю ринутся его телохранители и что несчастных, напуганных зверей перед началом «охоты» держат долго в клетках. Ашурбанипал и его предшественники, вероятно, очень

гордились тем, что они такие же герои, как Гильгамеш, душащий льва, но с нашей современной точки зрения эта «охота» больше похожа на бойню.

Кончена охота. Трупы убитых зверей подбирают, пересчитывают. Не все еще прикончены. Вот один из львов поднялся, пытаясь грозно зареветь, но стрела пробила ему легкое, поток алой крови вырывается из его пасти. Рядом

Умирающая львица. Рельеф.

с ним львица, смертельно раненая, пытается встать, жалобно воя, с трудом волоча за собой парализованные задние лапы, — тяжелой стрелой ей перебило позвоночник. С необычайным уменьем изобразил художник каждый мускул, позу животного, сумел передать ярость зверей, предсмертные страдания их. Смотришь на эти рельефы и кажется, что слышен еще и грохот тяжелых колес и топот коней о твердую почву, рев и вой зверей, крики охотников.

«Ашурбанипал — имя владельца дворца», сказали ученые, разобрав надписи.

Ни в одном из вскрытых раньше дворцов не встретили исследователи такого страшного разрушения. На стенах следы пожара, все разбито, исковеркано, кажется и водой затопляло дворец. Кто такой этот Ашурбанипал? Лейярд

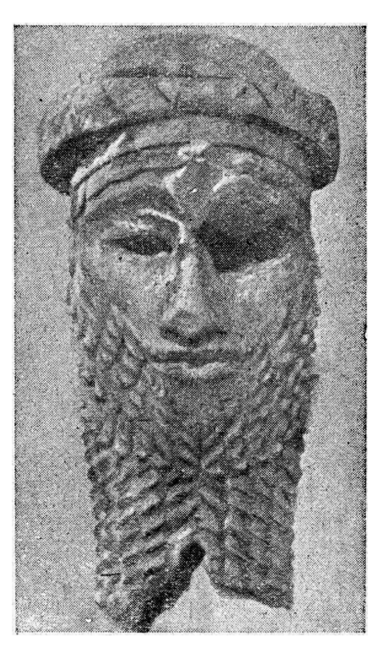
вспоминает рассказ историка-грека Диодора: последним царем Ассирии, говорит Диодор, был Сарданапал. Когда город был взят, Сарданапал заперся в своем великолепном дворце с женами и детьми, со своими приближенными и со всеми своими богатствами; велел поджечь дворец и погиб в пламени гигантского пожара. Сарданапала греческих рассказов звали по-настоящему «Ашурбанипалом», решили было исследователи.

Но, в настоящее время мы знаем, что дворец погиб не при Ашурбанипале, а при его сыне в 612 г. до хр. эры. Мы знаем также, что последним ассирийским царям пришлось столкнуться с народом близко родственным персам — с мидянами. И любопытно, что мидяне, а впоследствии и персы, многое заимствовали от Ассирии и в первую голову клинопись, а подчинив себе население не только Ассирии, но и Вавилонии, персидские цари принуждены были важнейшие постановления писать этой клинописью на трех по крайней мере языках: на своем родном, на эламском и на вавилонском. Грек Диодор не видел сам падения Ниневии, не присутствовал и при сценах грабежа и пожаров в Дур-Шаррукине, резиденции Саргона II в Калахе, Ассуре и других городах, он ошибся, приписав гибель дворца Ашурбанипала времени того же царя. Но у нас есть яркое и красочное описание этого события у современника его, еврея Наума. Послушаем в каких выражениях говорит он об этом:

«Поднимается на тебя, Ниневия, рушительный молот: охраняй твердыни, стереги дорогу, опояшься, укрепись всеми силами... щит ратников его (ассирийского царя) окровавлен; воины его в одеждах багровых, как огонь сверкают колесницы в день приготовления к бою, и лес копий волнуется. По улицам опрометью стремятся колесницы, гремят на площадях; блеск от них, как от огня; сверкают, как молнии. Он вызывает храбрых своих, поспешают на стены города и устраивают оборону...»

Но не спасла эта оборона столицы государства, как не спасла она и других городов Ассирии: «горе кровожадному городу, — восклицает Наум, — не прекращается в нем разбой. Только и слышишь хлопанье бича и стук крутящихся колес, ржание коня и грохот скачущей колесницы. Несется конница, сверкает меч и блестят копья; убитых множество и груды трупов; нет конца трупам; спотыкаются о трупы их»... Осаждающие врываются: «расхищайте серебро, расхищайте золото, нет конца искусным изделиям, множе-

ство всякой драгоценной утвари...» Прорваны плотины, ограждавшие город от разливов реки, «речные ворота отворяются», вода размывает и разносит глинобитные лачуги ремесленников, мелких торговцев, беднейшего неселения, ютившегося на окраинах, в низких местах. А на холме бушует пламя, рушатся с треском потолки кедрового дерева, поддерживавшие вторые этажи дворцов, гибнут произведения искусства, несметные богатства, накопленные ассирийскими деспотами за долгие годы войн со всеми окрестными народами. «Разграблена, опустошена и разорена Ниневия. Кто пожалеет о ней?» Конечно, не те тысячи несчастных военнопленных, мужчин, женщин и детей, которых победоносные ассирийские цари толпами уводили из Палестины и Сирии, из гор Армении, из Элама, страны к востоку от южного Двуречья, которых они сажали на своих землях, обрекая на пожизненный, подневольный, тяжкий труд для себя и для окружавшей их ассирийской знати.

Голова древнего ассирийца. Медная скульптура.

Вот, как рассказывают современники о гибели Ниневии. Лейярд и Рассам своими глазами смогли убедиться, что описание их вполне совпадает с действительностью.

Из приемной залы исследователи пытаются проникнуть дальше. Всюду полное опустошение, остатки обуглившегося дерева, полуразрушенные стены. Вот среди лабиринта комнат и дворцов небольшое помещение. Рыть надо очень осторожно, — может быть это кладовая и они найдут здесь остатки какой-нибудь утвари. Убирают землю, уголь; под ними целый пласт каких-то кирпичных обломков, а на обломках — те же «клинописные» знаки, которые разобрал Раулинсон и которые были выбиты на каменных плитах в приемных залах дворцов.

Лейярд и Рассам были образованными людьми, но клинописи они не читали. Несмотря на это, они поняли всю важность своей находки. Перед ними было целое сокровище, тысячи и тысячи надписей. То, что им показалось обломками, на самом деле было дощечками из крепко обожженной глины, таблетками, как мы их теперь называем. Эти таблетки были разной величины, некоторые очень большие, другие крошечные, не больше 3—5 сант., квадратные, выпуклые с одной стороны, плоские с другой. Многие были разбиты на мелкие куски, некоторые остались совершенно целыми. Откуда взялась эта груда? Ведь почти в метр толщиной этот пласт таблеток. И странно, что некоторые из них лежат аккуратно сложенные пачками друг на друге, почти неповрежденные.

«Ага! Вот в чем дело, — поняли исследователи.— Эти таблетки были тщательно уложены пакетами в деревянные ящики, — вот и следы сгоревшего дерева. Ящики находились не в этой комнате, а во втором этаже. Во время пожара потолки рухнули, ящики провалились вниз, часть их разбилась, оттого и таблетки оказались поломанными. Грабители их не тронули, и они пролежали в развалинах более 2 тысяч лет».

Такие огромные склады таблеток были найдены в Ниневии еще в нескольких местах. Их тщательно подобрали, — более 20 тысяч! — упаковали и переслали в Лондон.

Находка была очень важна. Насколько важна, об этом нам придется еще сказать, потому что оценить вполне ее значение удалось ученым только тогда, когда они прочли некоторые из надписей.

Нам следует отметить здесь только, как важно, чтобы раскопки велись всегда знающими людьми. Мы уже говорили, что ни Лейярд, ни Рассам не умели читать клинописные знаки и поэтому не могли разобрать, какие таблетки следует класть вместе. Они торопились укладывать и это нужно было сделать, чтобы дожди, пыль и палящее солнце не разрушили их. Но в настоящее время археолог, ведя раскопки, не берет ни одной вещи с места, не отметив сперва точно, как она лежала; обыкновенно теперь делают сейчас же фотографический снимок, по мере расчистки вещей от земли и пыли. Мы еще увидим на примере других раскопок, как важна бывает такая осторожность. Но во времена работ Лейярда, фотография была делом новым и для раскопок ею нельзя было еще пользоваться. Огромный клад таблеток оказался перепутанным, разбираться в нем

оказалось очень трудно и, хотя со времени находки его прошло почти 90 лет, до сих пор еще не все разобрано и приведено учеными в ясность. Не знали тогда ученые еще и другого, что знаем мы теперь; они еще не подозревали, что перед ними были действительно книги, настоящая библиотека и библиотека древнейшая в мире.

Почему называем мы это собрание клинописных таблеток библиотекой? Почему в Ассирии писали на глине? Как возникла клинопись и почему такое огромное значение придаем мы этой клинописи? Вот сколько вопросов возникает у нас сразу в связи с чудесной находкой Лейярда и Рассама.

●

IV. КАК ВОЗНИКЛА И РАЗВИЛАСЬ КЛИНОПИСЬ.

Откроем первую страницу любой современной книги, взглянем на обложку ее, — на ней стоит непременно ее название, заглавие ее. Мы начали читать эту книгу, но что-нибудь помешало нам кончить ее; как найти потом то место, где мы остановились? Надо только запомнить страницу, ту цифру, которая стоит обычно вверху страницы.

Теперь представим себе, что в руках у нас не наша собственная книга, а что взяли мы ее из библиотеки. Из какой? Это легко узнать, — на заглавном листе стоит обычно штамп библиотеки. Когда мы ее вернем, библиотекарь сразу найдет, на какую полку ее следует поставить, потому что на том же заглавном листе он найдет и отметку с номером шкафа, полки, и порядковый номер самой книги. Одним из важнейших правил хранения книг в библиотеке является забота о переплете, потому что непереплетенные книги могут быстро растрепаться по листкам, а переплет предохраняет книгу от порчи, делает ее более прочной.

Разберемся в таблетках, найденных во дворце Ашурбанипала. Каждая из них в отдельности отлично обожжена, чтобы от времени и частого употребления глина не могла выкрошиться, чтобы она была прочной, — обжиг заменяет здесь переплет. В углу большей части таблеток стоит надпись: «дворец Ашурбанипала, царя вселенной, царя Ассирии». Это «штамп» царской библиотеки. Вот перед нами ряд таблеток большого размера, в целую страницу какой-нибудь современной книги. На каждой повторяется одна и та же фраза: «когда вверху». Эти таблетки дают длинный связный рассказ о сотворении мира; рассказ начинается словами «когда вверху небо еще не было названо и суша внизу имени не имела» и вот, начало этой фразы поставлено на каждой таблетке, как заглавие всей глиняной «книги», чтобы не спутать ее отдельные «листки», т. е. отдельные таблетки, с «листками» другой такой же

«книги». Таблетки, — глиняные «страницы», «листки», — кроме того перенумерованы и хранились пачками в деревянных ящиках.

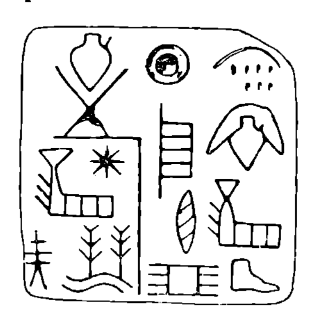
Неудобны и очень тяжелы были эти клинописные «книги», но прочны они были необычайно; страшный пожар, разрушивший дворец, не повредил библиотеки Ашурбанипала; сгорели ящики, разбились многие таблетки, но многие из них можно составить, склеить и в настоящее время мы знаем не только содержание этих глиняных книг, но даже знаем, как Ашурбанипал собирал эту библиотеку, как он рассылал своих ученых писцов по всей стране, требуя, чтобы они покупали ему в других городах «книги», а если особо ценные нельзя было купить, требуя, чтобы их для него списывали.

Значит были в Двуречье еще и другие места, где хранились «книги», где были собрания таблеток? Не только были, но можно смело ручаться, что не было, наоборот, сколько-нибудь крупного храма или дворца, где тысячами не хранились бы клинописные таблетки. Почему же тогда мы называем библиотеку Ашурбанипала древнейшей в мире? Да потому, что нигде больше мы не встретим такого огромного собрания глиняных «книг», приведенных в такой строгий порядок, как здесь. Вот книги по медицине, пачки таблеток со всевозможными рецептами и указаниями, как лечить ту или иную болезнь; вот ряд подробных указаний, как изготовлять глазурованные кирпичи, химические рецепты и т. д.

А вот и еще пачки таблеток, поразившие ученых полной неожиданностью. Мы говорили раньше, что ассирийский язык «мертвый», потому что на нем никто больше не говорит, и гордимся тем, что мы можем изучать эти мертвые языки — греческий, латинский, египетский, ассирийский. Оказывается, что уже сами ассирийские ученые усердно изучали еще более древние языки, на которых в их время уже никто не говорил. Некоторые таблетки оказались списками слов и знаков для изучения шумерийского языка, на котором говорили и писали за три и за две тысячи лет до нашей эры и о котором речь у нас была уже раньше. Это были самые настоящие словари, где рядом со словом на шумерийском языке давалось его значение по-ассирийски. Если бы этого не было, мы в настоящее время стояли бы перед неразрешимой загадкой; прочесть шумерийские надписи было бы может быть и возможно, ведь они написаны тоже клинописью, хотя часто, как мы это видели раньше, один и тот же клинописный знак читается различно по-шумерийски и по-ассирийски;

но понять их было бы очень трудно, так как шумерийский язык отличается от большей части известных нам языков, а не зная языка, как же читать надписи? Словари библиотеки Ашурбанипала облегчили задачу ученых. И, — что было особенно важно, — найдя эти древнейшие в мире словари, они нашли ответ и на вопрос о том, почему в Ассирии писали на глине, и на вопрос о том, как возникла клинопись.

Дело в том, что уже в конце XIX в. на юге Двуречья, в развалинах очень древних поселений найдены были в огромном количестве таблетки с надписями на шумерийском языке. Они восходили к тому отдаленному времени, когда Ассирия еще не существовала. Значит, клинопись изобретена была не на севере Двуречья, а на юге, в Шумере. Ни камня, ни дерева, ни металла, на которых можно было бы вырезать или высекать надписи, здесь не было. В болотах по берегам рек и Персидского залива росли заросли гигантских тростников; но папируса, из которого в Египте изготовляли материал для письма, здесь не было, а кожу, которую умели так чудесно обрабатывать в Ассирии, в те отдаленные времена выделывали плохо, и она для надписей не годилась. Оставалось пользоваться для письма глиной, которой было сколько угодно и которая была отличного качества. Попробуем сравнить с клинописью знаки на одной небольшой таблетке, найденной недавно в Шумере.

Древнейшая таблетка с иероглифами.

«Да это не знаки, это просто рисунки», невольно придет в голову при первом взгляде. Не все можно понять, но вот здесь, в правом нижнем углу изображена ступня ноги, наверху налево — остродонный сосуд на подставке, а ниже еще мы можем разобрать звезду и два дерева, которые растут на берегу водоема.

Вспомним, что в Египте писали иероглифами, т. е. знаками, изображающими разные предметы или их части, что, например, две ноги по-египетски обозначали глагол «ходить». Совершенно также писали и в древнейшем Двуречье: ступня на нашей таблетке могла означать глагол «ходить», а два дерева у воды, как говорят нам ученые, озна-

чают слово «сад». Иными словами, жители Двуречья, также как египтяне в глубокой древности, писали рисунками. Не всегда такой рисунок обозначал именно тот предмет, который он изображал. Например, знак «факел» мог означать глагол «гореть» и существительное «блеск», знак «сосуд» означал также «пиво».

На мягкой глине трудно было рисовать так же тщательно, как мог это, например, сделать египтянин на папирусе или на мягком, светлом известняке. Рисунки упрощают, не выцарапывают их, а выдавливают на мягкой, сырой глине простыми прямыми линиями.

Статуя Гудеа, «энси» Лагаша. Хранится в Лувре.

Чтобы надпись была отчетливее, ровнее, влажную, глиняную таблетку «линуют», употребляя вместо линейки туго натянутую веревочку.

Для выдавливания употребляют чаще всего тростниковую палочку, а чтобы знаки были заметнее, конец такого грифеля вырезают в форме треугольника, клинушка. Все больше и больше упрощаются знаки, и если мы захотим узнать, как же в ассирийской клинописи выглядел шумерийский знак для слова «гореть» или «пиво», то мы и отдаленного сходства больше не найдем.

Нелегко было выучиться читать и писать в то время, как Ашурбанипал составлял свою библиотеку. Нелегко было еще и потому, что ведь, кроме родного ассирийского языка, надо было знать и то наречие, на котором говорили в Вавилонии, на юге Двуречья, надо было знать и «мертвый» язык древнего Шумера, приходилось встречаться и с некоторыми словами языка касситов, народа, который когда-то, в начале 2-го тысячелетия завоевал Вавилонию и цари

которого долгое время правили здесь. Многие ли могли быть здесь грамотны? Конечно, нет. До нас дошли от разных времен письма, и все они начинаются словами: «Амат-каллатиму скажи: так говорит Апиль-киттум...» или «Белиссуну скажи: так говорит Ильтани...» Очевидно, и тот, кто посылал письмо, и тот, кто его получал, были неграмотны и нуждались в помощи человека, который бы сумел и написать письмо, и свезти его по назначению, и прочесть его тому, кому оно адресовано. То есть, иными словами, грамотных людей было немного и большинство из них было на службе тех, кто сам не владел грамотой, но мог иметь у себя в подчинении человека, умеющего читать и писать. Зато высоким почетом пользовались лишь писцы среди остального населения.

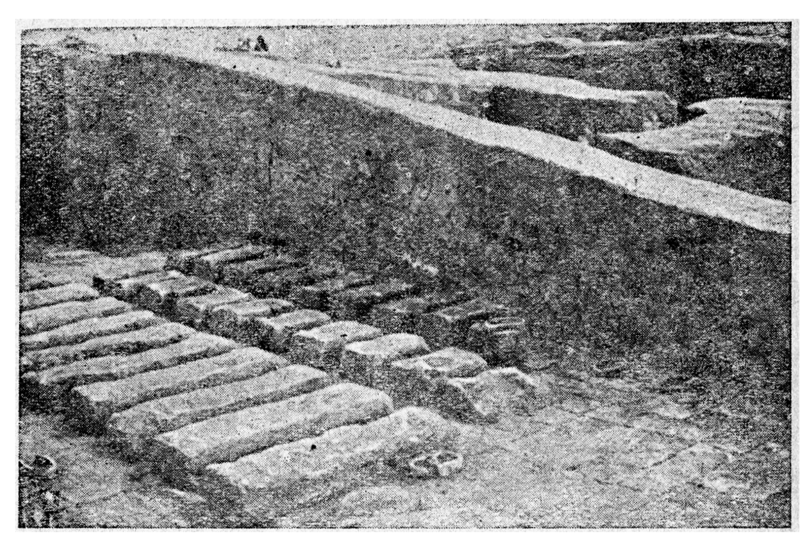
Древний египтянин, восхваляя должность писца, говорил: «...только он управляет, все остальные подчиняются», а в Вавилонии говорили: «тот, кто отличается в искусстве писца, воссияет подобно солнцу». Лучшим доказательством высокого положения писца в обществе древнего Двуречья служил тот факт, что даже князья знакомятся иногда с грамотой и с гордостью носят звание «дупшарру», писца. На юге Двуречья, в городе Лагаше, например, правил в середине 3-го тысячелетия князь Гудеа; он был, очевидно, очень ученым человеком для своего времени, так как на одной из своих статуй приказал изобразить себя архитектором с планом храма на коленях. Он и себя называет «дупшарру» и сына своего сделал ученым писцом; об этом по крайней мере говорит одна надпись этого сына на большой каменной булаве: «Гудеа, князю Лагаша, Лугаль-ити-гин, дупшарру, сын его, посвящает это».

Ашурбанипал не только собирает библиотеку, но хвалится ею и своей собственной ученостью: он может читать надписи «допотопных времен», он умеет читать таблетки на шумерийском языке, он овладел «трудным аккадским языком». Ашурбанипал знаком с искусством гадания по звездам, с астрологией, он знает арифметику и геометрию. До нашего времени дошла учебная клинописная табличка, которую составил писец Аплаи для упражнения Ашурбанипала, тогда еще не царя, а только наследника престола.

Знаем ли мы в Египте, что-нибудь о женщинах-писцах? Ровно ничего, и ни одна строка иероглифических надписей не упоминает ничего о том, чтобы женщины обучались здесь грамоте. А в Ассирии такие ученые женщины были не так уже редки, мы знаем даже, что одну из них звали Амат-бау;

древние шумерийцы даже прозвали одну из своих богинь, Белит-сери, «писицей таблеток подземного мира» и приписывали ей обязанность вести списки умерших.

Где учились писцы? Были ли особые школы для них? Среди огромной массы таблеток, найденных в разных городах Двуречья, ученые отобрали много таких, которые были «школьными тетрадями». Упражнения часто написаны еще неумело, «дупшарру-сихру» — «маленький писец» — учится

Помещение школы. Раскопки в Мари.

еще только выписывать отдельные знаки, слова, цифры, целые фразы. Он должен выучиться держать небольшую таблетку сырой глины в ладони левой руки (очень большие таблетки клали на особую подставочку), должен уметь быстро и четко выписывать знаки сперва на ее лицевой, плоской стороне, а затем ловко перевернуть ее, не смяв в пальцах, оборотной, выпуклой стороной. Вот таблетка, на боках которой ясно отпечатались следы пальцев, державших ее три-четыре тысячи лет тому назад; вот здесь еще видны следы тростниковых волокон грифеля; а вот на этой таблетке видны поправки учителя — жреца, — писцы обучались в храмах, и мы знаем даже, что в Двуречье и жреца и писца обозначали одним знаком.

Не нужно быть ученым вавилонским или ассирийским писцом, чтобы и в наше время сразу отличить древнейшую таблетку, написанную шумерийскими знаками-рисунками, от таблетки, написанной клинописью. Мы знаем уже, что клинописные знаки развились именно из знаков-рисунков. Чем же тогда объяснить, что древнейшие надписи и пишут и читают сверху вниз и справа налево, а клинописные таблетки написаны всегда горизонтальными строками и слева направо?

Шумерийский писец. Современная скульптура по шумерийским изображениям.

Попробуем сами проделать опыт с писаньем тем и другим способом, как делал это какой-нибудь писец Ашурбанипала, зажав влажную глиняную таблетку в левой ладони, выдавливая знаки тростниковой палочкой в правой руке. Если таблетка очень маленькая и надпись не длинная, мы это сможем сделать быстро и осторожно. Но представим себе, что нам нужно написать длинный текст, — рука устанет, потому что придется держать ее все время на весу. А делать это придется, если строчки идут вертикально, сверху вниз, потому что иначе, переходя ко второй, третьей и к следующим строчкам справа налево, мы мизинцем и ребром руки затирали бы только что выдавленную надпись предыдущих строк. Чтобы этого не случилось, шумерийский писец стал поворачивать таблетку в ладони так, что вертикальные строчки превратились в горизонтальные, крайняя строчка справа стала первой строчкой сверху и т. д., а знаки, вместо прежнего вертикального положения, заняли горизонтальное, обратив свою верхнюю часть влево. При чтении такую таблетку первоначально поворачивали в прежнее, вертикальное положение. Но знаки с течением времени все упрощались, теряли свой характер рисунков, писать горизонталь-

ными строками было гораздо удобнее, и старый способ писать сверху вниз был окончательно оставлен.

Долго и подробно остановились мы на клинописи, на том, как открыли способ чтения ее, на том, как она возникла и развилась, и на том, кто же, собственно, владел в древней Месопотамии искусством писать и читать. Нам пришлось это сделать потому, что для знакомства с древней Месопотамией письменные памятники особенно важны, важнее, пожалуй, чем даже для древнего Египта. Почему? Вспомним, как мы в начале нашей беседы собирались знакомиться с древностью Месопотамии с помощью вещественных памятников. Как просто сделать это в Египте! Чего там только ни нашли археологи: золотые и серебряные украшения, каменную утварь, которые ни от времени, ни от лежанья в земле не портятся, а рядом с ними свертки тончайших льняных тканей, сосуды с духами, которые благоухают так же, как и три тысячи лет тому назад, букеты и венки цветов, ссохшихся, но сохранивших и цвет свой и форму.

Мы проследили в Ассирии за раскопками целого ряда археологов; Ботта и Плас, Лейярд и Рассам копали на протяжении ряда лет. И что же они нашли? Камень, кирпич, обугленное дерево; один раз они натолкнулись, правда, на винный погреб царя, второй раз вскрыли кладовые бронзовых и железных орудий дворца Саргона. Вот и все. Нам могли бы возразить, что все эти археологи копали только в Ассирии, только в самой Ниневии, или около нее. А ведь города Ассирии были разрушены внезапно напавшим врагом, они были разграблены и сожжены.

Все это правильно и все-таки наибольшее количество вещественных памятников в XIX веке нашли именно в Ассирии, а не в южной части Двуречья, не в Вавилонии. И на вопрос, почему так случилось, придется привести две причины: во-первых, долгое время в Вавилонии почти не производилось раскопок, а во-вторых, в почве Вавилонии не сохраняются ни дерево, ни ткани, ни кожа; почти все, кроме камня, кирпича и золота портится и совсем исчезает. А чтобы понять, почему долгое время здесь почти невозможно было копать и почему вещи здесь не сохраняются, нам придется продолжить наше путешествие, придется познакомиться подробнее со страной. Послушаем, что рассказывают люди, бывавшие здесь.

●

V. ОБСЛЕДОВАНИЕ ВАВИЛОНИИ. ПОЧЕМУ ВЕСТИ РАСКОПКИ ЗДЕСЬ ТРУДНЕЕ, ЧЕМ В АССИРИИ.

Англичанин Лофтус, копавший после Лейярда в развалинах Ниневии, побывал и в Вавилонии, осмотрел то место, где, по преданию, находился город Вавилон, и проехал до Варки, развалин Урука, одного из самых богатых и цветущих городов древнего Сенаара, древней Вавилонии. Вот как описывает он картину, которая его встретила здесь:

«Запустение Варки производит еще более сильное впечатление, чем подобная же картина в Вавилоне. На целые часы езды в окрестностях нет жизни. Не протекает у холмов ее река, не цветут зеленые финиковые рощи у развалин ее. Даже гиена и шакал, кажется, избегают грустного зрелища ее гробниц. Над заброшенной пустыней не парит орел. Ни былинка, ни насекомое не может здесь существовать. Только сморщенные лишаи, ползущие по выветрившейся поверхности разбитых кирпичей, являются, кажется, неоспоримыми владыками этих голых развалин... Правда, торчат еще высокие и значительные строения из лежащих кругом масс земли, песка и глиняных черепков, но ни формы, ни плана не найти больше в грудах развалившихся кирпичей и мусора. Разрушенное великолепие, полное одиночество — вот характер этих руин. За исключением какого-нибудь племени, случайно бродящего здесь, арабы избегают местности, которая слывет местом пребывания злых демонов, и никто не посмел бы провести ночь в этом ужасном месте».

Лофтус побывал в Вавилонии в 1857 г. Ровно 40 лет спустя, по тем же дорогам, к тем же местам ехал немецкий путешественник Захау. Когда он 27 декабря 1897 г. выезжал из Багдада, стоял жестокий холод и задувал резкий порывистый ветер. Невеселую картину представляла вавилонская равнина; плоская и ровная, как гладь морская, ни рощицы, ни деревца. Кое-где торчит одинокий холм, «телль»,

как называют такие холмы по-арабски, — место древнего поселения. Длинные земляные валы, окаймлявшие некогда каналы, бегут вдаль, да там, где в этих каналах сохранилось немного воды, виднеются жалкие, низкорослые вавилонские ивы. Рядом с остатками древних каналов жители неутомимо работают, прокапывая новые для орошения своих полей.

Трудно ехать по равнине. Вот лошади едва взобрались на высокий земляной вал плотины у канала, и снова надо спускаться и переходить ров канала. Мягкая, глинистая, влажная земля оседает под ногами, тяжелыми комьями липнет на копытах утомленной лошади.

«Поезжайте лучше по реке, — говорят крестьяне, работающие на полях, — дальше будет хуже, каналов все больше, они станут шире, мостов нет»...

«Да, неудобны каналы, — думал путешественник, — и все-таки правильно говорят, что в Вавилонии без них невозможна не только что культура, но и самая жизнь».

Едут по равнине дальше, попадаются места, где нет каналов; каким мощным кустарником покрыта здесь местность! Жители выгоняют сюда верблюдов пастись на подножном корму.

«Если бы провести и сюда каналы от Тигра и Евфрата, если бы осушить здесь болота и оросить сухие места, — отмечает путешественник, — то все эти выгоны превратились бы в сплошной цветущий сад, в сплошное поле, и поле это могло бы давать жатву несколько раз в год».

Ведь там, где жители заботятся о земле, в Вавилонии и зимой цветут цветы, зреют овощи, шелестят своими жесткими листьями финиковые пальмы.

И Лофтус, и многие другие путешественники жалуются на невыносимый палящий зной вавилонского солнца, а вот немецкий путешественник мерзнет и не знает, как уберечься от сырости. По дороге ему пришлось заночевать в деревне у арабов. Хижины здесь были сооружены из тростниковых цыновок, обмазанных глиной. Попасть в них можно было только ползком, так низок был вход. В центре был устроен очаг, на котором тлел жалкий огонек. С потолка капало, сквозь цыновки на полу проступала сырость, ночью от холода нельзя было глаз сомкнуть. Утром пришлось ехать за водой, так как в самом поселении ее нельзя было достать, да и та, которую достали наконец путешественники, была мутная, коричневого цвета, и в ней звенели еще тонкие льдинки ночного заморозка.

В чем же дело, и почему такая странная разница в описании страны у разных путешественников? И Лофтус, и Захау, и многие другие давали совершенно правильную картину того, что они видели, и разница только в том, что путешествовали они в разное время года. В декабре-январе, зимой, когда только что лили холодные дожди, Захау замерзал, в августе-сентябре в Вавилонии можно, наоборот, задохнуться от жары. А если отправиться туда весной, в марте-апреле, то перед нами будет сплошная водная гладь разлившихся рек.

Как могли хорошо сохраняться в такой влажной почве вещи? Как можно было вести здесь правильные раскопки? Ведь для раскопок приходилось бы привезти с собою лопаты, кирки, полное снаряжение, нужно было бы иметь возможность добывать провизию, свежую питьевую воду. А по дорогам Вавилонии в дождливое время года не только что клади не провезешь, не проедешь и сам верхом, не пройдешь пешком. Заняться правильными раскопками стало возможно только, когда современная техника позволила воспользоваться новыми изобретениями: где нельзя было проехать на лошади, где в болотах вязли верблюды, там беспрепятственно стали проходить тяжелые грузовики на гусеничном ходу, подвозя издали воду, припасы, поддерживая связь между лагерем археологов и населенными местами. И, благодаря правильно веденным раскопкам в разных местах Вавилонии, мы в настоящее время получили возможность заглянуть в такую седую древность, о которой еще недавно и мечтать не могли; мы получили такое большое количество вещественных памятников, что наше намерение заставить говорить о прошлом вещи для некоторых периодов истории Двуречья оказывается теперь вполне осуществимым. Правда, не все стороны жизни Двуречья, не все времена могут быть одинаково полно освещены с помощью вещей, добытых раскопками, и нам очень часто придется прибегать к помощи того, что мы называли «письменными памятниками». Вот почему такое большое значение имеют для нас всякие собрания клинописных памятников, и вот почему придаем мы такое огромное значение библиотеке Ашурбанипала.

Остановимся же опять на некоторых глиняных «книгах» этой библиотеки и посмотрим, в какой мере раскопки, вещественные памятники подтверждают и разъясняют то, что рассказывают памятники письменные.

VI. РАССКАЗ О ГИЛЬГАМЕШЕ, УТНАПИШТИ И О «ПОТОПЕ». ЧТО О «ПОТОПЕ» РАССКАЗЫВАЮТ ВЕЩИ.

Рассказ о подвигах Гильгамеша в одной из «книг» библиотеки Ашурбанипала.

Перед нами одна из самых «толстых книг», — 12 больших глиняных таблиц, исписанных мелкой клинописью на вавилонском языке ассирийским шрифтом (вспомним, что Ашурбанипал собирал в своей библиотеке литературные произведения и на древнем шумерийском языке и на вавилонском). Они были разбиты на мелкие куски, и их пришлось с большим трудом собирать по частям. Что они являются «листками» одной «книги», ясно из того, что все они помечены общим заглавием «о все видавшем». Таблицы местами сильно повреждены, но содержание их понятно вполне, тем более, что в настоящее время найдена часть гораздо более древнего экземпляра этой «книги», а совсем недавно открыты еще экземпляры ее в Малой Азии, в Хаттушаше, древней столице хеттского царства.

О все видавшем земля да знает,
О ведавшем все, о все проницавшем,
О врагов покорившем всех совместно,
О постигшем премудрость, о все познавшем.
Сокровенное видел и тайное ведал,
Принес нам весть о днях до потопа,
Долгий путь прошел, но устал и вернулся,
На камне высек все тяготы,
Стеною обнес Урук огражденный.

Таково вступление этой «книги».

Герой поэмы — мудрый царь города Урука (Варки) Гильгамеш:

На две трети он бог, на одну человек он

Но тяжело живется его подданным. Он возводит мощные стены вокруг города, закладывает фундаменты храмов. И поголовно все население должно работать на этих постройках днем и ночью. Жалобы жителей города Урука слышат боги неба и обращаются за помощью к Аруру, богине, сотворившей человека: «ты создала Гильгамеша, создай теперь подобие его,

Да состязаются, Урук да отдыхает».
Аруру, такое услыхавши —
Глины слепила, бросила на землю,
Слепила Энкиду, создала героя...
Шерстью покрыто все его тело,
Подобно женщинам волосы носит,
Пряди волос, словно нива, пышны.
Ни людей, ни земли он не ведал,
Одеждой Сумукану[15] был подобен.
Вместе с газелями ест траву он.
Вместе со зверьем к водопою теснится,
Со скотом водой веселит свое сердце.

Внешностью Энкиду напоминает животное, с животными он дружит, помогая им спасаться от охотника, пугая охотника своим странным видом. Горько жалуется охотник своему отцу на неведомое чудовище:

«Бродит вечно по всем горам он,
Постоянно со зверьем к водопою теснится,
Постоянно шаги направляет к водопою.
Боюсь я его, приближаться не смею.
Наполняет ямы, которые я вырыл,
Вырывает ловушки, которые я ставил,
Из рук моих уводит зверье и тварь степную —
Он мне не дает охотиться больше».

Не отец, а сам герой Гильгамеш подает охотнику совет заманить Энкиду хитростью в поселение пастухов, послать за ним жрицу «Харимту». Хитрость удается, и вот Энкиду среди людей, но он не знает их обихода, он не умеет пить из сосуда, он не видел никогда хлеба.

Молоко у скота сосет он.
Хлеб, который перед ним положили —
Исследует, смотрит и озирает.
Не умел Энкиду питаться хлебом,

Питью сикеры[16] обучен не был.
Харимту уста открыла, вещает Энкиду:
«Ешь хлеб, Энкиду, он — жизнь дарящий,
Пей сикеру — страны она доля».
Досыта хлеба ел Энкиду,
Сикеру пил он — семь сосудов.
Взыграл его разум, развязался,
Его сердце веселилось, лицо сияло.
Прикоснулся рукой к волосатому телу,
Елеем умастился, уподобился людям,
Одеждой оделся, стал похож на мужа.
Оружие взял, сражался со львами —
Пастухи покоились ночью.
Волков укрощал и львов побеждал он —
Пастыри спали спокойно:
Энкиду — их стража, человек могучий.

Энкиду не уступает силой самому Гильгамешу, когда тот вызывает его на единоборство, герои примиряются и заключают дружбу. Много славных подвигов совершают они, борясь со всяким злом в стране.

Но Энкиду снятся мрачные сны, он предчувствует раннюю смерть. Гильгамеш, энергичный и деятельный, не дает ему раздумывать над будущим. Город построен, но не укрощены еще дикие звери, и в Кедровом лесу живет еще страшный хранитель его, чудовище Хумбаба, — надо уничтожить их. Гильгамеш зовет друга на подвиг.

Вспомним гигантские фигуры героя Гильгамеша, душащего льва, при входе во дворцы ассирийских царей; на других, более древних изображениях, он борется с дикими быками. То, что для ассирийских царей стало забавой, спортом, то в более древние времена было необходимостью, — ведь дикие звери угрожали человеку, ведь они вредили его стадам.

Вторая часть поэмы начинается отправлением друзей к Кедровому лесу.

Старейшины города отговаривают Гильгамеша. Сам герой Энкиду пугается страшного Хумбабы.

Но Гильгамеш отвечает Энкиду поговоркой, подбодряет его на новый подвиг:

«Кто, мой друг, из людей поднялся,
Поднявшись, с Шамашем[17] живет навеки?
А человек — сочтены его годы,

Чтоб он ни делал — только ветер.
Ты же теперь боишься смерти,
Не имеет силы твоя отвага.
Я пойду пред тобой — возглашай же клич —
подходи, не бойся!
Если паду я — останется имя:
Гильгамеш-де пал у мощного Хумбабы».

Стоит ли задумываться над возможностью гибели, если надо совершить подвиг?! Даже в случае смерти останется в памяти людей добрая слава о герое — вот, что хочет Гильгамеш сказать своими словами.

И вот друзья, преодолев многие опасности, достигают леса страшного Хумбабы:

Остановились, дивятся лесу,
Кедров высоту озирают,
Леса озирают тропы,
Где Хумбаба бродит походкой мерной, —
Дороги прямы, пути удобны;
Видят Кедровую гору, жилище богов,
святыню Ирнини. [18]
Пред горою кедры возносятся пышно —
Тень хороша их, полна услады.
Растет терновник, растет там мох,
Кедры растут, благовонные травы.

Мы не знаем подробностей битвы друзей со страшным Хумбабой, — в этом месте таблетка оказалась сильно поврежденной. Мы знаем только, что Хумбаба был ими убит.

Гильгамеш смывает с себя пыль сраженья, чистит свое оружие, откидывает свои длинные кудри на спину, сбрасывает грязную одежду, одевается в праздничное одеяние, возлагает на голову тиару. Красота и доблесть героя привлекают Иштар, богиню плодородия, богиню природы, и она сватается к Гильгамешу:

«Велю запрячь колесницу из лазурного камня,
С золотыми колесами, с рогами из электра.
Запрягать тебе будут мулов огромных.
Войди в наш дом в благоуханьи кедра.
Как войдешь ты в наш дом высокий —
И порог и престол [18а] — да целуют твои ноги,
На колени да встанут цари, князья и владыки,
Люди гор и равнины да несут тебе дани;

Твои козы — тройней, а овцы двойней да рожают,
с вьюками ослы твои — как мулы да будут,
Твои кони с колесницей да будут горды в беге,
Под ярмом твои волы да не знают равных!»

Гильгамеш отвергает сватовство Иштар. Что из того, что она богиня? Разве можно полагаться на природу, окружающую человека? Вот она улыбается ему солнечным утром, а не успеешь оглянуться, как налетит буря, зальет поля дождем, градом выбьет жатву. Иштар, говорит Гильгамеш, это —

«Черная дверь, что не держит ветра и бури,
Дворец, раздавивший героя,
Колодец, поглотивший свою крышку,
Смола, которой обварен носильщик,
Мех, которым облит носильщик».

Оскорбленная Иштар требует, чтобы Ану, бог неба, наказал героя. Пусть он создаст «небесного быка», пусть бык убьет Гильгамеша, иначе Иштар грозит «разбить врата преисподней, вывести мертвых, чтобы стало мертвых больше, чем живых».

Новый враг, пожалуй, страшнее всех, с которыми до сих пор приходилось сталкиваться друзьям. Ведь то были все земные животные, а как справишься с грозовой тучей, раскаты грома которой подобно грозному мычанью разъяренного быка гремят над равниной? Но Гильгамеш и Энкиду справились и с «небесным быком», с грозовой тучей!

Гильгамеш созвал всех своих искусных мастеров, всех ремесленников Урука; дивились мастера необычайной толщине рогов небесного быка: 30 мин [19] весил каждый из них, 6 мер масла вмещал каждый, и были они оба из дорогого синего камня, из ляпис-лазури. Друзья устроили пир по случаю окончания своих подвигов, — ведь сколько их было еще, кроме двух самых великих, победы над Хумбабой и над небесным быком, не перечесть!

Но Энкиду снова снятся страшные сны. Тяжелая болезнь поражает его, чует он близость смерти. И вот Гильгамеш заплакал над другом своим:

«Энкиду, друг мой, гонитель онагров [20] горных, пантер пустыни,
С кем мы все побеждали, поднимались в горы,
Схвативши, быка убили,

Поразили Хумбабу, что жил в лесу Кедровом!
Что за сон теперь овладел тобою?
Стал ты темен и меня не слышишь!»
А тот уже глаз поднять не может, —
Тронул он сердце, но оно не бьется.
Закрыл он друга, как невесту, нежно,
Как орел закричал о своей орлице,
Словно львица, чьи пойманы львята;
Все обращается к своему он другу,
Рвет и рассыпает прекрасные кудри,
Раздирает и мечет украшенья тела.

Не только смерть друга поразила его; впервые он задумался над тем, что ведь и сам он смертен:

«Не так ли умру и я, как Энкиду?
Отчаянье в сердце мое проникло,
Смерти страшусь и бегу пустыней!»

И вот Гильгамеш задумывает последний и самый трудный подвиг, он хочет избавиться от смерти сам, хочет он избавить от нее и всех жителей своего города.

Он знает, что где-то на краю земли живет его предок, Утнапишти, сын Убур-Туту, единственный из людей, которому боги дали бессмертие.

Он решает итти в путь, искать помощи у него. Гильгамеш идет на восток, — ведь оттуда каждый день восходит солнце, там, вероятно, обитает и Утнапишти В горном ущелье на него нападают львы, Гильгамеш убивает их и идет дальше к краю земли:

Он слыхал о горах, чье имя Ма́шу —
Как только к этим горам он прибыл,
Что восход и закат стерегут ежедневно,
Наверху — небосклона достигают,
Снизу — преисподней их грудь достигает —
Люди-скорпионы стерегут ворота —
Грозен их вид, их взоры — гибель,
Страшен их блеск, повергающий горы —
При восходе и закате охраняют солнце.
Как только их Гильгамеш увидел —
Ужас и страх его лицо покрыли.
С духом собрался, направился к ним он;
Человек-скорпион жене своей крикнул:
«Тот, кто подходит к нам — плоть бога — его тело».

Человеку-скорпиону жена отвечает:
«На две трети он бог, на одну — человек он».

Гильгамеш просит их указать ему путь, скорпионы грозят ему, что дорогой этой никто, никогда не осмеливался ходить, кроме светлого Шамаша, солнца, которое каждый вечер заходит на западе, чтобы утром выйти из-за гор востока:

«Темнота густа, не бывает света,
При восходе Солнца открывают ворота,
При заходе Солнца открывают ворота...»

Бог солнца — Шамаш, восходящий из-за гор.
Изображение на цилиндре-печати.

Но Гильгамеш решает итти. Двенадцать «беру», двенадцать двойных часов, целые сутки идет он и вот,
Двенадцать «беру» прошел — рассвет наступает,

Увидев рощу богов — поспешил он.

Чудесна эта роща богов:

Сердолик [21] плоды приносит —
Гроздьями увешан, на вид приятен.
Лазурный камень [22] растет лозою,
Плоды приносит, на вид желанен;
Как терновник [23] и каперс [24] — драгоценные камни,
Гильгамеш, проходя между ними,
Очи поднимает на эту рощу.

Гильгамеш идет дальше и приходит на берег моря, где живет богиня Сидури, он просит ее указать ему дорогу, рассказывает о своем горе. Сидури пробует отговорить его:

«Гильгамеш, куда ты бежишь?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты.
Боги, когда создавали человека,
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали.
Ты ж, Гильгамеш, — насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Ежедневно праздники делай,
Днем и ночью пляши и смейся!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй супругу —
Только в этом дело человека...
Никогда, Гильгамеш, не бывало переправы,
И не мог переправиться морем никто, кто
был здесь издревле;
Шамаш-герой переправился морем,
Кроме Шамаша, никто не может!
Трудна переправа, тяжела дорога,
Глубоки воды смерти, что ее преграждают.
Где ж, Гильгамеш, переправиться морем?
Вод смерти достигнув, что ты будешь делать?»

Герой качает головой: он не испугался Хумбабы и небесного быка, он прошел дорогой Солнца-Шамаша мимо людей-скорпионов, неужели испугается он глубоких «вод смерти»? Ведь затем он и пошел, чтоб найти средство победить болезнь и смерть. Сидури говорит ему о семейном счастье, — что же ответить на это? Покой и счастье хороши, когда доведено до конца задуманное большое дело, а ведь он, Гильгамеш, ищет бессмертия не для себя одного, а для всех людей.

Переправить героя через море соглашается Уршанаби, корабельщик самого Утнапишти. Сто двадцать шестов изготовляют они и с помощью этих шестов ведут свою ладью через воды смерти. Оттолкнувшись шестом, Гильгамеш каждый раз бросает его, чтобы вода смерти не коснулась его. Утнапишти встречает его, расспрашивает удивленно, что за-

ставило его пуститься в далекий и опасный путь. Гильгамеш рассказывает ему о своем горе, о смерти Энкиду:

«Друг мой любимый стал землею.
Энкиду любимый стал землею.
Так же, как он, и я не усну ли,
И не встану вовеки веков?»

Удивляется вопросу Утнапишти, — разве есть на свете что-нибудь, чтобы длилось вечно?

«Разве навеки мы строим дом?
Разве навеки ставим печати?
Разве навеки делятся братья?
Разве навеки ненависть в людях?
Разве навеки река несет половодье?
Певчая птица навсегда ли гнездится,
И лицо ее видит сияние солнца?
С давних времен ничто не вечно:
Спящий и мертвый друг с другом схожи —
Не смерти ли образ они являют?
Человек ли владыка? Когда близок он к смерти,
Ануннаки [25] сбираются, великие боги,
Мамету, [26] госпожа судеб, с ними судит судьбы.
Они определили смерть и жизнь,
Смерти дня они ведать не дали.»

Впрочем есть одно средство добыть бессмертие: смерть ведь так похожа на сон, одолеешь сон, авось тогда и смерть одолеешь.

«Вот, шесть дней и семь ночей не ложися!»
Только он сел, раскинув ноги,
Сон, точно вихорь, над ним повеял.
Утнапишти ей вещает, своей супруге:
«Посмотри на героя, что хочет жизни!
Сон, точно вихорь, над ним повеял».
Супруга его ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Прикоснись к нему, — человек да проснется.
Тем же путем да вернется спокойно,
Через те же ворота да вернется в свою землю».
Утнапишти ей вещает, своей супруге:
«Человечество лживо, тебя он обманет!
Вот спеки ему хлеба́, положи у изголовья,
И дни, что он спит, на стене отмечай ты».

Спекла ему хлеба, положила у изголовья;
И дни, что он спит, на стене замечает:
Один его хлеб развалился,
Второй раскрошился, стал влажным третий,
Четвертый — его побелела корка,
Пятый зачерствел, и шестой рассохся,
Седьмой — и тотчас же его он коснулся,
и тот пробудился.
Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Одолел меня сон на одно мгновенье —
Ты меня коснулся, разбудил сейчас же».
Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«О нет, Гильгамеш, сосчитай хлеба;
Не в тот же миг пробудил тебя я:
Один твой хлеб развалился,
Второй раскрошился, стал влажным третий,
Четвертый — его побелела корка,
Пятый зачерствел, и шестой рассохся,
Седьмой — и тотчас же тебя я коснулся и ты
пробудился».

Гильгамеш не выдержал испытания, заснул и ему пришлось пуститься обратно. Но жена Утнапишти, прабабка Гильгамеша, сжалилась над ним:

«Гильгамеш ходил, и греб, и трудился —
Что же даешь ты ему, в свою страну да вернется?»
А тот уже поднял багор, Гильгамеш,
Лодку к берегу он направил.
Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«Гильгамеш, ты ходил, и греб, и трудился —
Что же дам я тебе, в свою страну да вернешься?
Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
И тайну растенья тебе расскажу я.
Это растенье — как терн на дне моря,
Шипы его, как у розы, твою руку уколют.
Если это растенье твоя рука достанет,
ты вновь будешь молод».
Когда Гильгамеш услышал это —
Открыл он крышку большого колодца [27].
К ногам привязал тяжелые камни —
Утянули его, в океан погрузился.
Он схватил растенье, уколол себе руку;
От ног отрезал тяжелые камни,

Вынесла пучина его на берег.
Гильгамеш ему вещает, кормчему Ур-Шанаби:
«Ур-Шанаби, это растенье — славное растенье,
Ибо им человек достигает жизни!
Принесу я его в Урук огражденный,
Накормлю народ мой, разделю растенье,
Его имя «старый человек молодеет».
Я поем от него — возвратится моя юность».

Но и эту последнюю возможность Гильгамеш теряет, — по дороге

Гильгамеш увидал водоем, чьи холодны воды,
Спустился в него, окунулся в воду.
Змея учуяла растенья запах,
Из норы поднялась, унесла растенье —
Назад возвращаясь, сбросила кожу.

Вот как была записана в библиотеке Ашурбанипала история Гильгамеша, которого в Ассиро-Вавилонии считали не сказочным героем, а исторической личностью, царем древнего шумерийского города Урука, на месте которого в наше время остались одни развалины, описанные англичанином Лофтусом.

Кто же такой был на самом деле этот Гильгамеш? Вспомним, что он за бессмертием пошел по дороге Шамаша-Солнца. Каждое утро отодвигаются бронзовые засовы неба, каждое утро Шамаш встает из-за гор, чтобы разогнать ночной мрак и болотные туманы. Шамаш вступает в борьбу с грозовыми тучами, с «небесным быком»; в раскатах грома страшных южных гроз древнему жителю Двуречья слышался рев этого небесного быка. От жгучих лучей солнца, от сиянья его огненных кудрей бегут всякие страшилища ночи, — суеверный житель Двуречья, не умея бороться с болезнями, считал, что они являются навождением злых демонов; он подметил хорошо, как благодетельна сила солнечного тепла и света при лихорадочных заболеваниях, так частых в болотистом климате его родины. Но ведь и Гильгамеш борется с разными чудищами, и он побеждает грозовую тучу, и он дорогой солнца спускается за горы, в страну мрака, чтобы выйти из-за них опять, подобно солнцу. Он — солнечный герой, под его именем почитается в Двуречье тот же Шамаш-Солнце.

Много раз переписывалась в древности история Гильгамеша. И, вероятно, ее не только читали в храмовых и двор-

цовых собраниях клинописных таблеток, ее рассказывали всюду: на базаре, в харчевне; может быть рассказывали ее пастухи, когда стерегли свои стада в темные южные ночи, со страхом прислушиваясь к рыканью львов и коротая время в рассказах о герое, руками, без оружия удушавшем страшных хищников. Проходили века, забывались одни подробности, прибавлялись новые, забыто было имя Гильгамеша. Но рассказы о солнечном герое продолжали жить и в более поздние времена, и другие народы тоже рассказывали о похождениях героев, похожих на Гильгамеша.

Древние евреи оставили нам рассказ о Самсоне, который «растерзал льва, как козленка, а в руке у него ничего не было» и вся сила которого была в его волосах, в его длинных кудрях.

Древние греки рассказывали историю своего героя, Геракла, совершившего 12 подвигов, убившего страшного льва и спускавшегося в преисподнюю.

В арабских сказках есть рассказ об Аладине и его волшебной лампе. По приказанию злого колдуна, Аладин спускается в подземелье, чтобы принести оттуда волшебную лампу, которая дает своему владельцу власть над духами. В подземелье Аладин находит дивный сад, полный фруктовых деревьев, но все плоды на них — сверкающие драгоценные камни. В такой же сад попадает и Гильгамеш.

И в сказках европейских народов часто встречаются рассказы о златокудрых героях, совершающих чудеса храбрости и силы, спускающихся в преисподнюю, где им удается одурачить чорта, узнав от него секрет, как вернуть плодородие яблоне с золотыми яблоками и т. п. Есть сказки, где говорится о какой-то травке, залечивающей всякие раны и воскрешающей даже умерших; иногда ее приносят в пасти змеи, а иногда змеи же похищают ее у заснувшего героя. Герой укрощает львов, забирается на вершину стеклянной горы, где стоит дворец с золотыми воротами и где львы стерегут источник живой воды. Иногда речь идет о двух братьях-героях, совершающих подвиги, как Энкиду и Гильгамеш; когда один брат умирает, к нему на выручку спешит другой.

Рассказывая или читая эти сказки, мы часто в настоящее время забываем, что за их фантастикой кроются все те же рассказы о солнце, победителе мрака, рассказы, насчитывающие многие тысячи лет.

Всех глиняных таблеток с рассказом о Гильгамеше было двенадцать. Чтобы не нарушать связности рассказа, мы пропустили одну из них, одиннадцатую.

Лейярд и Рассам нашли в свое время только кусок ее — значительная часть была обломана и осталась, верно, во дворце Ашурбанипала. Больше 20 000 таблеток собрали они там, и чистой случайностью было, что именно она попала одной из первых в руки ассириолога Смита, занявшегося разбором драгоценной коллекции.

Содержание надписи так поразило Смита, что он глазам своим сперва не поверил. Слово за словом здесь повторялся давно известный библейский миф о «праведнике Ное» и о «всемирном потопе». Только Ноя звали здесь иначе, да и самый рассказ был подробнее и красочнее, чем в Библии.

К сожалению, таблетка была разбита, и, как ни рылся Смит в ящиках, он не смог найти недостающей части. Значит, она осталась на месте, во дворце, — кому же, кроме археологов, нужен обломок кирпича с непонятными знаками? Но как найти его? Путешествие на берега Тигра стоит дорого, а у Смита нет денег... Но удивительная находка заинтересовала многих, когда Смит опубликовал ее, заинтересовала настолько, что газета «Daily Telegraph» («Дейли Телеграф») снарядила экспедицию на поиски недостающей части таблетки, вручив Смиту на поездку 1000 гиней (около 10 000 рублей золотом). Расчет Смита оказался верен: в 1873 г. он нашел недостающие обломки таблетки и получил возможность прочесть ее почти полностью.

Вернемся же к ней и остановимся на рассказе, который был на ней записан.

Рассказ об Утнапишти, предке Гильгамеша, и о «потопе».

Гильгамеш встречается с своим предком Утнапишти и, расспрашивая его, как достигнуть бессмертия, задает ему и другой вопрос: как случилось, что сам Утнапишти стал бессмертным? Утнапишти согласен ответить Гильгамешу:

«Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
И тайну богов расскажу тебе я.
Шуру́ппак, город, который ты знаешь,
Что лежит на берегу Евфрата;
Этот город древен, близки к нему боги.
Потоп устроить богов великих склонило их сердце».

«Почему?» — невольно напрашивается у нас вопрос. Ничего об этом не говорится в наших таблетках, и мы дальше поймем, почему об этом и не могло ничего говориться.

В совете богов восседал и «ясноглазый» Эа, бог бездны морской и вместе с тем и бог разума. Как случилось, что он сжалился над Утнапишти, мы тоже не знаем, но слова богов он передал тростниковой хижине:

«Хижина, хижина! Стена, стена!
Слушай, хижина. Стена, пойми.
Шуруппакиец, сын Убур-Туту —
Снеси жилище, построй корабль.
Покинь изобилье, заботься о жизни,
Богатство презри, спасай свою душу,
На свой корабль погрузи все живое».

Вспомним, что город Шуруппак стоял близко от Персидского залива. И вот, когда с моря задувал сильный ветер, стены тростниковых хижин под напором его дрожали и гнулись.

Жители Ленинграда отлично знают, что означают сильные ветры с моря: вода в Неве подымается выше ординара, тревожными сигналами оповещают население приморской части города, что можно ожидать наводнения.

Наводнение могло грозить ежеминутно при сильном ветре с моря и самой южной, низкой части Вавилонии, древнему Шумеру. И наблюдательный, опытный человек мог предугадать такую возможность, если тростниковая хижина начинала особенно сильно дрожать под напором ветра. Так Эа — само море — предупреждал старого, опытного Утнапишти о готовящемся бедствии.

Утнапишти готов строить судно, «но», спрашивает он, «что расскажу я народу и старейшинам?»

Эа советует ему обмануть сограждан, уверить их, что он собирается уехать к океану и там жить.

Утнапишти так и поступает, нечестно, хитро и эгоистично.

«Над вами ж дождем прольет он обилье»,

обещает он своим согражданам милость бога.

«Тайны птиц узнаете, сборища рыбы,
Повсюду пошлет он урожай обильный,
Дождем прольет он вам отруби утром,
Перед ночью прольет пшеничный ливень».

Он обманул своею речью своих несчастных сограждан: по-вавилонски «отруби» и «сумрак», «погибель» и «пшеница» звучат одинаково; обещая им «отруби утром» и «пшеничный ливень» вечером, он на самом-то деле пророчил им «сумрак утром» и «ливень погибели» вечером.

Весь народ работает над постройкой судна, обильно кормит и поит их Утнапишти, и к вечеру корабль уже готов, оснащен и в него перенесено все имущество Утнапишти, введены его родные и семейство.

Настало назначенное время:

«Сумрак утром, перед ночью полил погибельный ливень.
Я взглянул на облик погоды
Страшно глядеть на погоду было;
Я взошел на корабль и запер двери.
Водителю судна, кормчему Пузур-Амурри
Я отдал чертог и его богатства.
Едва занялось сияние утра,
От основанья небес поднялася черная туча.
Адад [28] гремит в ее середине,
Шуллат и Ханиш [29] идут перед нею.
Идут гонцы горой и равниной,
Ирагаль [30] вырывает мачту,
Идет Нинурта [31], гать прорывает,
Подняли факелы Ануннаки,
От их сиянья земля озарилась;
Адада ярость небес достигает,
Что было светлым — во тьму обратилось.
Земля, как чаша, черпает воду.
Первый день бушует буря,
Быстро налетела, водой заливая,
Словно войною, людей настигла —
Те не видят друг друга больше,
И с небес не видать людей.
Боги потопа устрашились,
Поднялись, удалились на небо Ану,
Свернулись, как псы, растянулись снаружи.
Иштар кричит, как в муках родов,
Госпожа богов, чей прекрасен голос:
«Прежние дни обратились в глину,
Ибо в совете богов я решила злое!
Зачем в совете богов я решила злое,

На гибель людей моих   я войну решила?
Для того ли рожаю   я человеков,
Чтоб, как рыбий народ,   наполняли море?»

С нею вместе плачут и боги.

Странное дело: боги вызвали потоп, и сами же они первые испугались его; мстительные и капризные, они способны необдуманно сказать злое слово и каяться потом горько, когда приходится столкнуться с тяжелыми последствиями его.

«Плывет корабль Утнапишти...
Ходит ветер   шесть дней и ночей,
Потоп и буря   покрывают землю.
При наступленье   седьмого дня
Буря и потоп   войну прекратили,
Те, что сражались   подобно войску.
Утих ураган,   успокоилось море,   потоп прекратился.
Я открыл окно —   свет упал на лицо мне.
Я взглянул на море —   тишь настала.
И все человечество   стало глиной.
Я пал на колени,   сел и заплакал,
По лицу моему   побежали слезы».

В безбрежной водной пустыне увидел Утнапишти остров; остров оказался вершиной горы Нисир, к юго-востоку от Ниневии, между Тигром и рекой нижним Забом. К ней он пристал:

«При наступлении   седьмого дня
Вынес голубя   и отпустил я:
Пустившись, голубь   назад вернулся,
Не было места,   опять прилетел он.
Вынес ласточку   и отпустил я:
Пустившись, ласточка   назад вернулась —
Не было места,   опять прилетела.
Вынес ворона   и отпустил я:
Пустившись же, ворон   спад воды увидел,
Не вернулся: каркает,   ест и гадит».

Тогда вышел и Утнапишти, устроил на горе жертвенник, поставил семь и еще раз семь курильниц, насыпал в них тростник, дерево кедра и мирту.

«Боги почуяли запах,
Боги почуяли добрый запах,
Боги, как мухи, собрались к приносящему жертву».

Как последний раскат грома поднял еще гневный голос свой бог Бел-Энлиль, возмущенный тем, что кто-то из людей спасся от потопа, но мудрый Эа отстоял Утнапишти, — тогда —

«Поднялся Эллиль[32], взошел на корабль,
Взял меня за руку, вывел наружу.
На колени поставил жену мою рядом,
К нашим лбам прикоснулся, встал между нами, благословляя:
«Доселе Утнапишти был человеком,
Отныне же Утнапишти нам, богам, подобен:
Пусть живет Утнапишти у устья рек, в отдаленье».

Как много имен разных богов упоминается в этом сказании об Утнапишти и потопе: Ану, Эа, Энлиль, Шамаш, Адад совещаются между собою в самом начале рассказа. Кто такие эти грозные «боги?» Небо, глубь морская, земля, солнце, непогода — вот что означают их имена. Понятно ли теперь, о каком «совещании богов» говорится в начале рассказа, и почему остается неизвестным, что же заставило богов «разгневаться» на людей? Готовилась страшная непогода. В наше время нас об этом предупреждают заранее наши метеорологические станции, посылая судам в море штормовые сигналы, сообщая о наступающей непогоде летчикам. Мог ли оградить себя от непогоды древний человек, не вооруженный современными знаниями? Конечно, нет. Оставалось подчиняться стихиям, бояться их, пока не наступило время подчинить их себе, управлять ими с помощью знания, науки.

Если, таким образом, запомнить твердо, что все «боги», упоминаемые в этом отрывке предания о Гильгамеше, являются только олицетворением разных явлений и сил природы, то весь этот отрывок станет понятен, и мы сможем оценить его, как одно из чудеснейших описаний одной из тех страшных южных бурь с грозой и ливнем, когда молнии, как «факелы Аннунаков» — судей преисподней, бороздят черное небо, когда реки, каналы и запасные бассейны, переполняясь водой, прорывают плотины, разливаются внезапным бурным наводнением, смывая на своем пути поселения, скот и жатву полей. Мы знаем, что разливы рек для Двуречья также обычны, как разливы Нила для Египта. Наступит весна, польют в горах дожди, начнут таять снега

и переполненные горные реки и ручьи понесут в равнины Двуречья свои мутные быстрые воды. Евфрат и Тигр выступят из берегов, заливая страну сплошным озером, осаждая на поля плодородную муть ила.

Бывает, что и в другое время года, а не весной только, сильные ветры с Персидского залива погонят воды Евфрата обратно, или горные притоки Тигра, Забы — верхний и нижний, или Диала, вздуются от дождей и где-нибудь на юге или даже в самой середине страны случится наводнение.

Мы уже напоминали раньше о том, что в Ленинграде каждую осень обычно, когда задувают сильные ветры с моря, вода в Неве подымается выше ординара. Но ведь, когда Пушкин писал своего «Медного всадника», жуткую картину петербургского наводнения, он думал не об этих обычных ежегодных поднятиях воды в Неве на столько-то футов, а об одном только необычайно сильном наводнении 1824 г.

Сто лет спустя, в 1924 г., — бедствие повторилось, как бывало оно и раньше, в XVIII веке.

Надо полагать, что рассказывая о страшном потопе, древние шумерийцы, вавилоняне, ассирийцы думали тоже не о привычных, весенних разливах рек, а о каком-то ином, необычайно сильном разливе.

Рассказ о потопе существует в сказаниях многих народов, все они по-разному говорят о нем, но пожалуй никто не сумел с такой необычайной силой, так ярко и картинно описать стихийное бедствие, как народы Двуречья. Они даже всю историю своей страны делили на время «до потопа» и «после потопа». В чем тут дело? Не было ли в Двуречье действительно такого разлива или нескольких таких разливов необычайной силы, память о которых могла бы сохраниться потом и в поэтических произведениях и даже в исторических записях? Ответ на этот вопрос дали археологические раскопки. К ним-то мы теперь и перейдем, чтобы посмотреть, как вещественные памятники помогают истолковать, разъяснить то, что рассказывают древние записи.

Раскопки на юге Двуречья и древнейшая культура его.

На юге Двуречья, к востоку от современного течения Евфрата, возвышается одинокий, заброшенный холм Фара, как его называют арабы. В древности русло Евфрата протекало как раз около этого холма. Однообразны его окрестности: к северу, к востоку и к западу тянутся желто-коричне-

вые пески. Бури закручивают их столбами смерчей, в низинах приютились заросли низкорослых кустов. Ближайшее арабское поселение — в 30 километрах, ближайшая железная дорога — в 80 километрах. Чем эта безотрадная местность могла привлечь археологов? Давно уже, еще до империалистической войны, немецкие ученые нашли здесь глиняную таблетку с надписью, «Халадда, князь Сукурру». Ученые давно уже знали, что «Сукурру» назывался еще «Шуруппак». А Шуруппак ведь город, в котором жил Утнапишти. Как интересно было бы найти на месте, в самой почве, ответ на вопрос — сказка ли потоп или факт!

Несколько лет тому назад здесь снова стали копать, на этот раз американские археологи. Устраивая свой лагерь, они пытались вырыть колодец; воду нашли только в 9 метрах от поверхности земли, и она оказалась солоноватой и негодной для питья. Пришлось подвозить питьевую воду издалека, на автомобиле. Временами, особенно по ночам, перепадали сильные дожди, заливая палатки, вещи, записи, превращая низины в болота.

Копать археологи начали с вершины холма, где видны были следы древнего поселения. Много интересного нашли они здесь, но их задача была иная, — они хотели дойти до самого древнего слоя поселения.

И вот, примерно, на глубине 4—5 метров перестали попадаться вещи. А раз нет вещей, значит здесь не жили люди. Почва вдруг изменила характер, появился толстый пласт глины и песку, осевший, очевидно, за долгое время из отстоявшейся воды.

«Материк», решили археологи. А «материком» называют на языке археологов как раз тот пласт почвы, где прекращаются находки вещей, и где, значит, не было поселений. Опытные арабы говорили тоже, что копать дальше не стоит, все равно ничего не найдут. Но Эрик Шмидт, руководитель этих раскопок, человек настойчивый. Он решил узнать по крайней мере, как толст этот пласт глины и песку. И вот оказалось, что под ним лежит слой земли темного цвета, перемешанной с золой и остатками перегоревшего дерева. Стали осторожно разбирать землю, просеивать ее. Стали попадаться вещи, обломки глиняной посуды, покрытой росписью, каменные, отлично высверленные сосуды, глиняные пряслица от веретен. Домов, конечно, не сохранилось, — они были из тростника и глины. Но зато сохранились очаги — углубления в земле; а на очагах еще стояли горшки и плошки,

и рядом валялись еще каменные орудия. В одной хижине был найден медный кинжал. Очень часто попадались глиняные серпы с воткнутыми в них зубцами из камня, а рядом с ними — каменные наконечники мотыг.

«Странное впечатление производят все эти находки, — говорит Шмидт, — «кажется, будто население бежало, побросав все свое хозяйство на произвол судьбы».

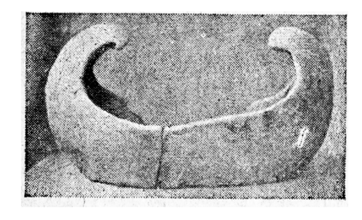
Что же заставило его бежать? Намытый водою толстый пласт глины и песку объясняет все: случился внезапно сильный разлив, — ведь река-то протекала рядом, — и жители бежали, побросав горшки на очагах, может быть кипевшие еще как раз в ту минуту. Кто успел добраться до вершины холма, или кто был достаточно предусмотрителен, чтобы иметь под рукой лодку, те могли спастись, но многие, верно, погибли во время этого бедствия, и местность на долгое время осталась необитаемой.

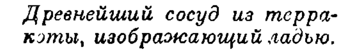
Были ли найдены в этом древнейшем поселении надписи? Конечно, нет, — ведь писать еще не умели. Зато найденные вещи ясно и понятно говорят нам о том, как жили люди в южном Двуречье в начале 4-го тысячелетия до хр. эры, чем они занимались, какое хозяйство вели. Рядом с поселением археологи нашли кладбище. Заглянем и мы с ними в некоторые из могил.

В простой яме лежит тело покойного на правом боку. Ноги слегка согнуты в коленях, руки подняты к лицу. Покойный лежит в совершенно спокойной позе, прикрытый плетеной из тростника цыновкой, точно он не умер, а спокойно уснул. Рядом стоит непременно сосуд, в котором была когда-то налита вода. Для чего вода мертвому? Ясно, что в те времена думали, будто и после смерти человек продолжает жить, и что ему вода может быть нужна. В поэме о Гильгамеше есть строки, рисующие ясную картину того, как древний житель Двуречья представлял себе эту жизнь за гробом. Гильгамеш упросил богов позволить ему повидать его умершего друга Энкиду. И вот, Нергал, бог смерти, внимает велению Эа,

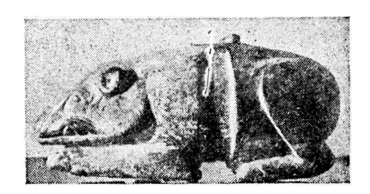
Поспешил, отверстье в земле открыл он —
Дух Энкиду, как ветер, из земли поднялся.
Обнялись они, не могли оторваться,
Стали совещаться, беседовать стали:
«Скажи мне, друг мой, скажи мне, друг мой,
Закон земли, что ты видел, скажи мне». —

«Не скажу я, друг мой, не скажу я, друг мой.
Если закон земли, что видел, скажу я —
Сядь и плачь!» — «Пусть сижу и плачу!»
«Друг твой, кого ты касался, с кем веселилось сердце,
Как старое платье едят его черви,
Тело его наполнено пылью».
Когда друг его сказал, он поник на землю,
Когда Энкиду сказал, он поник на землю...
«Кто умер смертью оружья, видал ты?» — «Видел,
На ложе ночи покоится, пьет он чистую воду».
«Кто в сраженье убит, видал ты?» — «Видел;
Отец и мать его утешают,
И жена стоит у его изголовья».
«Чье тело брошено в поле, видал ты?» — «Видел,
Его дух в земле не имеет покоя».
«Кто чтущего не имеет, видал ты?» — «Видел,
Из горшков объедки, хлебные крошки,
Что на улице брошены, ест он».

Древнейший сосуд из терракоты, изображающий ладью.

Древнейший сосуд, изображающий вепря.

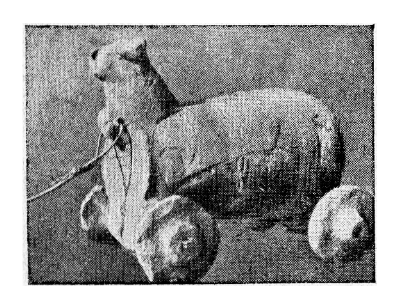
Единственная отрада умершего — чистая, прозрачная вода, которой было так мало в этой стране, орошаемой двумя мощными реками.

В одной могиле археологи нашли глиняную модель лодки-плоскодонки, а в другой — глиняный сосуд, изображающий вепря. В таких плоскодонных лодочках жители южного Двуречья до сих пор еще плавают, отталкиваясь баграми, по огромным болотам, заросшим тростниками, охотясь на диких вепрей. И в могилах и в жилищах нашли рыболовные крючки из меди, — значит население занималось не только охотой, но и рыбной ловлей, а рыбы в Двуречье и в наше время столько, что жители часто вылавливают ее просто руками, когда она после разлива забивается по берегам в лужи и болота.

Вот, откуда только могла попасть сюда медь? Ведь в одной из хижин нашли даже медный кинжал, а на юге Двуречья, да и севернее, в Ассирии, металлы в почве совсем не встречаются. Значит, медь привозили откуда-нибудь издалека, и она была еще очень редка, так что не всякий мог иметь медный кинжал или ловить рыбу медными крючками.

В некоторых могилах нашли на умерших бусы из цветных камней, привезенных также, вероятно, издалека.

Наряду с охотой и рыбной ловлей умели уже и возделывать землю мотыгой, сеять и жать. Мы не знаем, сеяли ли что-нибудь, кроме ячменя, но знаем, что финиковая пальма уже возделывалась, потому что ее твердые косточки сохранились еще в ямах, куда ссыпали финики после сбора.

Сосуд в форме животного на колесах.

Странный сосуд нашли археологи при раскопках. На четырех тяжелых сплошных колесах стояло животное. На груди у него было приделано ушко, через которое вероятно продергивался шнурок. Что это за животное? И почему оно на колесах? На первый вопрос ответить трудно, сосуд сделан очень грубо. Но зато вполне понятно, что хотел сказать мастер, лепя вместо четырех ног животного четыре колеса: животное взнуздано и запряжено в повозку, т. е. иными словами, в этом древнем поселке не только умели уже возделывать землю, сверлить камень, обрабатывать металл, но успели уже сделать некоторых животных домашними.

Опасное и трудное дело была охота в обширных болотах или в бесплодной пустыне, граничившей с этими болотами. Трудным делом было и возделывание земли; ведь годных участков было мало, приходилось каждую пядь земли отвоевывать у болота, осушать его, рыть канавы. Приходилось бороться с разливами. Все это было бы не под силу кому-нибудь одному, и потому всякая большая, трудная работа делалась всеми вместе. Вспомним только, как строил Ут-напишти свой корабль, как он созвал все население Шуруппака: даже «дитя приносило смолу земляную», чтобы смолить его. Те, кто руководил работами на охоте и в поле,

получали больше добычи, могли устраивать свои дома на более удобных и высоких местах. В их могилах встречались более дорогие вещи, они становились вождями, князьями поселений. Много таких поселений возникало, вероятно, в 4-м тысячелетии в долине Евфрата и Тигра.

Ученых очень интересовал вопрос, есть ли в других местах, кроме Шуруппака, следы «потопа». Почти одновременно обследовали они глубокие слои почвы в том месте, где стоял древний Киш, к северу от Шуруппака, там где Евфрат и Тигр ближе всего подходят друг к другу, и на самом юге, в древнем Уре. И здесь, и там они натолкнулись на такие же пласты глины и песку. Но странное дело — в Уре этот пласт был такой же глубокий, как и в Шуруппаке, зато в Кише он был совсем незначительным. В чем дело? Да очень просто: наводнение затопляло самую низкую часть страны, а там, где почва повышалась, оно было и недолгим и сравнительно слабым. Корабль Утнапишти дошел до горы Нисир и здесь Утнапишти вышел на сушу. В Ассирии местность становится гористой и ученые думают, что здесь-то, в холмах по течению реки Заба, и находится эта «гора Нисир».

Проходили годы, проходили века. Память о страшном разливе сгладилась. Совсем исчезнуть она не могла, — наводнения ведь повторялись каждый год, да кроме того рассказ о «потопе» стал литературным произведением, был записан и списки эти хранились во многих местах. Рассказывали об этом событии и в других странах древнего Востока, не знавших таких разливов, ни разу не переживших такого бедствия; рассказывали об Утнапишти и в стране хеттов, в Малой Азии, рассказывали и там, где быстрая река Оронт несет свои воды с Ливанских гор в Средиземное море, где стояли когда-то финикийские города Тир и Сидон, где в богатой торговой гавани Библе встречались посланцы египетских фараонов с вавилонскими купцами; рассказы о «потопе» передавались и в Палестине, они были даже записаны позже на древнееврейском языке, но «Утнапишти» стал в этих рассказах именоваться «Ноем». Забыты были давным-давно подробности подлинного бедствия, да ведь, кроме того, народы, жившие не в низменных долинах Евфрата и Тигра, а в горных странах, окружающих ее, не переживали сами никогда страшных наводнений Двуречья. И вот, действительность превратилась в сказку, привычный, хотя и небывало сильный разлив превратился во «всемирный потоп», и, вместо горы Нисир, где-то на границе холмистой Ассирии

и низменной Вавилонии, местом, где пристал корабль Утнапишти-Ноя стали называть гору Арарат с ее снеговыми вершинами, т. е. высокую Армению, куда никакие разливы южного Двуречья докатиться не могли.

Схлынули воды разлива и снова на холмах Фара и Мукаяр, как их называют теперь арабы, в древних Шуруппаке и Уре наладилась жизнь. И не только в этих местах, а и в целом ряде других поселений по соседству. Селиться здесь люди больше не боялись, потому что они научились справляться с разливами, отводить каналами воду, осушать болота и, наоборот, орошать с помощью других каналов те места, куда не заходили воды разлива весною. Даже близость моря не могла их испугать, а ведь в те времена Персидский залив заходил гораздо глубже в материк. Холм Мукаяр в наши дни находится в пустыне, далеко от моря, а в древности он находился очень близко от берега.

Посмотрим, как складывалась жизнь в этих поселениях за пять тысяч лет до наших дней. В библиотеке Ашурбанипала мы не найдем письменных памятников, говорящих об этом времени, — нам расскажут о нем раскопки.

●

VII. ЧТО ГОВОРЯТ РАСКОПКИ И НАДПИСИ О ЖИЗНИ ДВУРЕЧЬЯ 5 ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД.

В 1919 г. один английский археолог побывал недалеко от Мукаяра на небольшом холме. Из-под песков пустыни здесь виднелись еще развалины стен какого-то строения, сложенного из необожженного кирпича. Он осмотрел эти развалины и решил, что они очень древние, потому что кирпичей такой формы позже не делали больше. Он начал было работать здесь и нашел несколько очень интересных вещей. Но закончить раскопки ему не удалось и только в 1923 г. за них снова взялся английский ученый Вуллей.

Первые же удары заступа открыли ступени лестницы, сложенные из больших плит белого известняка.

«Первый, древнейший пример применения камня для постройки в южном Двуречье», отметил Вуллей. Ведь камня здесь не было, и, чтобы устроить эти удобные широкие ступени, известняковые плиты пришлось доставить за 60 километров, — там есть ломки этого камня.

Лестница вела на очень высокую террасу, сложенную из кирпича, и уже на этой платформе, высоко над равниной, стояло строение. Как оно выглядело? Мы бы этого никогда не узнали, если бы раскопки велись также поспешно и неосторожно, как во времена Ботта и Лейярда. Современные археологи работают совершенно иначе.

Вуллей обратил внимание, что вдоль всей стены платформы из земли торчали какие-то обломки. Нетерпение толкало археологов как можно скорей разобрать эти груды земли, осторожность подсказывала, что прежде чем начинать эту работу, надо точно установить, как это делать. Стены строения, стоявшего на платформе, развалились. Надо полагать, что сперва осыпалась их наружная сторона, а ведь на ней могли быть украшения, как на стенах ассирийских храмов и дворцов. Нельзя ли установить, где, в каком месте находился тот или иной кирпич, то или иное украшение? Вполне возможно, стоит только определить точно угол

падения его, и мы узнаем на какой высоте и в каком именно месте стены оно находилось.

И вот началась трудная, кропотливая работа вычислений этих «углов падения» для каждого обломка, для каждой вновь найденной вещицы, затем расчистка их, собирание.

Только отчеты самих археологов могли бы показать нам всю огромную сложность их задачи. Для нашей цели довольно будет и нескольких примеров, показывающих, как часто приходится буквально изобретать на месте новые приемы собирания и приведения в порядок найденных вещей.

В земле поминутно приходится наталкиваться на обломки предметов из чистой меди. Не пробуйте неосторожно поднимать их сразу же, они рассыпятся зеленым порошком в руках у вас, потому что медь окислилась в почве, позеленела. А как важно предохранить такой позеленевший предмет от гибели, мы знаем на примере медной головы льва, которая теперь хранится в Британском музее. Когда ее нашли, она была в таком состоянии, что ее не надеялись сохранить. Как могли, окопали ее кругом, не трогая с места, и залили затем расплавленным парафином. Завернув тщательно этот бесформенный ком ватой и бинтами, его доставили в музей. А что же делать с ним дальше? Сняв вату и бинты, его осторожно распилили пополам. Внутри голова животного была заполнена землей и остатками дерева, — ученые поняли, в чем дело: изображение льва было сделано из дерева и обшито чеканными медными листами. Дерево истлело, медные листы окислились. С бесконечными предосторожностями выбрали землю и перетлевшее дерево из половинок львиной головы, составили их вместе и влили в эти половинки гипс. Тонкий слой хрупкой зеленой окиси меди пристал плотно к гипсу, и теперь можно было спокойно разогреть парафин и удалить его с поверхности головы.

И вот перед археологами предстала одна из древнейших скульптур — чудесная голова льва. Глаза животного выложены из кусочков белой раковины, зрачки из синего ляпис-лазури, красный язык торчит из раскрытой пасти. Как отлично научились обрабатывать медь! Сколько ее доставлялось уже в это время и как далеко, значит, заходили сношения населения древнего Ура, если они могли уже употреблять ля́пис-ла́зури, камень, который добывали только в Афганистане.

Внимательно разбирая груды земли и обломков, исследователи увидели много каких-то цветных кусочков; красные

камушки, маленькие кусочки черного шифера и блестящего белого перламутра лежали в большом порядке, казалось. Никогда раньше таких вещей им не встречалось и они не сразу поняли, что это такое. Как собрать кусочки, не разрознив их? Покрыли слоем воска длинный кусок толстого холста, наложили его плотно на рассыпанные мелкие кусочки камня, они прилипли, и тогда их подняли осторожно всем слоем. Под ними лежал тонкий пласт земли и истлевшего дерева.

«Ага — сообразили археологи, — значит эти мелкие каменные пластинки были накреплены на деревянной основе».

Под слоем земли лежал опять слой таких же каменных треугольных кусочков, но они были обращены лицевой стороной вниз.

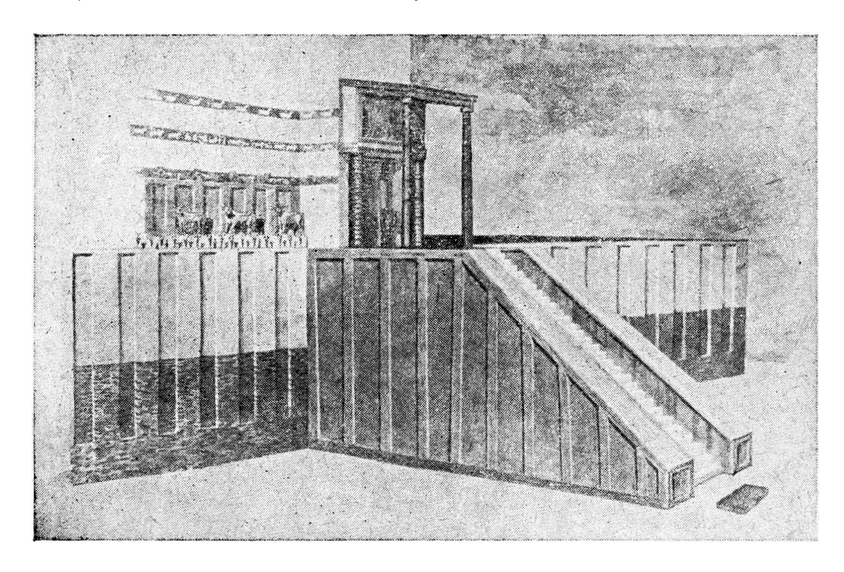
«А, вот в чем дело! Это была деревянная колонна. Три метра высоты. А ведь до сих пор еще многие думают, будто в Двуречье колонн в архитектуре не знали, потому что для построек употребляли только кирпич».

На этот слой каменных треугольников наложили тоже холст, только не вощеный, а смазанный клеем. Случайно оказалось, что большие круглые бидоны, в которых экспедиции доставляли керосин, как раз такого же размера в обхват, как и колонны; холст с приклеенными к нему черно-бело-красными каменными пластинками накрепили на эти бидоны и таким образом восстановили обе найденные колонны.

Вот оно теперь перед нами, это древнее строение, восстановленное учеными. Вот эта великолепная каменная лестница, бока которой были облицованы дорогим привозным материалом — деревом. Колонны, о которых мы только что говорили, поддерживают навес крыльца. По сторонам открытой двери стоят, оскалив пасть, медные львы, — мы видели с каким трудом восстановили ученые голову одного. Кажется, что львы, охраняя вход, выходят навстречу непрошенному посетителю. Подождем входить, — надо ведь сперва узнать, что это за строение. А об этом нам расскажут вот эти изображения на стене слева от двери. Начнем наш осмотр снизу, от края платформы.

На нем укреплены на медных штифтах глиняные конусы, острием книзу. Верхняя часть каждого изображает венчик цветка, и весь ряд этих глиняных конусов-цветов представляет собою цветистый луг, на котором пасутся бычки, медные статуи которых стоят на карнизе стены, чуть-чуть

повыше цветов. Еще выше мы видим длинную ленту, целый ряд медных тельцов, спокойно лежащих, пережевывая жвачку; только эти медные фигуры сделаны не в форме статуй, как нижние, а в форме рельефа, т. е. выпуклого изображения. Минуем пока следующую ленту изображений, — она самая для нас важная, и мы к ней еще вернемся... На самом верху в стену была вложена лента из черного шифера и по ней были сделаны вкладки белым известняком —

Часть храма близ Ура. Реконструкция.

гуси или, может быть, голуби, длинная вереница их, как бы направляющаяся в дверь строения.

Вернемся теперь к пропущенной нами ленте из черного шифера, находящейся ниже ленты с гусями. По всей длине черного фона выложены белым перламутром, который в древности был, вероятно, раскрашен, изображения коров, целый ряд коров, направляющихся, как и гуси, к двери строения. В середине этого длинного ряда находится самое интересное из всех изображений на этой стене: прямо перед нами стоит небольшая постройка, — видна только ее передняя сторона. Она сооружена из высоких, прямых стволов тростника и, верно, промазана еще глиной. Дверь открыта,

из нее выходят направо и налево фигуры телят. Эта постройка — хлев, из которого только что выпустили скот. С одной стороны двери стоят друг за другом две коровы. Спереди к ним подходят телята. Приглядимся внимательнее, — мордочки у них завязаны ремешками, чтобы они не могли сосать молоко. Почему? Да потому что позади коров присели какие-то люди с бритыми наголо головами и выдаивают их. С другой стороны хлева другая сцена: выдоенное молоко двое людей сливают в большой сосуд через воронку, — очевидно, процеживают. Сзади бритоголовый человек усердно моет огромный, остродонный сосуд вроде тех, в которых в ассирийском дворце хранились винные запасы царей; здесь в таких сосудах держали молоко.

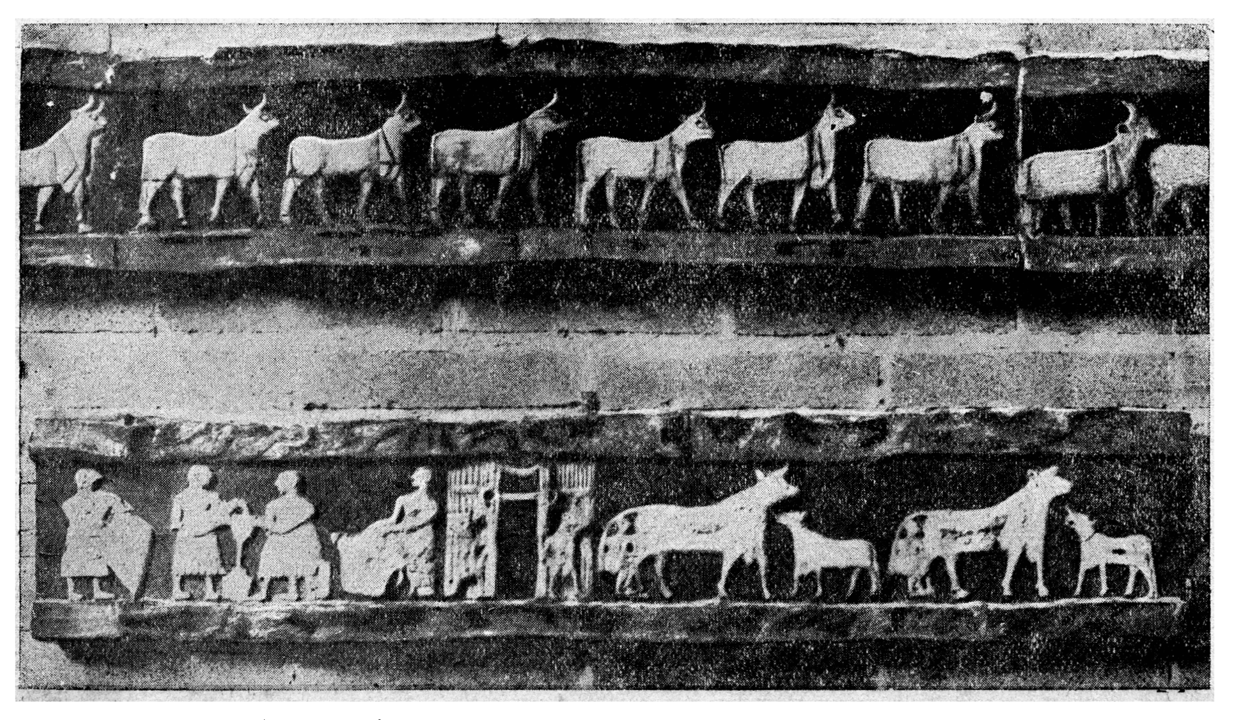
Но ведь в жарком сыром климате оно должно было скоро закисать и портиться. Это знали отлично и потому из молока заготовляли впрок различные припасы. Вот, с другой стороны от процеживающих молоко, сидит еще один бритоголовый человек и, зажав между коленями большой сосуд с молоком, вращает его быстро, взбалтывая молоко, — сбивает масло.

Нам становится ясно, что на этом фризе, как называется такая длинная лента настенных украшений, изображено большое молочное хозяйство. Но кто эти бритоголовые люди и, главным образом, что это за строение, на стенах которого изображена эта молочная ферма?

Мы не обратили еще внимания на то, что длинный ряд идущих коров прерывается в одном месте и что здесь вставлена каменная плитка со странным рельефом. По горам скачет бык с человеческим лицом. Длинная кудрявая борода падает ему на грудь, рога стоят круто вверх; а горы под ногами круглые, точно клубящиеся грозовые облака. Вспоминается невольно история Гильгамеша и небесный бык, грозовая туча, которую победил солнечный герой. Будем только твердо помнить, что гроза не всегда разрушительна, что она несет в засушливое время благодетельный дождь и плодородие полям. Об этом нам еще придется сказать дальше.

На спине быка сидит птица, мощная, огромная. Орел? Вероятно, но голова у него львиная.

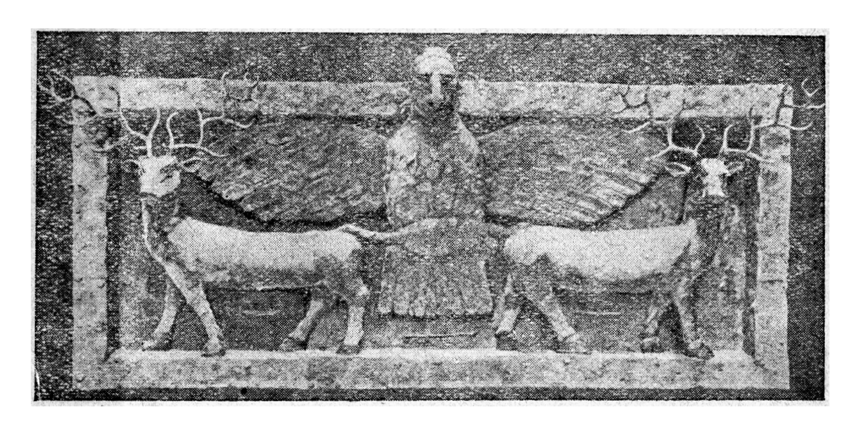
«Это Имдугуд», — пояснил сразу же один из работавших с Вуллеем ученых, знавших хорошо надписи древнейшего Двуречья. — Это сказочная птица бога плодородия и сельского хозяйства у древних шумерийцев, живших в южном

Молочная «ферма». Инкрустация по меди, из шифера и известняка.

Двуречье. Про Нингирсу, одного из этих богов, почитавшегося в городе Лагаше, древние тексты говорят, что «рост его достигает неба», что «рядом с ним сидит божественная птица Имдугуд» и что «у ног его находится буря».

Изображение Имдугуда нашли еще и в другом месте. Над дверьми входа в строение был накреплен большой прямоугольный медный щит необычайно тонкой работы: огромный Имдугуд когтит двух оленей. Богу плодородия подчинены животные земли; но он одновременно и грозный бог войны, и это надо помнить, чтобы понять некоторые изображения, которые встретятся нам дальше.

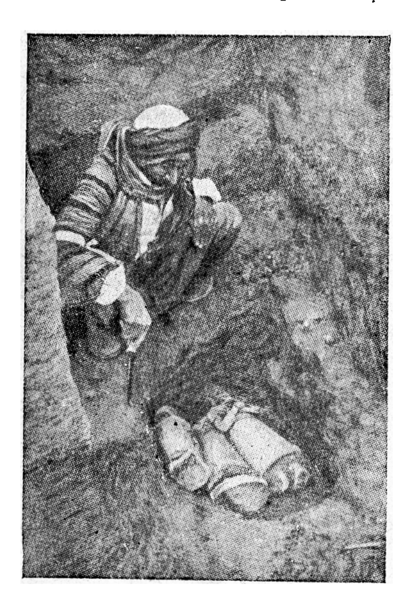

Имдугуд. Медный рельеф.

Изображение Имдугуда над входными дверьми на стене строения, значит — это храм, значит молочная ферма, изображенная на стене, принадлежит храму, посвящена тому божеству, которое здесь почитается, а бритоголовые люди, — жрецы, которым принадлежит эта ферма, эти большие стада. Как же богаты жрецы в древнем Шумере, если им принадлежит столько скота, если они могли отделать храм дорогой привозной медью, деревом и камнем!

Сверкают на солнце медные скульптуры и рельефы, золотом горят на белом фоне стены, чуть колышатся на своих медных штифтах глиняные «цветы» под ногами бычков, играют колонны переливами красных и черных камушков, белого перламутра. Какие же художники, какие большие мастера построили и украсили это здание?

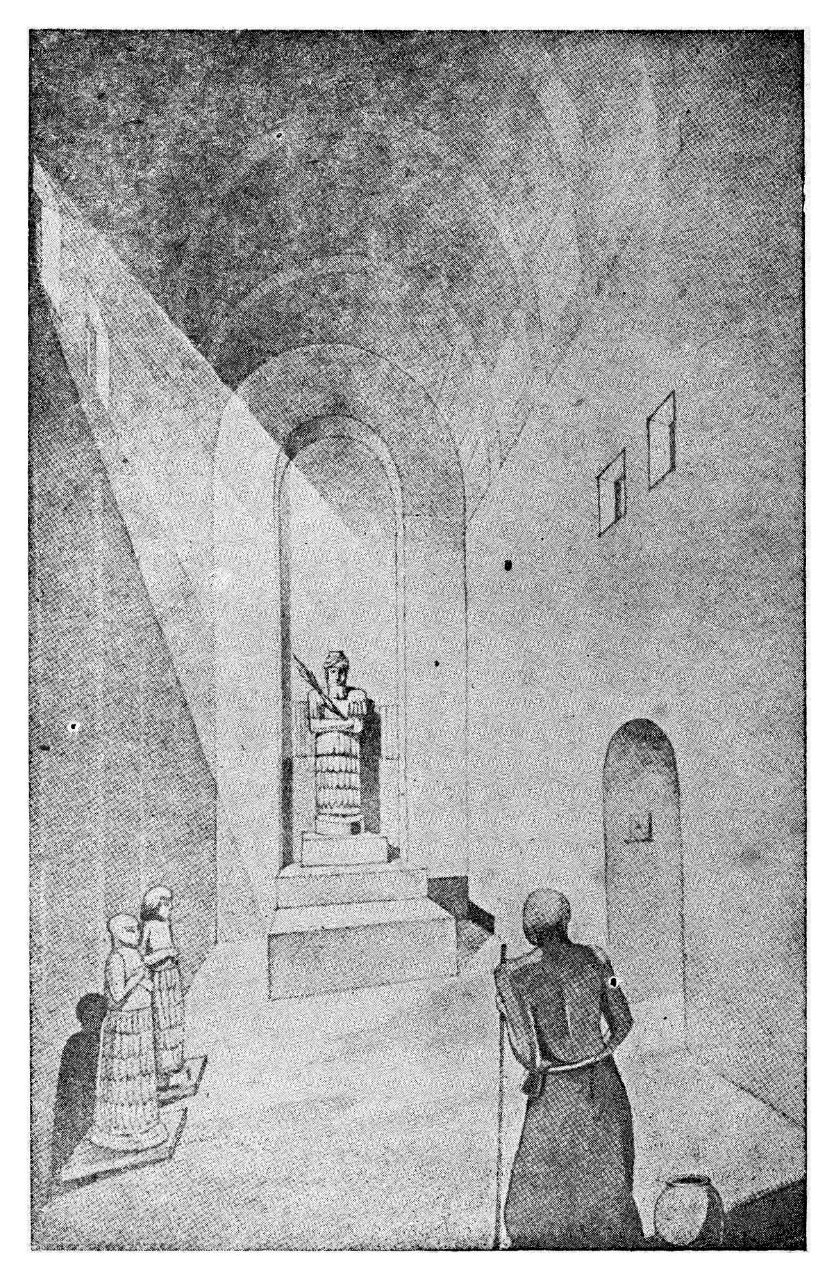
Вот неподалеку от храма ученые вскрыли кладбище; бедные могилы устроены совершенно так же, как это было много лет тому назад, также стоит несколько грубых сосудов для воды в изголовье покойного, также прикрыт он грубой циновкой из тростника. На холме красуется великолепный храм, а внизу расположены могилы его строителей; исчезли с лица земли жалкие тростниковые хижинки, в которых они жили, исчезли и хижины тех пастухов, которые стерегли огромные стада жреческого хозяйства на тучных пастбищах храма. В одном из углов храма раскопщики нашли дощечку из белого известняка с надписью очень древними знаками, на шумерийском языке:

Раскопки в Ашнунаке. Яма со статуэтками богов.

«А-анни-падда, царь Ура, сын Мес-анни-падды, царя Ура, для владычицы своей, Нин-хурсаг»,[33] прочел надпись ассириолог Гэдд, стоявший рядом с Вуллеем у места раскопок.

Мес-анни-падду, царя Ура, ученые знали уже по имени; оно упоминалось в списках царских имен и династий, которые составлялись позже и которые дошли до нас. Списки эти говорили, что Мес-анни-падда был первым царем первой династии Ура, что он правил 80 лет, и что до него правила династия героя Гильгамеша. Теперь были найдены и памятники, восходящие к этому Мес-анни-падде, которого долгое время считали таким же сказочным лицом, как Гильгамеша, и к его сыну, о котором раньше вообще ничего не знали. И узнали также, что в Уре почиталась «Нин-хурсаг», «владычица горы», создавшая людей, по шумерийскому преданию, вскармливающая молоком царя, богиня-корова, богиня-мать. Вот почему на стенах ее храма изображена молочная ферма. Огромное значение имело скотоводство в это время, в конце 4-го тысячелетия до хр. эры, когда охота и рыболовство

Древнейший храм в городе Ашнунаке. Реконструкция.

сменялись постепенно земледельческим хозяйством. Надо было рыть каналы, надо было перевозить большие тяжести; одомашненный рогатый скот мог оказать большую помощь в хозяйстве, хотя пахали в это время еще легким плугом на ослах, а не на волах, как стали это делать позже.

Мы не знаем, как выглядел внутри храм Нин-хурсаг в Уре, — он ведь был совершенно разрушен и восстановить удалось только переднюю стену его. Но богиня-корова и бык, — бог плодородия, — почитались в Двуречье повсеместно, потому что не один Ур, но и вся страна давно успела перейти к скотоводчески - земледельческому хозяйству; на юге, где было больше болот и заливных лугов, древние шумерийцы развели крупное скотоводство, севернее, где Евфрат и Тигр близко подходят друг к другу, и где не бывает таких грозных разливов, как на юге, жители стали заниматься, главным образом, земледелием. Нам неважно знать, как здесь на севере назывались эти боги плодородия, — каждое поселение, каждый город называл их по-своему; мы знаем, например, что Нин-хурсаг именовалась в рассказе о Гильгамеше «Аруру», а в других местах эта богиня-мать именовалась «Мама».

Изображение верховного бога Ашнунака.

Заглянем только во внутреннее помещение одного такого храма, найденного на севере в городе Ашнунаке. Ученые восстановили эту узкую, длинную залу, в которую входят сбоку и которая освещается через отдушины сверху, под самой крышей. Нашли они здесь и изображения бога и богини и, что еще важнее, нашли очень много каменных, небольших статуй, изображающих тех знатных людей, которые жертвовали их в храмы. У нас является вопрос, зачем? Для того чтобы эти статуи постоянно напоминали божеству об этих жертвователях. А жертвовали ли в храм свои статуи вот те ремесленники и те строители, которые работали на этих знатных людей, на царей и на жрецов?

Нет, не жертвовали и не могли жертвовать, — камень, ведь, привозился издалека, небольшими кусками, он дорог, и получить его могут только те, кто может снарядить караван за этим дорогим материалом. Жрецы и цари посылают в далекий путь, в горы, к каменоломням и к рудникам своих доверенных, «дамкаров», которые выменивают им ценные камни, медь, золото и серебро, а искусные ремесленники, работающие при храмах и дворцах, выделывают из них вещи по заказу царей, вельмож и жрецов.

Раскопки Ура. Археологи находят «вавилонскую башню» и могилы царей Ура.

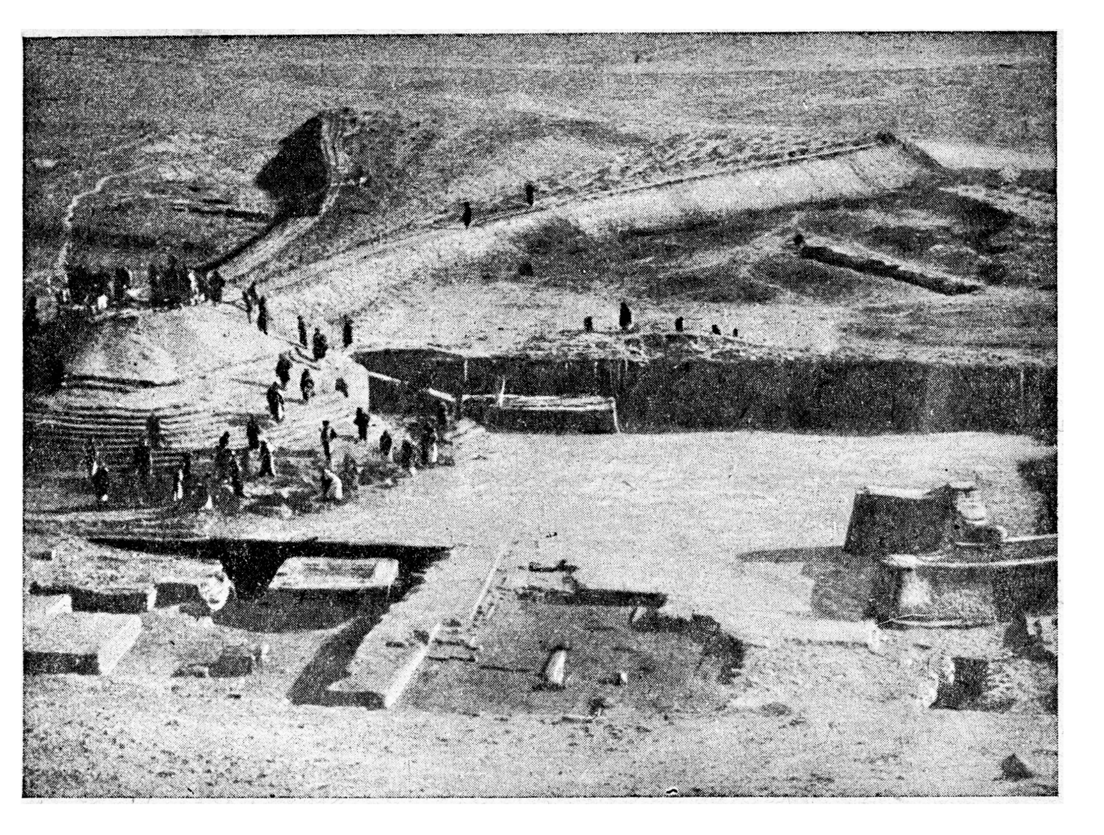
Шаг за шагом, подробно осмотрели мы небольшой холм Аль-Убаид неподалеку от Ура. Перенесемся теперь в самый Ур, вернее на холм Мукаяр, как его называют арабы.

Мы намеренно говорим «перенесемся»; хотя от Аль-Убаида до Мукаяра не более 6 километров, но при желании можно и это короткое расстояние перелететь на аэроплане, так как современные археологи пользуются для своих работ самолетами, чтобы производить разведки местности.

Под нами, далеко внизу, находится вершина холма, покрытая развалинами. Едва можно отличить направление толстой городской стены, сложенной из кирпича. В черте этой стены виднеются остатки каких-то строений.

«Остатки царского дворца и храма Наннара, бога луны, — скажет нам археолог, ведущий здесь работы. — Город много раз подвергался перестройке, его много раз захватывали враги, разрушали и грабили. Трудно теперь восстановить эти здания».

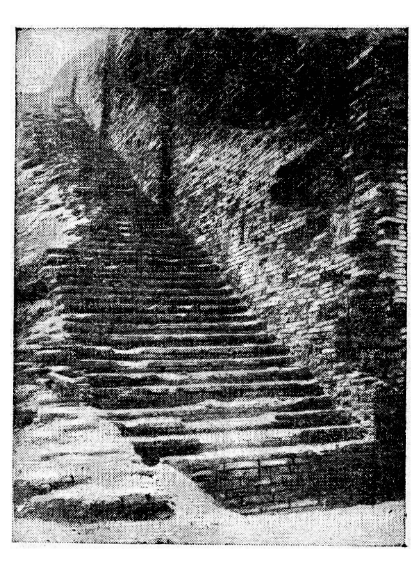
Но, что за холм возвышается позади развалин храма, отбрасывая огромную тень на поле раскопок? Похоже немного на египетскую пирамиду. Спустимся вниз и осмотрим этот странный, пирамидообразный холм. Перед нами ввысь уходит покатая плоскость стены, сложенной из кирпича и обмазанной черной асфальтовой смолой. Вся стена покрыта отверстиями каких-то отдушин, идущих далеко в глубь сплошной кладки. Чтобы увидеть верхний край этой стены, приходится закинуть голову, так как она поднимается на 13 метров. Пройдем вдоль стены: от одного угла до другого она насчитывает 60 метров по длине. Ширина строения — 45 метров, т. е. основание его прямоугольное, но не квадрат-

Вид на раскопки Ура. Снято с самолета.

ное. Чтобы расчистить эту постройку, пришлось вывезти целые тысячи тонн земли. Перед археологами выросло, наконец, строение, напоминающее египетскую ступенчатую пирамиду, огромная, сплошная башня в три этажа, которые громоздились, все уменьшаясь, друг на друга, образуя широкие террасы, огромные платформы, соединенные между собою лестницами.

На первую террасу вела от храма Наннара главная лестница, выложенная белым известняком. Мы сказали уже, что стена нижней платформы была выкрашена асфальтом в черный цвет. Второй этаж был облицован обожженным красным кирпичом, а третий был выбелен. Башня была высотою приблизительно в 21 метр и на вершине ее стояло еще небольшое строение, сложенное из кирпичей, покрытых голубой глазурью. Верхняя часть этого строения, в котором была всего одна комната, была, может быть, вызолочена.

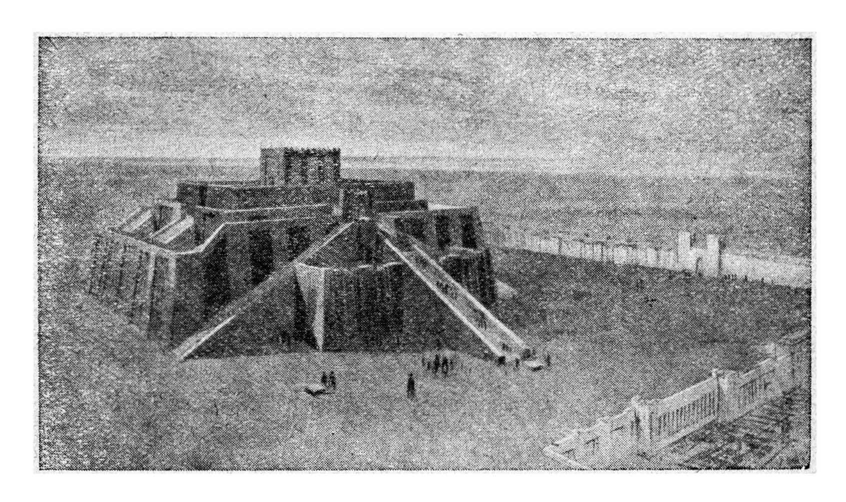
Одна из боковых лестниц зиккурата в Уре.

Долго ломали себе археологи голову, спрашивая, для чего в сплошной кирпичной кладке были проведены глубокие отдушины.

«На дренажные трубы похоже», — говорили они.

Вопрос разрешился просто. У подножья башни нашли надпись Набонида, последнего вавилонского царя, жившего уже в VI веке до хр. эры. Он хвалится тем, что восстановил храм в Уре в его древнем виде, что он очистил от сучьев и ветвей часть его, примыкающую к башне. Значит, сучья и ветви падали с башни; значит, на башне были деревья, на террасах лежала земля и в нее были посажены деревья. Их надо было поливать, и чтобы вода не разрушила глиняной кладки платформы, ее отводили дренажными трубами.

Представим себе, как это строение выглядело в древности, когда над нижней, высокой, черной, наклонной стеной шелестела еще зеленая роща, а выше, из самой чащи ветвей, вырастали следующие этажи, красный и белый, над которыми сияла голубой глазурью и позолотой самая верхняя постройка. Вспомним еще раз Геродота: «посередине храма стоит массивная башня... над этой башней поставлена другая... Подъем на них сделан снаружи». Вот эта башня этажами, вот этот храм на вершине ее! Геродот говорит, что этажей было семь, здесь их всего три, но ведь надо помнить,

Зиккурат Ура. Реконструкция.

что Геродот говорит о башне в Вавилоне, который во времена, близкие Геродоту, был одним из самых больших и богатых городов.

Развалины таких башен находили в каждом городе. Очевидно, башня является необходимой частью всякого большого храма. Много раз пробовали восстановить внешний вид таких «вавилонских башен», сделать это с полной достоверностью удалось только после раскопок Ура. И опять возник вопрос, какими силами воздвигали эту громадную глиняную гору? Ведь сами шумерийцы это сооружение именовали «Э-кур», что значит «дом горы»; по-аккадски оно именовалось «зиккурат» — «вершина». Сколько рук нужно было, чтобы наделать эти тысячи и тысячи кирпичей? Ведь

это не художественная, тонкая работа ремесленника, это же тяжелый труд. Откуда брали столько рабочих рук?

Мы это все узнаем, если спустимся с археологами с вершины холма к его скату, к тому месту, где они нашли кладбище.

Скат холма в этом месте был когда-то довольно крут. У подошвы его жители Ура провели канал. И как раз в этом месте долгое время за стену города высыпали разный мусор, пока груды его, скопляясь, не рухнули вниз, засорив окончательно канал. Для нас это было большим счастьем, потому что под толстым пластом мусора никому в голову не приходило искать древних могил и они остались не разграбленными.

Начало работ не дало ничего нового, совершенно такие же могилы были найдены и в Аль-Убаиде. В некоторых утварь была получше, или на шее покойного находили, наряду с бусами из камня, какое-нибудь мелкое украшение из более ценного металла.

«Бедно жило население Ура», должно было невольно притти в голову всякому.

И вот, в один прекрасный день исследователи натолкнулись на ряд таких находок, перед которыми знаменитая гробница египетского фараона Тутанхамона с его золотым гробом показалась значительно менее интересной. Открыли сразу несколько могил, судя по всему мужских, и в них ряд интереснейших вещей.

Вот одна из них, сравнительно небольшая яма, выложенная кирпичом. Из кирпича же над покойным устроен свод, чтобы земля не коснулась его тела.

Поверх могилы в земле лежит каменная плита. Она разломана, осталась только нижняя часть ее; на обломке изображена боевая колесница, со впряженными в нее ослами или мулами. Тяжелые, сплошные деревянные колеса совершенно такие же, как на той древнейшей повозке, о которой речь была выше, — на других колесах, пожалуй, не проедешь по невылазной грязи дорог после дождя. Колчан спереди полон метательных копий. За колесницей идет возница, держа в руках вожжи.

Археологи очень жалели, что этот интересный памятник древнего искусства сломан; даже головы упряжных животных не сохранились, и многие были уверены, что в колесницу запряжены львы, а не мулы, — копыта животных обозначены неясно. Помог опять счастливый случай: в северной

Стела из Ашнунака и обломок стелы из Ура.

части Двуречья, к востоку от Тигра, за несколько сот километров от Ура, американская экспедиция копала развалины Ашнунака, такого же древнего города, как Ур. Здесь ими была найдена каменная плита, почти целиком сохранившаяся, — обломана была только нижняя часть ее и, — самое любопытное, — как раз такой же трехугольный кусок, как и обломок плиты, найденной в Уре, так что оба памятника отлично дополнили друг друга.

На плите из Ашнунака, внизу, изображена была, очевидно, такая же боевая колесница, как и на плите из Ура. Сохранились здесь, однако, только головы упряжных мулов, да фигура человека, идущего впереди колесницы, — как раз та часть, которая была отломана на плите из Ура. Кому принадлежит эта парадная колесница, которую так торжественно сопровождают трое людей, одетых в коротенькие юбочки?

Рассмотрим внимательно рельефные изображения верхнего ряда плиты из Ашнунака.

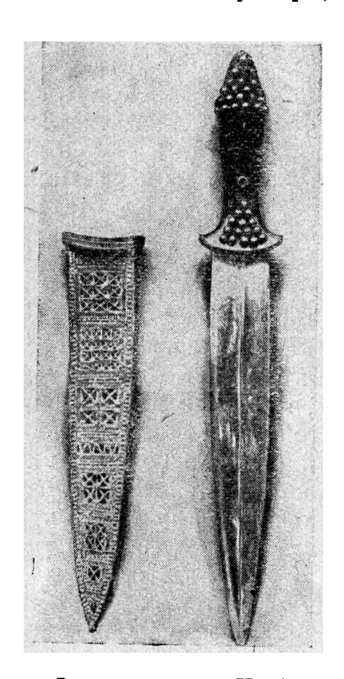
У самого края, с правой стороны, сидит бородатый, длинноволосый человек. Он только что взял из рук того, кто стоит перед ним, чашу с пивом или вином, а в левой руке держит гроздь свежих фиников. Против него, у противоположного края плиты, сидит на кресле женщина. Слуга подставил ей скамеечку под ноги, подал чашу с вином; сзади стоит другая женщина, — в левой руке она держит сосуд с вином, а правой навевает опахалом прохладу на сидящую. Эта сцена пира, может быть по случаю сбора урожая, когда князь города с женой или бог и богиня, наместником которых ведь был князь, пробуют первые гроздья сладких фиников и пиво, сваренное из свежего ячменного зерна. Арфист поет под звон струн, а ниже бритоголовые люди, может быть, слуги или жрецы, гонят козла и несут на плечах огромный сосуд с припасами для пира.

Мы еще не знаем точно, по какому случаю изготовлялись такие рельефы, сцены какого праздника они увековечивали. Мы знаем только, что их иногда помещали в храмы как памятные доски, прикрепляя к стене или к алтарю, вешая или насаживая отверстием в середине на шпенек.

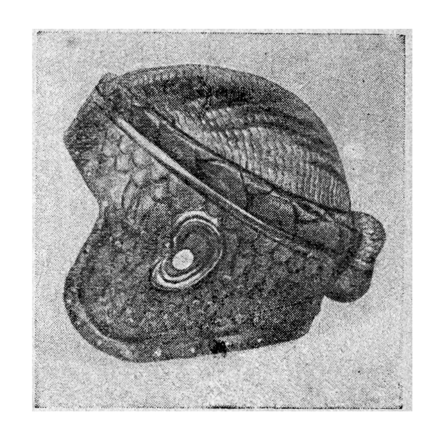
Разберемся дальше в вещах, найденных в той же могиле. Что здесь был погребен воин, видно сразу. Вот лежит его меч, рядом с ним боевая секира. Но почему они сохранили весь свой блеск, почему они не распались зеленой окисью? Потому что они сделаны не из меди, а из чистого золота.

Рукоять золотого меча вырезана из лянис-лазури и украшена по этому темносинему фону золотом; но особенно великолепны ножны, точно из кружева, сплетенные из тончайшей золотой проволоки.

Найдено еще и другое оружие, менее дорогое, медное; найдена золотая утварь, но особенно поражает великолепный золотой шлем такой странной формы, что археологи не сразу могли понять его назначение. Он выкован в форме пышной прически. Завитки длинных кудрей спускаются на щеки и на лоб, вокруг всей головы положена широким венцом коса,

Золотой меч. Найден в Уре.

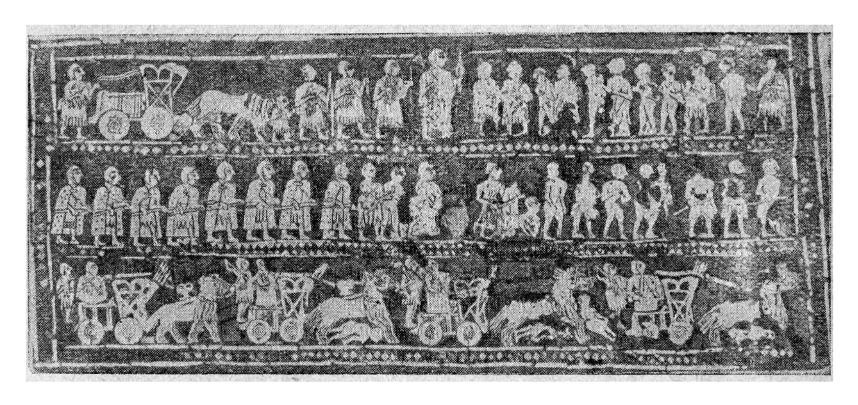

Золотой шлем. Найден в Уре.

а волосы закручены сзади в толстый узел. Жрецы в Шумере брили голову, а знатные люди, очевидно, гордились, наоборот, пышными, длинными волосами; ведь даже Гильгамеш, одеваясь в праздничный наряд после боя с Хумбабой, расчесывает и украшает свои длинные кудри.

В одной из соседних могил археологи нашли странный предмет. Это были две длинные доски, скрепленные так, что они образовали как бы двускатную крышу. Этот странный предмет был, кажется, укреплен на высоком древке, и ученые полагают, что это был своего рода боевой штандарт,

который в походе несли впереди войска. Что навело их на эту мысль? А вот те изображения, которые были с обеих сторон этой двускатной «крыши». Когда ученые нашли ее, она была так же вся завалена и раздавлена землей, как и настенные украшения в Аль-Убаиде. Пришлось и здесь осторожно поднимать изображения при помощи проклеенного и навощенного холста, так как и они были выложены из кусочков цветных камешков и белого перламутра по темносинему фону из ляпис-лазури. Такая работа называется «инкрустацией» и требует от мастеров огромного искусства и терпения.

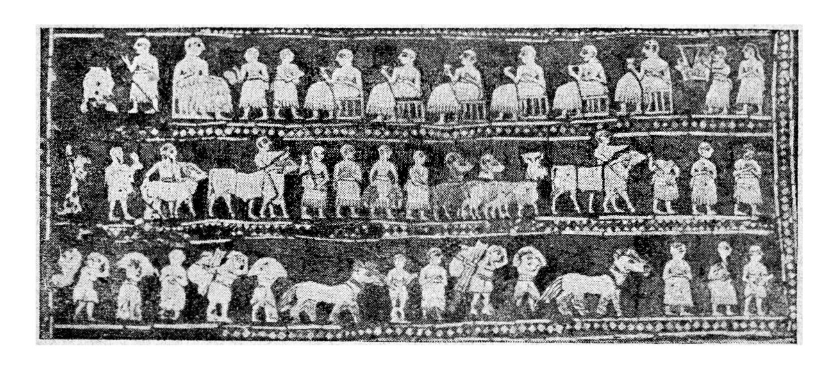
«Штандарт» шумерийского князя. Сцены сражений, увода пленных.

Рассмотрим эти изображения. Вот на одной стороне внизу колесницы ополчения города Ура вступают в бой. Грохочут тяжелые колеса, быстрые онагры-ослы несутся карьером, топча копытами врагов. Повыше пешие воины гонят перед собой пленников. Какие странные плащи на этих воинах, — тяжелые, украшенные, верно, медными бляшками, сделанные из шерсти, они напоминают кавказские бурки. В верхней полосе инкрустации пленных подводят к человеку, который ростом гораздо выше всех остальных. В руке он держит меч острием вверх, за ним идут два вооруженных человека и третий, за одежду которого держится ребенок. Сзади возница, спрыгнув с колесницы, на которой приехал царь со своим маленьким сыном, держит возжи упряжки.

Повернем «штандарт» другой стороной. В двух нижних рядах воины Ура гонят скот, тащат добычу, а вверху царь,

сняв боевой шлем, пирует со своими приближенными под звуки арф.

Вот откуда брались рабочие руки для постройки зиккуратов, дворцов и храмов, для тяжелых землекопных работ на каналах; цари Шумера вели войны не только ради новых участков земли, но и ради захвата добычи, скота, военнопленных, которых обращали в рабство и труд которых был нужен этим скотоводам и земледельцам. Шумерские города постоянно враждовали между собою, вели беспрерывные войны, единства в стране не было. Приходилось ведь и обороняться от воинственных соседей с севера.

«Штандарт» шумерийского князя. Сцены увода скота и пира победителей.

В развалинах Мари, города, стоявшего на Евфрате далеко к северу от того места, где реки ближе всего подходят друг к другу, французские ученые нашли недавно на дворцовой стене изображение вереницы пленных шумерийцев, которых подводят к бородатым людям в странных высоких беретах на голове. На стене дворца в Кише, изображен такой же бородатый человек в одежде, непохожей на шумерскую, который гонит перед собой пленного.

Кто были эти князья в странных головных уборах, мы точно не знаем, но ученые думают, что и в Кише, и в соседнем с ним поселении Аккаде, и в Мари население говорило на ином языке, чем язык шумерийцев, на языке, который близок был языку древних финикиян, древних евреев, современных арабов, иными словами, на семитическом языке, — позднейшем вавилонском.

Вернемся, однако, к нашим раскопкам, потому что мы еще не успели осмотреть самого интересного.

В той же группе могил, как и те две мужские, о которых только что шла речь, была найдена одна, с совершенно необычайной обстановкой погребения.

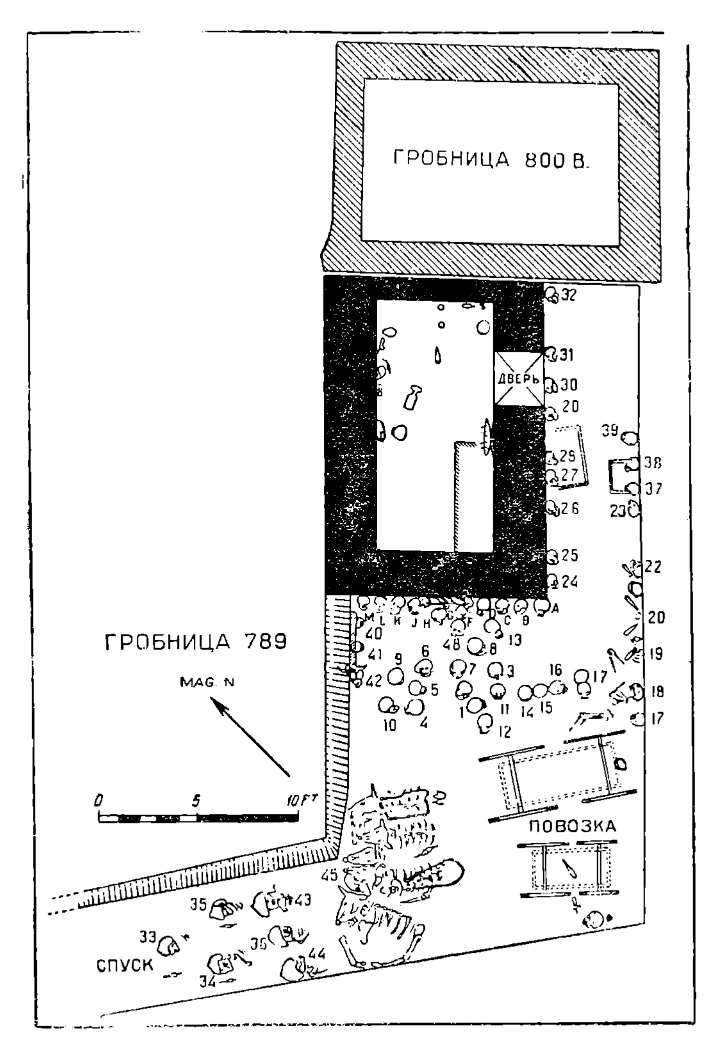
Вот перед нами план ее, как зарисовали его ученые на месте, после того как ими была осторожно выбрана вся земля. Это больше не простая яма, это и не неболь-

Связанные пленники. Инкрустация из Мари.

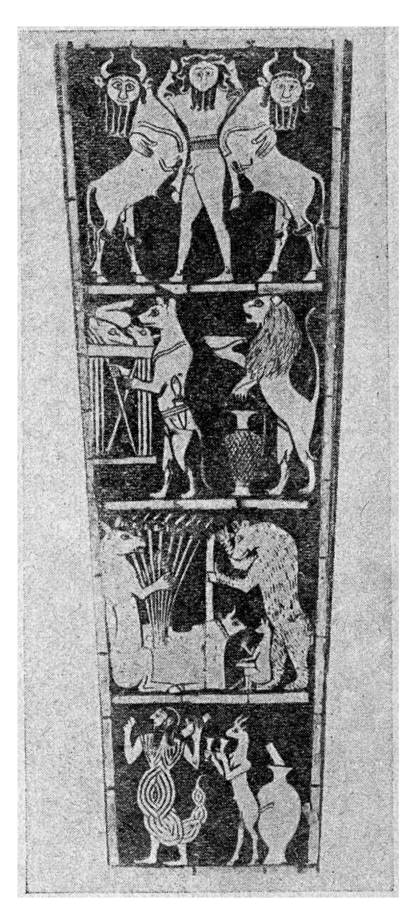
шой сравнительно склеп царя, в котором был найден золотой шлем; это целая шахта, глубоко врытая в почву. Спуститься в нее можно по наклонному скату. Но спускаться надо осторожно: в конце ската, при самом входе в шахту, лежат скелеты шести воинов. На головах их сохранились еще медные шлемы, около лежат медные копья. При самом входе в шахту раскопщики натолкнулись на скелеты волов, запряженных в большие повозки. Дерево истлело, так что от тяжелых колес остался в земле только отпечаток, да слой светлосерого, легкого пепла. Но современный археолог знает, как осторожно приходится копать, — отпечатов колес не потревожили, пепел был осторожно удален мягкой кистью, а следы колес сфотографированы. Около волов и повозок лежали скелеты людей.

«Конюхи и погонщики», решили исследователи.

План гробницы Абарги и Шубад в Уре.

Дальнейшее обследование шахты было полно неожиданностей. Казалось, что она вся заполнена останками целой толпы людей, почему-то похороненных в этой общей могиле. Вот лежат костяки женщин. Они были когда-то одеты в красные одежды, судя по жалким обрывкам, едва сохранившимся в земле. На головах у всех сверкают венки из золотых листьев. Около женщин лежат обломки музыкальных инструментов. Особенно великолепна большая арфа: спереди она украшена головой быка из чистого золота. Глаза животного выложены белой раковиной и синим камнем, рога из ляпис-лазури, а под подбородком у него вьется пышная борода из того же синего камня. Невольно вспоминается и небесный бык Гильгамеша и Нингирсу, — грозовое облако в двух разных образах, и бог луны, Син, почитавшийся в Уре и бывший тоже богом плодородия.

Изображения Гильгамеша (вверху) и людей-скорпионов (внизу). Инкрустация на золотой арфе.

Спереди арфы, под подбородком быка, укреплена дощечка со вложенными изображениями, и при взгляде на них мы опять невольно вспоминаем Гильгамеша. Вот он сам наверху душит двух бородатых быков; вот внизу стоит странное существо, наполовину человек, наполовину скорпион, — верно один из тех, что встретили героя в горах, на тропе солнца-Шамаша. Между этими двумя изображениями мы видим льва и шакала на задних лапах, несущих столик с яствами и большой кувшин вина, осла,

Арфа с золотым изображением головы быка.

играющего на арфе, и лисичку, звенящую погремушкой,— под их музыку пляшет медведь. Скелеты женщин с музыкальными инструментами лежат у стены каменного склепа, сооруженного на дне шахты. Войти в него можно только со стороны коридора с правой стороны шахты. И снова нельзя ступить шагу, чтобы не натолкнуться на скелет: воины в шлемах, с серебряными и золотыми копьями, женщины в золотых уборах лежат вдоль всего коридора у стен его, как почетная стража того, кто был похоронен в склепе. Войдем туда... Пусто!

«Склеп был ограблен», говорят исследователи.

«Когда? Кем?» спрашиваем мы.

«В древности, — вероятно очень скоро после погребения. Вон в потолке склепа пролом. Рядом с этой шахтой копали вторую, но она приходилась немного выше этой. Строители и землекопы знали, очевидно, какие богатства хранятся здесь: они проникли в склеп, ограбили его, а чтобы не было видно, поставили на пролом большой ящик с вещами соседнего погребения».

Жестокое наказание грозило бы грабителям, если бы их поймали, и невольно напрашивается вопрос, как эти несчастные люди рискнули пойти на такое опасное предприятие? Стоит вспомнить, кем были эти полуголодные землекопы, эти строители — ведь это же чаще всего военнопленные, рабы, это люди, несущие даровой, непосильный труд, которым нечего терять, кроме жизни.

Спустимся в соседнюю шахту. Она устроена совершенно так же, такой же пологий скат ведет в нее, внизу устроен такой же каменный склеп сводом. На спуске в шахту лежали так же скелеты стражи в шлемах, и колесница стояла в ней так же, только запряжена она была ослами, и на дышле ее была укреплена статуэтка осла из сплава золота с серебром, а не бычок, как в первой могиле. Кругом склепа лежали так же костяки музыкантш с арфами из золота, серебра и меди. И опять на арфах исследователи увидели такое же чудесное изображение золотого быка с рогами и бородой из ляпис-лазури, как в первой могиле.

Но наибольшее количество богатств дал на этот раз склеп. На ложе в нем покоился костяк женщины, буквально засыпанной драгоценностями. На голове у нее были надеты венки из золотых листьев и цветов, над венками торчал высокий гребень в форме какой-то ветки, кончающейся золотыми цветами. Грудь была вся увешана ожерельями из зо-

лота, красного сердолика и синего ляпис-лазури. Мы не знаем, какого цвета на ней была одежда, но поверх одежды было накинуто что-то вроде мантии, снизанной из бисера золотого, красного и синего. Рядом с ней лежала длинная кожаная лента, на которую были нашиты крошечные фигурки из золота, сердолика и ляпис-лазури: пучки колосьев, головки синебородых быков, связки плодов. Кругом лежали сосуды из золота и серебра, необычайно тонкой работы, золотое ситечко, чтобы процеживать молоко, вино или пиво. Не перечислить всех богатств, извлеченных из гробницы Шуб-ад, — имя этой женщины было вырезано на одном из сосудов.

И эти две могилы, найденные одновременно, оказались не единственными. В одной из шахт, например, найдено было 68 женских костяков в таких же золотых и серебряных венцах, только вместо каменного склепа здесь были найдены остатки великолепного балдахина, под которым покоилось тело той, кого эти женщины с арфами сопровождали в могилу.

Что это за странные погребения, подобных которым еще ни разу не находили в Двуречье? Кто были эти женщины, которых в могилу сопровождала такая свита? Что все эти люди были принесены в жертву — ясно всякому, но как они все умерли, и почему все они лежат в таких спокойных позах? Почему в найденных раньше мужских могилах человеческих жертв не было, а здесь они есть? Вот сколько вопросов является сразу, когда читаешь отчеты о раскопках ученых, когда видишь фотографии могил и вещей.

Наука не всегда может дать сразу точный ответ на все вопросы, особенно когда имеешь дело с совершенно новыми, неизвестными явлениями. Надо еще многое узнать, надо, во-первых, подождать конца этих раскопок, посмотреть, не будет ли в другом месте найдено что-нибудь подобное, надо поискать в письменных памятниках, не говорят ли они чего-нибудь, что может разъяснить нам загадку этих могил. Пока же мы можем только предполагать, только пытаться найти наиболее подходящее толкование.

Исследователи полагают, что жертвы в этих могилах погибали еще до того, как их засыпали землей. Их верно отравляли, давали им какое-нибудь одурманивающее средство, чтобы они не чувствовали страданий смерти, вот отчего костяки лежат в таких спокойных позах.

Любопытную подробность рассказывают отчеты раскопок. В одной из могил венцы на женщинах, принесенных в жер-

тву, были главным образом из серебра. Серебро в земле портится и венцы сохранились плохо. Но рядом с одной из музыкантш лежал небольшой сверточек, туго скрученная гибкая пластина серебра, ничуть не пострадавшая, благодаря тому, что была свернута в трубку; пластина оказалась серебряным венцом, который музыкантша не успела, очевидно, надеть и который остался лежать в складках одежды.

Что, опять-таки, за странность, — жертвы наряжаются и идут «добровольно» на смерть и на какую смерть?! Что, какая сила принуждала их к такому «добровольному» самопожертвованию? Повторяем, мы этого не знаем еще достоверно, мы можем только угадывать. А для того чтобы иметь данные для этой догадки, нам придется вернуться опять к клинописи, заглянуть опять в нашу глиняную библиотеку.

Запомним только еще раз, какую массу вещей нашли археологи в этих могилах, напоминающих нам, что основой всей жизни в Двуречье в это время было земледелие, что главной заботой населения было плодородие земли, правильное орошение ее, борьба с засухой, забота о каналах, разливы, дожди и т. п.

VIII. ПОИСКИ БЕССМЕРТИЯ И МИФЫ ОБ АДАПЕ И О БОГИНЕ ИШТАР.

Вернемся на минуту к началу нашего рассказа и вспомним, как неудачно кончился последний подвиг Гильгамеша. Он пошел искать бессмертия для себя и для всех людей, но не смог побороть даже сна и не добился освобождения от тяжелой участи за гробом ни для себя, ни для Энкиду. Перед лицом смерти равны все, не только люди, но даже сами боги. И сколько раз ни пытался человек добыть бессмертие, он, как и Гильгамеш, всегда терпел неудачу. Вот как рассказывает об этом миф об Адапе.

Адапа был сыном Эа, бога водной стихии, бога мудрости, — ведь, действительно, сколько «мудрости», сколько знаний требовалось в Шумере, чтобы превратить воду из разрушительной силы в благодетельную.

Адапа получил от Эа в дар его мудрость: он «умнейший и мудрейший», но бессмертия Эа ему не дал. Каждый день Адапа «своими святыми руками снаряжает жертвенный стол», приготовляет хлебы, выезжает в море, ловит рыбу, каждый день он охотится. И вот однажды «у святой набережной, у набережной новолунья взошел он на парусное судно. Дул ветер, ладья его неслась, кормовым шестом он ее направлял по широкому морю... Подул южный ветер и погрузил его, к обиталищу рыб опустился он». В гневе Адапа грозит ветру: «Хорошо же, южный ветер... крылья твои сломаю я». И, как сказал Адапа, так и случилось: «Семь дней не веял южный ветер на землю».

Ану, бог неба узнал это, ему доложил об этом везирь его, Илабрат, и Ану велит привести Адапу.

Мудрый Эа советует Адапе облечься в знак печали в грязную одежду и дает ему наставление, как вести себя и что говорить.

«Адапа, вот идешь ты к Ану... Когда поднимешься ты к небу, подойдешь к вратам Ану, у врат будут стоять Таммуз

и Гишзида; [34] они увидят тебя и спросят: «человек, ради кого ты выглядишь так? Адапа, ради кого надел ты одежду печали?» — «Из страны нашей пропали два бога, оттого я стал таким». — «Кто эти два бога, что исчезли из страны?» — «Это Таммуз и Гишзида» Они взглянут друг на друга, они вскрикнут, они замолвят за тебя доброе слово Ану, благой лик Ану покажут они тебе. Когда предстанешь ты перед Ану, тебе предложат пищу смерти, не ешь ее. Воду мертвую тебе предложат, не пей ее. Платье дадут тебе, надень его. Масло подадут тебе, умастись им. Наставление, которое я даю тебе, не пренебрегай им. Слова, которые я сказал тебе, запомни».

Адапа подымается на небо, встречает Таммуза и отца его Гишзиду у врат неба и, задобрив их словами о том, что он траурную, нечистую одежду надел в знак печали о том, что они покинули землю, проникает к Ану.

Богиня Иштар. Алебастровая статуэтка из Мари.

«Почему Эа нечистому человечеству показал небо и землю внутри?» — удивленно спрашивает Ану. «Но если сильным создал человека Эа, если прославил он его, то что же мы для него сделаем? Принесите ему пищу жизни и пусть он ест». Пищу жизни принесли ему, он не стал ее есть. Воду живую принесли ему, он не стал ее пить. Одежду принесли ему, он надел ее. Масло принесли ему, он умастился. Когда Ану увидел его, он вскричал: «Иди сюда, Адапа, почему ты не ел и не пил? Ты нездоров?» — «Эа, владыка мой, сказал: «не ешь, не пей». — «Возьмите его, сведите на землю опять».

Так лишился Адапа бессмертия, потому что этого не захотел Эа, бог мудрости. А почему Эа не захотел этого, миф не говорит, рассказ обрывается.

Около времени летнего солнцестояния, в июне месяце, когда наступают самые долгие дни в году, в Двуречье, особенно в южном, становится трудно жить. Палящее солнце стоит в зените, растительность, недавно еще цветущим ковром покрывавшая поля и луга, выжжена. Евфрат, такой полноводный в дни разлива, начинает входить обратно в берега и уровень его понижается, пересыхают каналы, если о них во-время не позаботятся, из пустыни несутся горячие ветры. В эти июньские дни повсюду в долине Евфрата и Тигра оплакивали смерть Таммуза:

Он покинул зеленую кущу,
Он покинул, жених, зеленую кущу.
Горе, витязь Владычицы чар,
Горе, жених мой, супруг мой.
Горе, дитя Нингишзиды.
Горе, строитель сетей,
Горе, жалостный дружка невестин,
Горе, праведник, лик опустивший.
Горе, оплаканный мой,
Горе, чадо небесного змея,
Горе, брат Гештинанны родимый.
Малый, в тонущем челне лежит он
Зрелый, в колосе никнет, лежит он,
В непогоде, в буре лежит он.

Гештинанна, или Гештина, сестра Таммуза, была богиней виноградной лозы, а о том, кто такое сам Таммуз, нам яснее всего говорят последние строки заплачки: «зрелый, в колосе никнет, лежит он»... Таммуз — бог растительности, колос, который срезают серпом, он — зерно, которое пахарь зарывает в землю и которое весною прорастает.

В другой песне, также посвященной умершему богу весны, сестра зовет его:

«Брат, с места, где лежишь ты, встань».

«Освободи меня, о сестра ты моя.
Не брани ты меня, я ведь больше не тот человек,
который видит...
Место, где я покоюсь — прах земли это.
Сон мой — страх постоянный, среди врагов живу я.
Сестра моя, с ложа подняться я не могу...»

В этой песне Таммуз просит сестру освободить его из преисподней. В других песнях он призывает не сестру, а жену свою, Иштар.

Мы ее встречали раньше, грозной и жестокой гонительницей Гильгамеша и его друга. В мифе о Таммузе мы узнаем ее с другой совсем стороны, самоотверженной и смелой помощницей Таммуза. И, что не удалось герою Гильгамешу, то удается Иштар — она выводит из преисподней умершего Таммуза:

К стране безысходной, земле обширной,
Синова дочерь Иштар[35] свой дух склонила,
Склонила Синова дочь свой дух пресветлый
К обиталищу мрака, жилищу Иркаллы.
К дому, откуда входящий никогда не выходит,
К пути, на котором дорога не выводит обратно;
К дому, в котором вошедший лишается света.
Света он больше не видит, во тьме обитает.
Туда, где питье его — прах и еда его — глина.
А одет он, словно бы птица, одеждою крыльев.

На дверях и засовах простирается прах,
Пред вратами разлилось запустенье.
Ворот преисподней едва достигнув,
Иштар уста открыла, вещает,
К сторожу врат обращает слово:
«Сторож, сторож, открой ворота,
Открой ворота, дай мне войти,
Если ты не откроешь ворот, не дашь мне войти, —
Разломаю я дверь, замок разобью.
Разломаю косяк, побросаю я створки
Подниму я усопших, едящих, живых,
Станет больше живых, чем усопших.

Страшная хозяйка подземного мира, богиня смерти Эрешкигаль приказывает сторожу впустить Иштар.

«Ступай, о сторож, открой врата ей,
Поступи с ней согласно древним законам».

Приходит сторож, открыл врата ей:

«Входи, госпожа! Ликует Кута,[36]
Дворец преисподней о тебе веселится».

В одни врата ее ввел и снимает, убирает большую тиару с ее головы.

«Зачем убираешь ты, сторож, большую тиару с моей головы?»—
«Входи, госпожа. У царицы земли такие законы».

В другие врата ее ввел и снимает, убирает подвески с ее ушей.

«Зачем убираешь ты, сторож, подвески с моих ушей?»—
«Входи, госпожа, у царицы земли такие законы».

В третьи врата ее ввел и снимает, убирает ожерелье с ее шеи.

«Зачем убираешь ты, сторож, ожерелье с моей шеи?»—
«Входи, госпожа, у царицы земли такие законы».

Через семь врат проводит сторож Иштар и каждый раз снимает что-нибудь из ее украшений, и вот —

Как издревле Иштар к преисподней сходила —
Эрешкигаль, ее видя, пред ней взъярилась,
Иштар не смутилась и к ней ступила.
Эрешкигаль уста открыла, вещает,
К Намтару — послу обращает слово:
«Ступай Намтар,[37] во дворце затвори ее,
Наведи шестьдесят болезней на сестру, на Иштар».

Иштар сходит в преисподнюю, и на земле останавливается всякая жизнь, всякое рождение. Снова прибегает к хитрости мудрый Эа, чтобы освободить ее. Он творит Аснамира, чудесное существо. Хитростью заставляет Аснамир страшную Эрешкигаль дать Иштар испить живой воды.

Эрешкигаль, такое услышав,
Ударила бедра, прикусила палец:
«Пожелал ты, Аснамир, чего не желают!
Я тебя прокляну великою клятвой,
Наделю тебя долей, незабвенной во веки:
Снедь из канавы будешь ты есть,
Сточные воды будешь ты пить,
В тени под стеною будешь ты жить,
На черепицах будешь ты спать,
Голод и жажда сокрушат твои щеки».

Но отказать в требовании Аснамира Эрешкигаль не может и снова шлет она Намтара, «Смертную судьбу»:

«Ступай, Намтар, во дворец поди ты,
Постучи в черепицы из белого камня,
Изведи Аннунаков, на трон золотой посади их,
Иштар живою водой окропи, приведи ее».

Снова Намтар провел Иштар через семь врат, у каждых он ей возвращал одно из ее великих украшений, последней он ей вернул ее тиару, ее звездный венец, — ведь символом Иштар является одна из самых ярких звезд на небе, Венера, которая подобно луне имеет фазы, и которая поэтому не всегда бывает видима на небе.

Иштар не захотела одна возвращаться на землю, а потребовала возвращения и Таммуза:

«На Таммуза, дружка ее юности,
Чистую воду возлей, лучшим елеем помажь;
Светлое платье пусть он наденет,
На лазурной флейте пусть он играет»,

приказывает Эрешкигаль.

Заканчивается эта поэма о схождении Иштар в преисподнюю словами:

В дни Таммуза играйте на лазоревой флейте,
На порфирном тимпане[38] с ним мне играйте,
С ним мне играйте, певцы и певицы,
Мертвецы да восходят, да вдыхают куренья.

В этих последних словах объяснение того, почему «в дни Таммуза», под флейту и тимпан поют эту поэму: Таммуз был мертв, Таммуз воскрес, в дни Таммуза и мертвецы по древнему поверью могут покинуть на время мрачный дворец преисподней. Магией, колдовством пытался древний шумериец или вавилонянин победить смерть. Позже в Вавилонии существовал обычай в этот весенний праздник Таммуза, 25 марта по нашему счету, выпускать на волю птиц:

Ты, небесная птица, порождение Ану.
Я — человек, порождение Эа.
Западня птицелова есть у меня,
Я пленил твою душу, я явил тебе свет,
Ты, о Шамаш, храни меня:
Как этой птице жизнь подарил я,
Мне мою жизнь ты подари.

В преисподней «души умерших словно бы птицы одеты одеждою крыльев». И в древнем Египте души умерших, их «бау», изображались птицами с человеческим лицом: выпуская на волю птицу в день весеннего праздника, как бы «выкупали» и для себя право на освобождение от неволи загробного мира.

Миф о Таммузе и об Иштар, подобно мифу о Гильгамеше, продолжал жить, видоизменяясь под влиянием иных форм жизни. В Египте рассказывали об Осирисе и Исиде, а христианский миф о Христе, умершем и воскресшем, дополняется мифом о «хождении богородицы по мукам». Мало кому у нас неизвестна народная сказка о Василисе Прекрасной, попадающей в царство Бабы-Яги, подобно тому, как Иштар побывала в царстве Эрешкигаль.

Каждый год справляли праздник Таммуза, и, хотя бог плодородия и воскресающей природы в разных местах Двуречья носил разные имена, по существу он всюду был один и тот же. Мы не знаем всех обрядов, которыми сопровождался этот праздник, но ученые думают, что в дни его жрецы разыгрывали в лицах всю историю его смерти, плача о нем его жены, схождения ее в преисподнюю, чтобы дать ему возможность «воскреснуть», вернуться весной к жизни. Иштар жертвовала собой ради Таммуза, жрица, которая играла роль богини, тоже «сходила в преисподнюю». Кто знает, может быть было время, когда она из этой «преисподней», из могилы, не выходила обратно, когда ее погребали в ней со всей ее свитой. Чтобы наступила весна, чтобы весенний разлив принес плодородие стране, каждый год Иштар должна была спускаться в «преисподнюю». Так говорили жрецы и их не смели ослушаться, потому что они грозили неисчислимыми бедствиями засухи, голода, гибели стране.

Вот почему на погребенных женщинах были надеты венцы из цветов, вот почему арфы были украшены головами синебородых быков, изображением самого бога плодородия в его зверином облике. Наступала весна и богиня, томившаяся в плену у грозной Эрешкигаль, «воскресала» в изумрудных посевах, в ярких цветах, в траве пастбищ, сияла звездой на весеннем небе, а Таммуз, ее «воскресший» супруг, снова склонялся тяжелым колосом на полях, снова сиял в небе рядом с Иштар, «зеленой звездой».

Вот почему в могиле Шуб-ад были найдены золотые колосья и плоды.

Повторяем, это догадка. Пройдет короткое время, и наука подтвердит или опровергнет ее и даст возможность говорить уже с полной достоверностью о недавних находках археологов.

●

IX. ЧТО ГОВОРЯТ ВЕЩИ И НАДПИСИ О ЖИЗНИ ДРЕВНЕГО ЛАГАША.

Борьба Лагаша с городом Уммой. Лугальзаггиси, царь Уммы, объединяет Шумер.

Перенесемся на некоторое время из Ура, раскопки которого мы подробно осмотрели, в другие поселения Двуречья. Вспомним, что найденные в Уре могилы ученые относят к 3100 г. до нашей эры, приблизительно.

Интересно было бы сравнить, что в это время делалось на берегах Нила, в Египте. Вспомним, что по предположению египтологов около 3200 г. до хр. эры Нармер и Менес, цари Верхнего Египта, завоевали Нижний Египет и объединили всю страну под своей властью. Мы так долго оставались на развалинах Ура, такие огромные богатства видели в его царских могилах, что у нас невольно встает вопрос, не были ли цари этого города на самом юге Двуречья, такими же объединителями всей страны, как фараоны южного Египта?

Ответ на этот вопрос дадут нам раскопки на другом холме в Шумере, немного севернее Ура, между Евфратом и Тигром. Телло, называют его арабы, а в древности он назывался Лагаш.

Снова перед нами глинобитные стены, осевшие, развалившиеся, снова мы едва можем разобраться в путанице теснящихся на холме остатков построек, кривых, узких улиц, груд обожженного и необожженного кирпича. Предоставим опытным архитекторам рассматривать планы раскопок города, и постараемся составить себе представление о жизни Лагаша в 3-м тысячелетии до хр. эры на основании других памятников, более для нас понятных.

Вот перед нами опять небольшая каменная плитка с выпуклыми, «рельефными» изображениями. Посередине круглое отверстие. Такие плитки, как мы уже видели, находили и в других местах, в отверстие их втыкался глиняный или металлический гвоздь, которым плитку как бы приколачи-

вали накрепко в храме, куда ее приносили в дар, — посвящали.

В верхнем ряду босой, бритоголовый человек несет на голове корзину с глиной. Мохнатая одежда спущена с верхней части тела, чтобы легче было работать. Надпись рядом говорит, что это Урнанше, князь города Лагаша, и что он идет на закладку храма.

Странный, казалось бы факт, — князь идет работать, строить, он тащит глину на голове, он спускает одежду с плеч, чтобы не жарко было класть кирпичи. Но ведь в Уре мы уже видели, кто в Двуречье нес на своих плечах всю тяжесть строительных работ, — военнопленные, рабы; но считался строителем князь, считалось, что он работает на бога; строить храмы было почетной обязанностью князей и всех свободных членов общины в Двуречье, они служили храмам и храмы играли здесь первенствующую роль.

Рельеф Урнанше, князя Лагаша.

К Урнанше подходят, прижав руки почтительно к груди, четыре человека, обнаженных до пояса. Это сыновья Урнанше и среди них Акургал, наследник его власти. Имена их вырезаны на их одежде. Перед ними идет Лидда, их сестра, в женской одежде, закрывающей левое плечо, с длинными, распущенными волосами. За Урнанше идет с сосудом в руках его везирь, один из знатнейших вельмож. Почти втрое меньше князя его крошечная фигурка и немудрено: ведь и князь — только почтительный слуга, наместник бога, его «патеси», или «энси», как читают теперь его титул; в государстве он только первый после бога, а везирь — слуга этого патеси. В руках «наместников» бога больше всего плодородной земли, на них работает самое большое количество рабов-военнопленных и ремесленников, в их руках лучший скот, и что всего важнее, они, и только они, имеют возмож-

ность заботиться об оросительных каналах, о запасных бассейнах воды, где ее задерживали после разлива плотинами, чтобы в период засухи спустить на поля.

Кончена «работа». Урнанше уселся на удобное кресло с высокой спинкой и пьет из высокого стакана. Спереди к нему подходят трое из его сыновей и какой-то из его знатных помощников, а везирь стоит попрежнему за ним с сосудом в руках.

Мы уже знали из рассказа о Гильгамеше, что одним из самых важных дел правителя города была забота о строительстве и знаем из раскопок Ура, что забота эта была направлена главным образом на постройку храмов. Но внимательное рассмотрение нашей плитки показало нам, что в Лагаше об этом заботились не правители богатого Ура, а свои местные князья, свои местные наместники бога, свои «патеси», или «энси», как произносят теперь ту группу знаков, которой пишется это название князей шумерских городов. Двуречье объединено не было, не было единым государством, как Египет, оно было раздроблено на ряд мелких государств, каждое со своим укрепленным городом, со своим местным богом, со своим храмом этого бога. И все эти мелкие государства враждовали между собою, стремясь отнять друг у друга поля, финиковые рощи, каналы, запасные бассейны воды, где в изобилии плескались рыбы, угнать тучные стада, взять в плен как можно больше людей.

Французский археолог Сарзек нашел в Лагаше странный памятник. Это была огромная, тяжелая известняковая плита почти в 2 метра вышины, когда-то стоявшая на границе земель Лагаша и соседнего города Уммы. Умма всего в 60 километрах от Лагаша, но мы знаем, как затруднительно было иногда пройти по размытым дорогам Двуречья не то что 60 километров, а всего один или два, так что с тогдашней точки зрения путь от Лагаша до Уммы был неблизкий. Все было бы хорошо, и соседи между собою не стали бы, может быть, ссориться, если бы между их владениями не лежал участок земли, которого они никак не могли поделить, так как каждый хотел иметь его целиком. Необычайно хорош был, верно, этот участок, орошенный обильно водными потоками, зеленеющий пальмами и всевозможными плодовыми деревьями; библейские предания рассказывают о чудесном «саде в Эдеме на востоке», — «Эдене» — на древнееврейском языке; древние шумерийские тексты называют это место «Гу-эдин», и ученые думают, что в древнеевrей-

ском названии звучит еще, может быть, гораздо более древнее шумерийское; как же велико было плодородие и богатство Шумера, если рассказы о его полях и рощах докатились до гористой, каменистой, бедной Палестины в форме предания о «райском» саде на востоке, и если самый этот сад древние евреи называли древним шумерийским словом. Из-за этого-то участка, из-за Гу-эдина и шли беспрерывные стычки шумерийских городов. Жители Уммы не только сами постоянно нарушали границы Лагаша, они еще вступили в союз с воинственными жителями Киша, города, находившегося неподалеку от того места, где впоследствии вырос Вавилон, с аккадянами, говорившими на семитском языке. Отпор их натиску дал Эаннатум, царь Лагаша, внук Урнанше.

Вот он в верхней части плиты, найденной Сарзеком, вступает в бой во главе своих дружин, в мохнатом плаще через левое плечо. На голове его шлем с пышным узлом волос сзади. Мы знаем уже, что такие царские шлемы бывали золотыми. В правой руке Эаннатум держит кинжал, острием вверх. За Эаннатумом выступают шеренгой девять воинов. Медные шлемы на их головах, в руках у них огромные щиты; за каждым таким щитом, как за стеной, могут спрятаться двое воинов сразу. Воины держат наперевес длинные копья. Не девять же человек выступили с Эаннатумом против сил Уммы и Киша! Да, но у художника было мало места, чтобы изобразить все войско, достаточно было только создать впечатление, будто на этом памятнике изображено все грозное ополчение Эаннатума. И вот художник изображает щиты сплошной стеной, а по краю каждого щита высекает сверху донизу ряд кулаков, держащих копья. Получается действительно впечатление, что движется сомкнутым строем огромная масса вооруженных, целый лес копий. И под ногами этой колонны ополчения, этой «фаланги», падают враги, раздавленные ее тяжелой поступью.

Ниже Эаннатум изображен на колеснице: он начинает бой, кидая во врага свое длинное, тяжелое копье, за ним идут его воины. Плита сильно поломана, но ученым удалось найти еще некоторые куски ее, покрытые изображениями. Бой окончен. Победоносные воины Эаннатума собрали тела павших товарищей; их много, не поспеть вырыть для каждого особую могилу. И вот тела складывают горой и засыпают землей. Быстро зарастет холм травой, огромные тростники, которые растут рядом, скроют его, но память о павших

Стела Эаннатума, царя Лагаша. Часть оборотной стороны.

бойцах останется, недаром Эаннатум ставит этот огромный камень с изображением их похода на Умму. А тела врагов остаются на поле битвы, хищные коршуны пожрут их, разорвут на части и разнесут их, кости обгложут гиены. И в память этой позорной гибели Эаннатум приказал вырезать на этом камне и самое поле битвы и коршунов, терзающих тела павших. Вот почему Сарзек, найдя этот памятник, назвал его «стелой (плитой) коршунов».

Повернем ее теперь лицевой стороной к нам, — мы ведь начали с оборотной, — и рассмотрим главное изображение. Перед нами огромная, мощная фигура человека; длинная борода спускается на грудь, волосы пышной прической покрывают голову. В одной руке он сжимает концы сети.

Стела Эаннатума, царя Лагаша. Лицевая сторона.

Сетями, тенетами и неводами в Двуречье ловили птиц и рыбу. Но в сетях здесь барахтаются люди. Вот один из них пробует высунуть голову из сети, убежать. Но в правой руке фигура гигантского человека держит булаву с круглым каменным наконечником. Легким ударом по голове пойманного, булава заставляет его спрятать голову обратно в сеть. Кто такой этот гигант, ловящий людей, как птиц? Взглянем на верхнюю часть сети, которую он держит в левой руке. Концы ее собраны в лапах двух львов и гигантской птицы с головой льва, широко распахнувшей крылья: «Подобен небу рост его, подобен земле рост его, по головному убору

его — он бог, рядом с ним Имдугуд, под ним ураган, справа и слева львы улеглись», так описывал позже, через несколько столетий Гудеа, один из князей Лагаша, бога своего родного города. Имя его мы уже знаем, — его звали Нингирсу, бог плодородия, бог грозового облака и бури и одновременно бог войны. А люди, барахтающиеся в сетях его, это военнопленные, это те рабы, которые после войны будут под палящим солнцем, в сырости болот прокладывать новый канал, который Эаннатум решил выкопать на границе земель, чтобы одновременно оросить новые участки земли и оградить себя водным потоком от нового вторжения.

И опять-таки невольно приходит в голову сравнение: ведь в Египте, в самом начале его истории, художник изображал фараона вдвое-втрое больше, чем его подданных, и одинакового роста с богами; фараон равен богам, он сам является богом на земле. В маленьких государствах Шумера энси стоит выше подданных, но он только — «наместник» бога и все, что он делает, он должен делать во славу этого бога. Как же огромна была в Шумере власть богов, вернее власть храмов и жрецов! Что мудреного, если немного лет спустя после Эаннатума, один из военачальников царя Лагаша, одержав победу над вторгшимися эламитянами, соседями южного Двуречья с востока, является с докладом не к царю, а к верховному жрецу.

Мы не знаем, как это случилось, что в Лагаше жрецы наконец захватили всю власть в руки, что они стали безнаказанно распоряжаться не только храмовыми землями и стадами, но даже имуществом всего «населения... ослов, быков брали жрецы... одежду, бронзу, птиц они брали как повинность. Жрец в саду бедняка присваивал себе деревья, пожинал плоды. Когда погребался покойник, жрец брал себе его питье и его пищу... когда подданный царя на высоко расположенном поле копал себе колодец, поселялся у него чиновник... Тогда господствовало «утеснение». Такими словами описывает тяжелое время господства жрецов современник его, Урукагина.

Хорошо заботились жрецы о своем хозяйстве, о своих приходах и расходах. Строгий учет ведется при дворе, хотя бы Лугальанды, одного из них, считавшегося не только жрецом, но и князем Лагаша. Глиняные таблетки сохранили нам краткие записи, счета̀ его хозяйства. Вот отметка о том, что из стада выдана овца на кухню Лугальанды, а шкура ее передана кожевнику для обработки. Вот другая таблетка

отмечает, что столько-то свеже-пойманной рыбы доставлено рыбаками к столу царя, а столько-то посажено в рыбные садки живьем. Баранамтарра, жена Лугальанды, принимает, верно, близкое участие в ведении огромного храмового хозяйства. Вот глиняная расписка в том, что ею получен от жены низшего жреца козленок и что он передан мяснику Энасагу. Вот еще две любопытные глиняные записки: из города Адаба пришли подарки от жены тамошнего князя, им составлена точная опись, а к ней приложена еще другая опись тем подаркам, которые Баранамтарра посылает в ответ. У Баранамтарры родится дочь, и вот ремесленники Лагаша шлют ей по этому случаю богатые подарки, и этим подаркам составляется тоже тщательная опись, — надо же, ведь, знать, кто прислал, а кто поскупился доставить свое приношение к такому торжественному случаю.

Хорошо умели жрецы устроить свое хозяйство, но тяжело ложился гнет его на плечи населения. Мы не знаем, как случилось, что жители Лагаша наконец возмутились против этого невыносимого гнета, не знаем мы ничего и о том, как протекало это восстание. Мы знаем только, что во главе его стал тот самый Урукагина, слова которого мы уже привели. Власть жрецов была свергнута, Урукагина «водворил свободу» в Лагаше. Посмотрим, какова была эта «свобода».

«Никакой жрец уже не входит в сад бедняка,— говорит Урукагина дальше в своей надписи — ...Вдове и сироте не творил неправды сильный... Если кто-либо (прежде) покупал овцу, и она оказывалась хорошей, у него ее отнимали земледельцы, приносившие во двор овцу для стрижки: если она оказывалась белой, представляли шерсть во дворец, а если нет, платили пять сиклей... Если сын бедняка устраивал себе (прежде) рыбный садок, у него отнимали рыб»... а теперь все эти злоупотребления жрецов и их чиновников строго запрещены.

Урукагина говорит, будто он отменил «утеснения» в стране, но мы напрасно будем в длинной надписи искать хотя бы одного слова о рабах, т. е. вот о тех людях, на которых лежали самые тяжелые работы в стране. Урукагина «установил свободу» только для тех, кто ее, собственно говоря, уже имел, но кто ее временно лишился, благодаря злоупотреблениям. Он сам хвалился, что он «восстановил древние постановления», т. е. не сделал ничего нового, а вернулся просто к старым порядкам, нарушенным владычеством жрецов. Он говорит, что «царство над Лагашем ему даровал Нин-

гирсу, воин бога Энлиля», что «с Нингирсу заключил он, Урукагина, этот договор». То есть, что же получилось? Жрецов он сверг, а бога оставил? Оставил храмы, оставил полную возможность тем же жрецам оправиться от разгрома и снова начать свою жестокую эксплоатацию населения?!

Не удалась Урукагине его энергичная попытка, неверным путем пошел он, не зная, что жизнь нельзя повернуть назад, что «древние постановления возобновить» можно только на короткое время, потому что сама жизнь, развиваясь дальше, сметет их бесследно. Не удалась попытка и потому еще, что вскоре Лагаш был разгромлен своим вековечным врагом Уммой. Воины Уммы, под предводительством Лугальзаггиси, своего царя, разрушили и сожгли дворцы и храмы, унесли серебро и драгоценные камни, потопили в крови город, разграбили житницы.

Войной прошел Лугальзаггиси по городам Шумера, покоряя их себе, войной прошел он и по той части Двуречья, где Евфрат и Тигр ближе всего подходят друг к другу. Не только Лагаш, но и богатый Ур на юге, и воинственный Киш и далекий Мари должны были ему покориться. Он называет себя царем Урука, древнего города героя Гильгамеша, и хвалится, что прошел от Верхнего (Средиземного) моря, до Нижнего, т. е. до Персидского залива. Это случилось около 2800 г. до хр. эры, — на несколько столетий позже Египта была сделана в Двуречье попытка объединения всей страны в единое государство. Чем она кончилась, мы увидим дальше, а пока оставим на время болота и заливные поля Шумера и перенесемся севернее, туда, где стоял древний Киш, о котором нам ведь пришлось уже говорить раньше.

Киш был разгромлен Лугальзаггиси также беспощадно, как Лагаш. Какие города разрушил здесь еще шумерийский завоеватель, мы не знаем. Хотя в этой части Двуречья раскопки велись, но пока еще мало, и мы даже не знаем точно, где находился город Аккад, по имени которого и вся эта часть Двуречья стала называться Аккадом. А это было бы интересно знать, так как из Аккада родом был тот человек, который победил Лугальзаггиси и сумел наконец действительно объединить Шумер и Аккад в единое сильное государство.

X. ЧТО ГОВОРЯТ ПАМЯТНИКИ И НАДПИСИ О ВОЗВЫШЕНИИ АККАДА.

Времена Саргона и Нарамсина.

«Я, Саргон, царь могучий, царь Аккада», так называет он сам себя в одной из глиняных «книг» библиотеки Ашурбанипала.

«Я, Саргон, царь великий, царь Аккада.
Мать моя — жрица, отца я не ведал,
Брат моего отца в горах обитает,
Град мой — Асупирану, что лежит на берегу Евфрата.
Понесла меня мать моя, родила меня втайне,
В тростниковый ящик положила, вход мой смолою закрыла,
Бросила в реку, что меня не затопила.
Понесла река, принесла меня к Акки, водолею.
Акки, водолей, багром меня поднял,
Акки, водолей воспитал меня, как сына,
Акки, водолей, меня садовником сделал.
Когда был я садовником — Иштар меня полюбила,
И пятьдесят пять лет я был на царстве.
Людьми черноголовыми я владел и правил,
Могучие горы топорами медными сравнял я,
Я поднимался на высокие горы,
Преодолевал я низкие горы,
Трижды осаждал страну Морскую...»

Такова легенда о рождении и воспитании Саргона.

Странное впечатление производит она, когда читаешь ее первый раз. Все кажется, что где-то уже слышал такую же историю. Вот, может быть в одной народной сказке, где рассказывается как мельник у самой мельницы нашел корзинку, а в ней спящего ребенка. Мельник берет найденыша на воспитание, и, после многих приключений, найденыш делается царем той страны. Древние персы рассказывали

такую же чудесную историю о Кире, выброшенном по повелению его деда, мидийского царя, воспитанном пастухами и ставшим затем царем и Мидии и Персии. У греков было предание о царе Эдипе, тоже найденном и воспитанном пастухами. А, вспомним римское сказание о близнецах Ромуле и Реме, брошенных матерью в корзине в реку Тибр, вскормленных волчицей и ставших основателями Рима!

Но это все предания европейских народов, — вернемся опять на древний Восток. Разве там не рассказывали древние евреи совершенно такой же истории о Моисее, выброшенном в просмоленной корзине в Нил, найденном и воспитанном дочерью фараона?

Откуда взялись все эти рассказы? Где их корни? Заглянем опять в наши глиняные таблетки. Вот опять перед нами один из многих мифов о Таммузе, боге весны, боге хлебного колоса, о котором у нас раньше уже была речь. Мать Таммуза, совершенно так же, как мать Саргона, кладет новорожденного бога зерна в корзину и бросает его в реку. Ничего больше не знаем мы о дальнейшей судьбе младенца Таммуза, потому что надпись попорчена, но ведь и сохранившегося довольно.

Почему надо было матери Таммуза, богине земли, бросать новорожденного сына в воду? Да потому, что без воды зерно не прорастет и колоса не даст. Все помыслы, все мечты народа земледельца заняты одним — земледелием, орошением, без которого никакое земледелие невозможно. И, рассказывая о своих героях, о людях, сделавших многое в истории страны, человек иногда невольно переносит на них черты древних мифов. Так возникают сказания, а как долго и прочно живут иногда эти сказания, как далеко они иногда передаются, мы уже видели, когда говорили о найденыше мельника, ставшем царем.

А рассказ о Саргоне, царе Аккада, мы даже не можем назвать сказкой, потому что многое из того, о чем здесь говорится, подтверждается другими надписями, подтверждается вещественными памятниками.

Саргон говорит, что брат его отца «живет в горах», что он горец. Значит и отец Саргона не был жителем равнин, не был шумерийцем. А ведь мы уже говорили раньше, что в Аккаде говорили на семитическом языке, а не на языке шумерийцев, хотя и писали такими же письменами, как в Шумере. На семитическом языке, близко родственном аккадскому, говорили амореи, народ, живший в Сирии и

в части современной Палестины, т. е. в гористой стране по восточному берегу Средиземного моря. Плодородны долины в этих горах, много дичи водится в них, но могут ли они прокормить большое население? Конечно нет. А Евфрат, поворачивая от гор Тавра излучиной на юго-восток, подходит так близко к этим долинам, так обильны рыбой его воды, такие цветистые пастбища расстилаются по его берегам весной, что амореи, — амурру, как их называли в Двуречьи, — постоянно переходили из своих долин на берега Евфрата и обратно, постепенно становясь оседлыми. Недавно ученые нашли и разобрали древнюю надпись, описывающую живо этот момент перехода горцев-семитов к оседлости:

Статуя шумерийца. (Гудеа в юности.)

«Для горца оружие — его товарищ...
Не знает он подчинения.
Он ест невареное мясо.
На протяжении всей своей жизни он не владеет домом;
Своего мертвого товарища он не погребает.
Теперь же Марту [39] имеет дом,
К дому своему возвращается.
Теперь Марту имеет зерно.
О, Нинаб [40], расти обильно!»

Смелые и предприимчивые охотники, семиты-аккадяне любили охотиться на львов, не крупных в Двуречье, но хищных и свирепых. И охотились, выходя на них вдвоем: к дереву привязывали живую приманку — вола, а когда лев бросался на добычу, его один охотник встречал копьем, а другой, схватив за хвост, убивал топором или тяжелым молотом.

И по внешности семиты отличались от шумерийцев с их широкими бритыми лицами. Они привыкли к дальним переходам, они не боялись ни безводных пространств Сирийской пустыни, ни опасных троп по горам и каменистым обрывам.

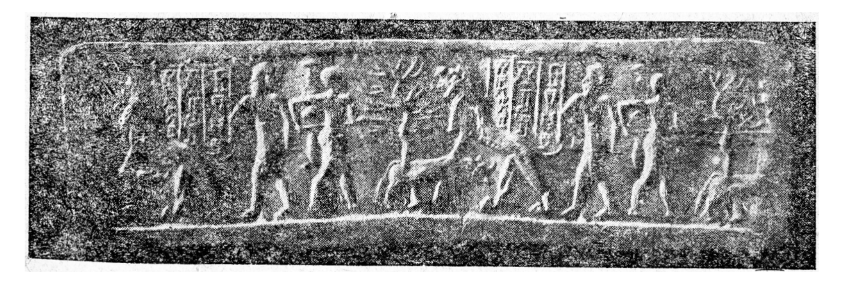
Цари Ура, Лагаша, Шуруппака, Урука и других городов Шумера посылали своих доверенных, своих «дамкаров» в дальние страны добывать для них медь, золото и сере-

бро, камень и дерево. Эти материалы нужны и Саргону. Но, сколько трудностей приходилось дамкарам, гонцам шумерийских храмов и князей, преодолевать в дороге, сколько подарков приходилось делать князьям тех городов, через которые они проходили, чтобы их не задержали в дороге, чтобы разрешили провести ценный груз по каналам этих чужих городов. Много ли можно было привезти из таких поездок? Не лучше ли захватить в свои руки все пути, подчинить себе непокорные города и без задержек и препятствий привозить к себе все то, чего нехватало в Двуречье?

Голова алебастровой статуи семита из Адаба.

Саргон начинает с самого трудного, с завоевания Шумера. Вот он появляется неожиданно под стенами Урука, где засел Лугальзаггиси. Хорошо укреплен старый город, но войско Саргона внезапным приступом берет крепость и захватывает самого Лугальзаггиси. В оковах отправляет Саргон своего пленника в Аккад, а в Уруке приказывает разрушить укрепления. Вот он берет Лагаш,

Охота на льва с помощью живой приманки. Отпечаток цилиндра-печати некоего Даннили.

Умму; князь Ура пробует сопротивляться, выходит с войском навстречу врагу, — разбит и он, и Саргон приказы-

вает срыть и здесь укрепления. До самого Персидского залива дошел он, и здесь, в знак окончания покорения Шумера, он омыл свое оружие в морских волнах.

Подчинив себе южное Двуречье, Саргон требовал только, чтобы города Шумера несли повинности, наложенные на них, чтобы они признавали его главенство, а в жизнь их он не вмешивался.

Вернувшись в родной Аккад, Саргон потребовал, чтобы города Шумера прислали ему свои суда. И потянулись к нему корабли из Ура и Эриду, стоявшего при море, с островов Персидского залива, куда заплывали суда шумерийцев, даже с далекого побережья Аравии. По Евфрату, а там, где обмелевшая река не давала пройти, по каналам, флотилия добралась до набережной Аккада. Саргон задумал новый поход, вверх по Евфрату, а потом на запад, к берегам Средиземного моря.

«Дал мне бог Верхнюю Страну, — говорит он в одной из своих надписей, — Мари и всю область до Кедрового леса и до Серебряных гор». До Ливана и до Тавра расширил он границы своего огромного государства, объединил не одни враждующие города Шумера, но всю страну по течению Евфрата; серебро и кедровое дерево теперь не надо больше выменивать, он получает их как дань от подвластных ему стран запада. Его предприимчивые «дамкары» перебрались даже за горы Тавра, туда, где в Малой Азии протекает река Галис. Здесь, в Малой Азии, есть железо, редкий металл, которого еще не знали шумерийцы, здесь жители разводят коней, которых нет в Двуречье, здешние мастера так умеют выделывать и красить кожу, как во всем Шумере ни одна мастерская не сделает. И дамкары Саргона заводят деятельный обмен. Ничего не знали бы мы об этом поселении, об этой торговой колонии в самом сердце Малой Азии, если бы Нур-Даган, местный царь, не вздумал притеснять дамкаров Саргона, и если бы они не прислали ему письма с просьбой защитить их.

Мы не знаем подробностей похода Саргона в Малую Азию, — энергичный сын горца не испугался дальнего пути и пошел сам через горы Тавра на помощь своей колонии. Путешественники, побывавшие там, где проходили некогда и его войска, говорят единогласно о замечательной красоте горных ущелий, по которым несутся быстрые, студеные реки, о снеговых вершинах, о цветистых лугах и горных пастбищах «Серебряных гор». Повторяем еще раз, подробностей

похода мы не знаем, но мы знаем, что Саргон из гор Тавра вывез в Аккад виноградную лозу, два сорта смоковницы, дающей сладкие винные ягоды, кусты роз и много еще разных растений, которых не знали в Аккаде, и которые он насадил здесь. Недаром в народе, рассказывая о нем, его называли «садовником».

Состарился Саргон и вот «в его старческие годы возмутились против него все страны и затворили его в Аккаде. Саргон выступил в бой и нанес им поражение. Он победил их и «поверг их сильное войско»...

Среди восставших был и незначительный город на Евфрате, близкий сосед мощного Аккада, Вавилон. Жестоко было наказание несчастного города: Саргон «срыл землю его» и самые ворота его унес, рядом с Аккадом построил он город по образцу Вавилона и, вероятно, переселил в него жителей, оставшихся в живых, чтобы иметь их всегда под надзором. Так оберегал он единство страны. И также энергичны были его преемники. «Сыном Шаррукина» — Саргона — называет одна надпись Нарамсина, царя Аккада; хотя после Саргона правили еще другие цари, но своей энергичной деятельностью Нарамсин так его напоминал, что его, вероятно, потому и назвали «сыном» Саргона. Взглянем на победный памятник этого царя, большой камень в 2 метра высотой, немного поломанный сверху, но такой отличной работы, что даже не верится, что это работа тех же мастеров Двуречья, что и стела Эаннатума, о которой у нас была раньше речь.

Тяжелая фаланга[41] Эаннатума двигалась по равнине. Нарамсин подымается со своим войском по горным тропам страны лулубеев, к северо-востоку от Аккада. По горным кручам лепятся здесь и там деревца, искривленные ветрами. Не плечо к плечу, как ополчение Эаннатума, а развернутой цепью подымаются воины Нарамсина, вооруженные легкими, длинными копьями, луками и стрелами. На них не тяжелая, мохнатая одежда шумерийцев, а легкие, короткие набедренники, не мешающие карабкаться по кручам. Они все, как один, подняли головы, следя за своим вождем и шагают вверх таким же бодрым шагом, как и сам Нарамсин. Вот он поднялся на вершину. Выше его только недоступный горный пик, а над ним горят светила. Нарамсин загнал врага на эту вершину, преследуя по пятам. Беспомощно свесившись, тела убитых скользят по обрыву и тяжело падают в бездну. Нарамсин только что метнул копьем в од-

Победная стела царя Нарамсина. Хранится в Лувре.

ного врага, оно еще дрожит у него в горле, и он, падая уже, силится еще вырвать его. В ужасе перед неминуемой смертью бежит другой враг, но перед ним обрыв, бежать некуда, и он умоляюще поднял руки, прося пощадить его.

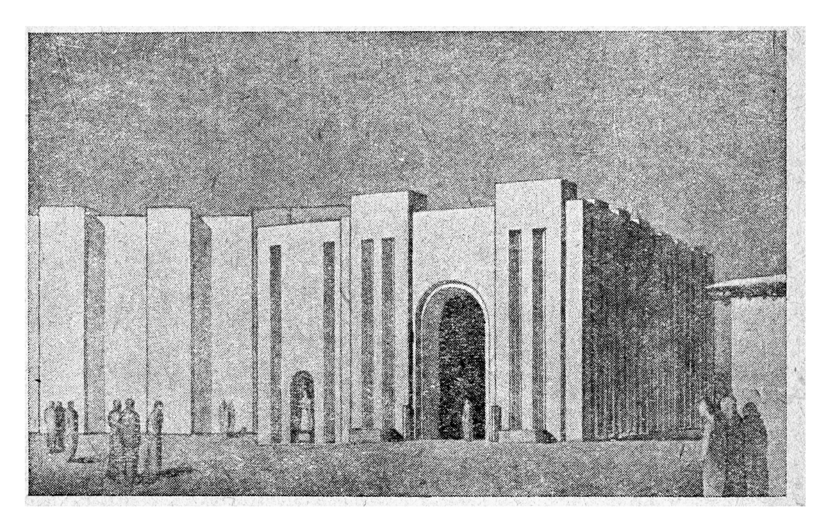
Посмотрим на фигуру Нарамсина, — в руках у него лук и стрелы, он собирался, судя по всему, добить последнего врага стрелой, но ведь этот враг больше не сопротивляется и даже не бежит, он только просит пощады. Нарамсин уже ступил быстро вперед, но руку со стрелой он отвел назад, щадя сдающегося лулубея. Внизу, справа видны еще две фигуры врагов: один со сломанным копьем в страхе повернулся в сторону воинов царя, другой в отчаянии и ужасе подымает умоляюще руку. Какое необычайно живое изображение, какое разнообразие движений, поз, как выразительны отдельные фигуры! Смотришь внимательно на эту чудесную каменную плиту, и кажется, что видишь перед собой и горные дали и бездонные пропасти, кажется даже, что слышишь еще звуки перекликающихся голосов воинов, идущих по горным кручам.

Этот памятник одного из многих походов Нарамсина высечен в куске твердого песчаника. Какой же искусный мастер, какой первоклассный художник создал это произведение искусства? Ведь резал-то он твердый камень каменными или бронзовыми инструментами, не нашими твердыми, стальными или алмазными резцами. Сколько же труда, времени, терпения требовала эта работа. Но об имени мастера мы напрасно будем спрашивать, ни одна надпись не даст нам его. Этот художник был просто одним из тех многочисленных мастеров, работавших в каждом храме, при каждом дворце. В Аккаде, как и в Шумере, подвиги царей увековечивались, а имена мастеров, как бы искусны они ни были, оставались неизвестны.

Сравним эту «стелу Нарамсина» со «стелой Эаннатума», с уже знакомой нам «стелой коршунов», — безжизненными, тяжелыми покажутся нам и сам Эаннатум и его воины рядом с чудесным произведением аккадского искусства. Ведь как хорошо умели шумерийские мастера изображать животных из меди, золота, серебра. Как живые выглядят эти золотые и медные быки из Ура, эти странные, львиноголовые Имдугуды. Но вот человека в Шумере изображали плохо, и только в аккадском искусстве мы в первый раз видим, что художники Двуречья сумели разрешить и эту задачу

Далекие походы совершал Саргон, и такие же далекие походы делал Нарамсин. В Аравию на запад и в Элам на восток ходил он, сражался на островах Персидского залива и в горах высокого Загра, и, тем не менее, созданное ими единство страны опять распалось скоро, просуществовав едва 200 лет.

Почему это случилось? Почему египетским фараонам удавалось целые тысячелетия поддерживать единство своей страны, а в Двуречье все попытки так скоро кончались новым

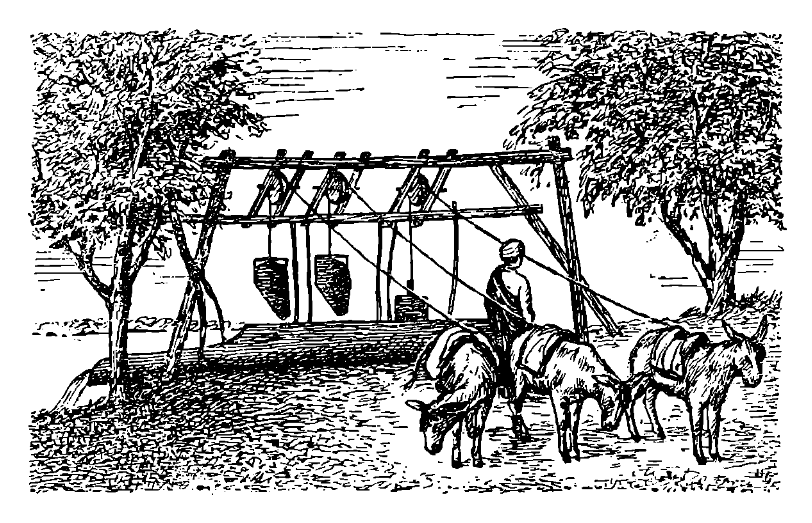

Дворец аккадского царя. Реконструкция.

распадом? Ведь вся страна, казалось бы, приняла единую культуру: клинописью пишут и в Шумере и в Аккаде, да и соседние страны переняли ее, строят одинаково и в Аккаде, и в Мари, и в Уре, вся страна целиком живет скотоводством и земледелием. Правда, скотоводство развито больше на юге, в Шумере, а на севере в Аккаде занимаются больше земледелием. Но с пастбищ Шумера скот пригоняют на рынки Аккада, а по каналам, соединяющим обе страны, зерно, рыба и другие припасы, доставляются всюду, где в них является потребность.

А как высоко развилось теперь сельское хозяйство! В Египте все еще на полях крестьяне подымают воду ручным шадуфом, а здесь, в Двуречье, всюду скрипят ороси-

тельные сооружения, которые приводятся в движение тягой волов или ослов. До сих пор еще сохранилась в Двуречье форма этого сооружения, и потому мы знаем, как выглядел такой «черд», как его называют теперь арабы. В реку или в канал опускали наклонно деревянный щит; вол тянул по этому щиту кожаный мех на веревке, которая наматывалась на вал, расположенный на двух выступающих пальмовых стволах. Горлышко меха обращено во время подъема вверх: когда вол вытянет его до верхнего края щита, мех опро-

Черд в современном Ираке.

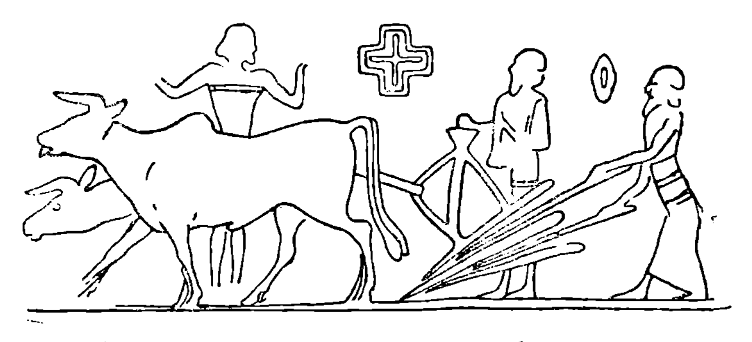
кинется горлышком вниз, вода выльется в жолоб, а по жолобу побежит дальше, в канавки на полях, в огородах и садах. Вола гнали в другую сторону, и снова мех опускался в воду — и медленно полз вверх по деревянному щиту.

А пахота? Египетский земледелец ковыряет землю легким плугом, сеет от руки. А в Двуречье тяжелый плуг тащат по борозде уже не 2 вола, а иногда и четыре. Бронзовые лемеха глубоко врезаются в землю, переворачивая большие пласты земли, жирной, глинистой, влажной и тучной. И, непременно, рядом с пахарем идет и сеятель с зерном в корзине. Но зерно он сыплет в борозду не от руки, а насыпает его в воронку, приделанную к длинной трубке;

трубка же соединена с плугом и кончается у борозды. Тоненькой струйкой равномерно сыплется в борозду зерно, — плуг соединен с сеялкой.

Чудесное изобретение, что и говорить!

Но вот является вопрос: а кто же в Двуречье мог у себя устроить черд? Кто мог завести плуг с бронзовыми лемехами? Для черда нужно дорогое дерево, нужны волы, ослы; для дорогого плуга нужна хоть одна упряжка волов, нужны руки трех людей — пахаря, погонщика волов и сеятеля. Под силу ли такая роскошь мелкому землевладельцу на его маленьком участке земли? Конечно нет. И черды и такие «комбинированные» плуги доступны храмам, царям,

Плуг-сеялка. Изображение на цилиндре-печати.

вельможам, имеющим большие земли, ведущим большое хозяйство. А как быть мелкому земледельцу? Можно конечно, просить помощи у князя или у храма. Конечно, не даром дадут ее: за вола, за пользование чердом, за право черпать воду в канале, устроенном царем или храмом, с земледельца возьмут плату зерном или трудом. Не всегда сможет он отдать или сразу отработать долг, и вот, постепенно, он делается неоплатным должником, а затем наступает время, когда его участок земли переходит во владение храма, царя, вельможи, которому он задолжал, и недавно еще свободный земледелец должен работать из-под палки надсмотрщика, превращаясь в раба.

Не было равенства в едином государстве, созданном Саргоном, тяжело жилось здесь тем, кто жил своим трудом, не знали они, чей гнет тяжелее, аккадских ли царей или князей и храмов Шумера.

В Египте с запада и востока от долины Нила шли огромные пространства безводных пустынь. Египту не страшны были номады, кочевники Ливийской и Аравийской пустынь. Двуречье на западе граничит также с пустыней, так называемой Сирийской. Но, ведь мы уже видели, что и через эту Сирийскую пустыню в Двуречье постоянно проникали племена, жившие в Сирии, Финикии и Палестине. Мы видели, что и с востока Двуречью постоянно угрожали соседи: то жители Элама, то горные племена лулубеев, то гутеи, разгромившие страну вскоре после смерти Нарамсина. Как весною текут со снеговых гор в русло Тигра бурные, полноводные ручьи и реки, так неудержимо стремились в низину богатого Двуречья потоки племен. Удавалось их сдерживать — и страна жила спокойно, случалось что-нибудь, что мешало дать во-время отпор нашествиям и вторжениям, и враг опустошал города и селения, угонял скот, уводил пленных. В вечной борьбе жило Двуречье с соседями и с природой.

●

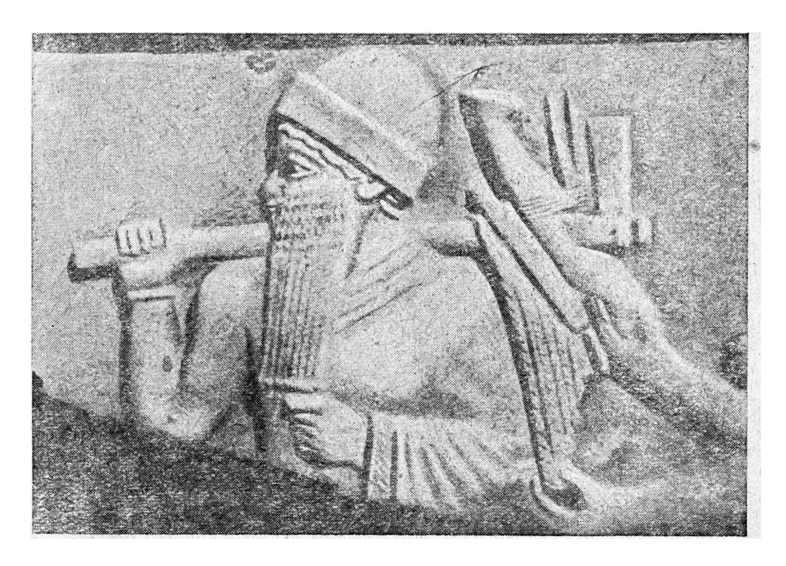
XI. НОВЫЙ РАСЦВЕТ УРА. ДЕЛОВЫЕ АРХИВЫ ШУМЕРА. ГИБЕЛЬ III ДИНАСТИИ УРА.

Много ли времени прошло с тех пор, как гутеи разгромили богатую страну и ушли в свои горы, и вот снова оправляется она, и снова делаются попытки объединить ее. Заглянем опять на хорошо нам знакомый холм Ура.

Миновали долгие годы упадка его. Снова в Уре правят сильные цари, так называемая III династия Ура. Город стоит близко от моря, на большом судоходном канале, нашествие гутеев не коснулось его, он ведет сношения и с островами Персидского залива и с Вавилоном на Евфрате, когда-то соперником Аккада. Богатеет Ур, отстраивается, и Урнамму, первый царь новой династии, приказывает своим художникам изобразить себя, подобно Урнанше, в момент, когда он с инструментами на плече идет на постройку зиккурата у храма Наннара, бога луны.

Попробуем заглянуть в Ур этого времени, представим себе, что мы вместе с каким-нибудь «дамкаром» царя Урнамму возвращаемся из дальних странствий и подходим к высокому холму, где расположился город. Мы идем бесконечными полями, огромными огородами. Всюду кипит работа: скрипят черды, и вода струями разливается по бесчисленным канавкам, орошая гряды с луком, чесноком, чечевицей, бобами. Под палящим солнцем в полях копошатся люди, пропалывая овощи, обрабатывая новые участки земли. Ближе к каналам идет ссыпка зерна в амбары и погрузка его на суда; тяжелые суда, низко оседая под грузом пшеницы, ячменя, фиников, отваливают от пристаней, развозя далеко по селениям и городам запасы богатого Ура, в обмен на их изделия и продукты. Еще в равнине, далеко от холма, где стоит город, мы увидим тростниковые хижины или глинобитные мазанки рыбаков, пастухов, земледельцев. Теперь не страшно больше селиться в равнине, с тех пор как всю страну прорезали бесчисленные каналы.

Но вот мы уже в черте города, на самом холме. Неприветливо выглядят узкие, кривые улицы, кончающиеся тупиками. Дома не имеют окон, выходящих на улицу, освещаются они со двора и напоминают такие же глинобитные хижины на равнине, — это поселения городской бедноты. Тесно, пыльно и грязно в этой части города; кажется будто никто здесь не живет, так тихо днем на улицах, когда все население уходит на различные работы. Только грязные тощие щетинистые свиньи копаются, похрюкивая, в грудах мусора,

Царь Урнамму с инструментами идет на закладку храма. Рельеф.

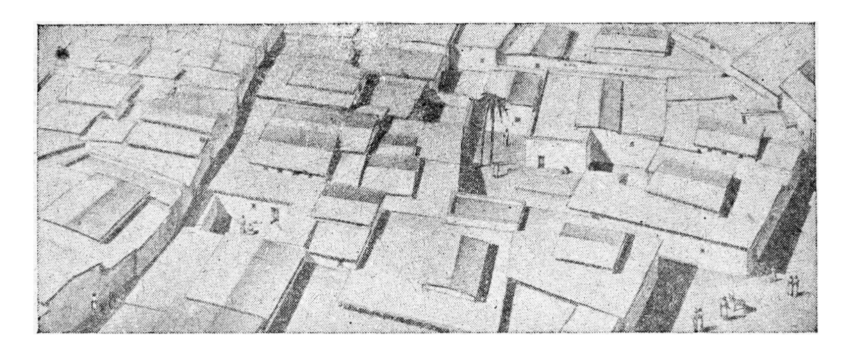
да такие же тощие, полуголодные собаки дремлют в тени домов.

Ближе к самой высокой части холма стоят дома зажиточных людей, владельцев стад и полей на равнине. Здесь оживления больше. Проходят отряды кирпичников и каменщиков под командой своих десятников; местами слышно монотонное пение, — идет сооружение новой стены вокруг города, и каменщики, перетаскивая и укладывая кирпич-сырец, высушенный на солнце, помогают песней своей работе.

Дворики домов зажиточных людей вымощены кирпичом, деревянные столбы поддерживают галерейки вокруг всего

двора во втором этаже. В комнаты этих вторых этажей ведут лестницы.

В домах еще и в наше время можно различить помещение кухни с каменным покатым «столом» — попросту большой каменной плитой, на которой рубили мясо, давая крови сбегать по столу в жолоб. Здесь же помещалась печь для печения хлебов; уборные и ванны показывают, что в домах умели заботиться о чистоте. Конечно, только в богатых домах, — в глиняной мазанке, протекающей от дождя, не устроишь ванной, да и кухни-то нет, а есть просто очаг в земле, на котором кипит пара грубо сделанных горшков, как было в старину.

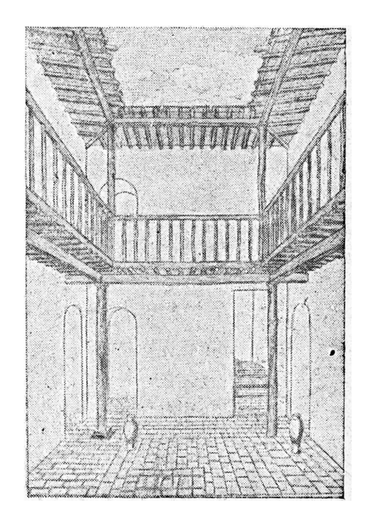
Вид города в Двуречье. Реконструкция.

А вот и самая высокая часть холма. Сияет голубая глазурь кирпичей, шелестит зеленая роща широких террас; перед нами вырастает кирпичная громада зиккурата. У подножья его расположился храм Наннара, бога луны; тут же находится дворец, а дальше идут хозяйственные постройки, провиантские склады, мастерские, архив, где хранятся сотни и тысячи клинописных табличек.

Заглянем и на базарную площадь Ура. Вот где шумно и людно! Кого-кого здесь нет! В тени городской стены расселись торговцы съестными припасами. Грудами лежат жесткие ячменные лепешки, стоят жбаны с дешевым ячменным пивом, с ячменным же сладковатым квасом; далеко разносится резкий запах связок лука, чесноку, разных ароматных, пряных трав, которыми здесь так любят приправлять пищу. На тростниковых циновках сложены сладкие финики,

вяленая рыба; свеже-отжатое масло сезама [42] стоит рядом с сосудами топленого козьего и овечьего дешевого масла и молока. Торгуют бойко мылом, т. е. маслом, смешанным с содой,— оно и для мытья одежды употребляется, и шерстобитам нужно, которые из овечьей и козьей шерсти валяют грубую, тяжелую одежду бедноты.

Горшечники выставили свой незатейливый товар рядом с корзинщиком, который здесь же плетет в ожидании покупателя цыновки из тростника, сети для рыбы, тростниковые паруса, корзины для разных припасов.

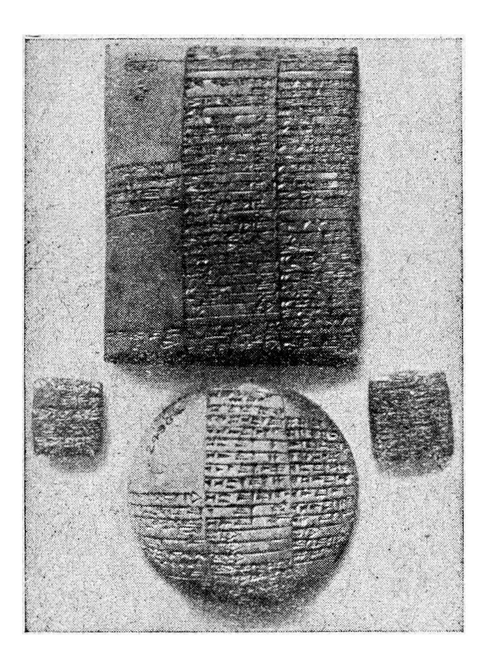
Внутренность дома зажиточного шумерийца. Реконструкция.

Проходят по базару быстрым шагом чиновники царского двора, надзиратели каналов, заведующие мастерскими храма и царского дворца. Им здесь нечего покупать, все свое продовольствие они получают от храма или от царя. Базарный гадатель предлагает желающим свои услуги; он ловко опрокидывает в сосуд с чистой водой чашечку светлого, сезамного масла и по узорам масляной струи в воде гадает суеверным жителям и о будущем урожае, и о том, каков будет разлив, и о здоровье близких и даже о том, будет ли война, или враг останется за пределами страны.

С гадателем соперничает базарный писец; заезжий дамкар просит его написать ему таблетку со счетом товаров, привезенных в Ур; владелец хлебного амбара на главном канале города диктует мимоходом распоряжение заведующему этими амбарами погрузить столько-то зерна и доставить туда-то.

Среди жителей города бродят жители горной страны, гутеи, глазея издали на царский дворец и на главную лестницу зиккурата: полуобнаженные, бритоголовые жрецы подымаются по ней для совершения ежедневного возлияния городскому богу; в их руках колышатся зеленые ветви, блестят на солнце золотые и серебряные сосуды.

Внезапно толпа на площади почтительно расступается, застывая в низких поклонах. Слышатся звуки медных тимпанов и бряцание струнных инструментов, — торжественной поступью, босой, с инструментами строителя, мотыгой и киркой на плече, проходит Урнамму, царь Ура, на закладку нового храма; музыканты, жрецы, высшие чиновники двора сопровождают его. Новый храм великолепием должен затмить все старые постройки, чтобы далеко за пределами страны разнеслась слава его родного города, самого богатого и могущественного из городов Двуречья, и все население города должно видеть, как ревностно царь несет свои обязанности по отношению к городскому богу.

Клинописные глиняные таблетки различной формы из Ура.

Цари Ура подчинили себе весь Шумер. Во всем Шумере верховными божествами признаны теперь божества Ура, во всем Шумере счет годам ведется по событиям царствования царей Ура: «В год, когда царь Шульги, (сын Урнамму) выстроил великую стену запада», «в год, когда Шульги разрушил такой-то город» Имя Шульги повторяется в надписях чаще всего. Немудрено, он царствовал необычайно долго, целых 58 лет.

Не все еще отрыл заступ археолога в слоях этого времени, но зато в руках ученых есть целый клад надписей. Это не «библиотеки», вроде той, которая была во дворце Ашурбанипала, — «книг для чтения», хотя бы глиняных, здесь не было. Это именно то, что мы назвали бы на нашем современном языке «деловые архивы», хозяйственные документы разных городов и учреждений. Тысячами, десятками тысяч

находят их в развалинах городов, тысячами хранятся они в музеях, эти деловые расписки, эти глиняные квитанции, которых ни время, ни вода, ни огонь не смогли уничтожить.

Вот целый ком крепко обожженной глины. Он имеет трехгранную форму и похож на огромное гречневое зерно. В середине проткнуто отверстие, судя по отпечаткам на стенках его — тростничиной. Прочтем надпись, идущую кругом такого трехгранника: «1 тростниковая корзина с документами, касающимися мастерской ткачей»; «1 корзина с документами, касающимися быков»; «документы, касающиеся сада»... «расходы царя»... «кухня»... «посылка рабочих»... Не перечислить всех отдельных статей, которых касаются документы этих «тростниковых корзин». Глиняные трехгранники — это описи документов, лежавших в корзинах. Корзину завязывали, втыкали в нее тростничину, а на нее сажали такую глиняную «буллу» с описью.

Вынем и рассмотрим ближе один из этих документов. И на булле уже, и здесь, на этой маленькой таблетке, сантиметров в пять длиной, нам бросится в глаза, во-первых, оттиснутое на глине изображение каких-то сидящих и стоящих человеческих фигур, сопровождающих клинописные знаки. Это отпечатки «цилиндров-печатей», которые носит при себе каждый житель Двуречья, будь он шумериец или аккадец, если только он свободный человек и, если он обладает собственностью или является должностным лицом. Это его личная печать. На ней изображены чаще всего или фигуры божеств, или целые сцены из мифов о них и о героях. Рядом с изображением стоит обыкновенно имя собственника печати, иногда и название его должности. «Дупшарру», писец, напишет документ, а какой-нибудь Дадага, надзиратель металлических мастерских, или какой-нибудь другой чиновник прокатит по сырой глине свой «цилиндр», скрепит его, так сказать, своей подписью. Этого мало, документ, хоть и крепко обожженный, может попортиться. А если это очень важная расписка? Или если это письмо, которое надо далеко послать? Ну, тогда эту расписку, этот листок глиняной почтовой бумаги, вложат в конверт, т. е. попросту завернут в тонкий листок сырой глины, на нем вкратце повторят содержание записки, еще раз прокатают цилиндр-печать и крепко обожгут глину, — разрушится «конверт», останется еще самая таблетка.

Каких только сторон жизни не касаются эти краткие, деловые записи! Вот документы, касающиеся земледелия,

пахоты, посева, жатвы, обмолота, ссыпания зерна в житницы, погрузки зерна на суда, доставки по каналам в места назначения. Вот документы, касающиеся скота, кормежки его, убоя, приготовления масла, сыра, выдачи кож в мастерские кожевенников. Вот сотни таблеток с распоряжениями и расписками по вопросам орошения поля, сада. Вот расписки в получении рыбы от рыбаков, или от дамкаров, привезших, верно, особо ценные сорта ее. Вот бесконечное количество документов, говорящих о работе разных мастерских: «Получено столько-то меди и столько-то олова от дамкара Думузида. Получил Дадага».

«Получено от Дадаги столько-то бронзовых сосудов, взвесил их Ур—Шара».

«За финики получено столько-то серебра. Взвесил такой-то».

Металл принимают по весу в мастерские, его выменивают на финики, на зерно, а выдавая из обработки, опять взвешивают.

Вот расписка в выдаче шерсти в «дом ткачей», т. е. иными словами в мастерскую, где работают рабы; а вот другая, с перечислением готовых одежд, принятых от надзирателя этого «дома ткачей».

Вот ряд расписок в выдаче платы «наемным работникам», ссыпавшим зерно. Значит были и не наемные, т. е. такие, которым за работу ничего не платили? Конечно были, и мы знаем уже о них, — это рабы-военнопленные, это обедневшие, прежде свободные люди, попавшие в кабалу к крупным землевладельцам. Их много, и расписки тщательно отмечают на какие работы, сколько человек послано, сколько из них выйти на работу не смогли по болезни. Наступает весеннее половодье, торопятся послать «сильных людей», чтобы «задержать наводнение», чтобы «засыпать землю» на разливе, чтобы «снести корзины на разлив канала»; воды разлива не захватили некоторой части возделанной земли, и «10 человек посылают на один день для орошения сада... 24 человека на один день для орошения поля». Надо подготовить поле для пахоты, — 40 человек посылают «на рубку терновника», на борьбу с сорняками; «погонщиков при быках» посылают, очевидно, на пахоту и надзиратель Аабба отмечает в таблетке «благополучно выполнено».

Посев сменяется страдным временем жатвы, каждая пара рабочих рук дорога, а тут писец отмечает в таблетке «28 человек заболело». Женщин приходится посылать «на прополку овощей»; приходится косить траву, резать трост-

ник. В безлесном Шумере ведь тростник очень важная статья хозяйства и вот: «11 возов тростниковых жердей» доставлено в 44-й год царствования Шульги, царя Ура, очевидно, для каких-нибудь построек; из тростника плетут корзины для муки, фиников, для печеного хлеба; огромное количество тростника запасается в кладовых и выдается для топлива, потому что нет дерева для дров.

«Две женщины-рабыни посланы на такой-то срок для печения ячменного хлеба», говорится в одной таблетке.

«Сорок пять рабынь послано на один день таскать тростник для починки корабля и для доставки балок для дворца», отмечает другая. Как разнообразна и как тяжела бывала работа, выпадавшая на долю этих несчастных женщин-рабынь!

Вот таблетка, помеченная 5-м годом царствования Гимильсина, царя Ура, и гласящая, что на судне было доставлено 480 тростниковых корзин для мертвых. Откуда такая громадная цифра умерших? Верно в городе наступила какая-нибудь страшная эпидемия? Но ведь археологи говорят нам, что в это время в Шумере умерших хоронили уже в глиняных гробах, значит эти «тростниковые корзины» для тех, кому не полагалось даже глиняного гроба. Эпидемия, верно, была, но она косила не тех, кто жил на вершине холма, а тех, кто работал среди болот низины с ее сыростью, палящей жарой, резкими ветрами и гнилой водой, вредной для питья.

Бороться с болезнью и зажиточному, свободному человеку трудно было в те отдаленные времена. В жарком, влажном климате южной Месопотамии, на берегу каналов с их медленно струящейся водой, над которой весной и летом толкутся рои москитов, при скученности населения в узких уличках городов на холмах, где мусор из домов не вывозили за пределы города, не сжигали, а выбрасывали тут же около домов, болезни были, верно, частыми гостьями. Как лечить их? Мы знаем в настоящее время, какими причинами вызываются разные болезни, мы вызываем для лечения их врача. Древний человек еще не знал, что одной из основных причин заболеваний является нечистоплотность, отсутствие гигиены, — он думал, что болезнь вызывается злыми демонами. Поэтому с его точки зрения важнее всего было разобраться, какие же именно демоны вредят человеку; а это лучше всего мог сделать жрец, — он и распознавал демонов и «изгонял их», т. е. лечил больного. Может быть болезнь была вызвана «злым утукку» или не менее злым «асакку», — «мрачная непогода, злые ветры они... они послы Намтара, носители

трона Эрешкигаль. Буря разлива, несущаяся по стране, вот кто они. Они — семь богов широкого неба, семь богов широкой земли они... Семь злых Лабарту лихорадки — они. В небе их семеро, семеро на земле: злой Утукку, злой Алу, злой дух смерти, злой Галлу, злой бог, злой подстерегатель, да будешь ты заклят небом, землей да будешь ты заклят».

Из болот у реки встает злая Лабарту, демон лихорадки, и крадется к постели ребенка. Если ребенок ночью забеспокоится вдруг, закричит, мать пытается сперва успокоить его колыбельной песенкой, — заговором от злого демона:

«Житель потемок — прочь из потемок
Ушел поглядеть на солнечный свет.
Что ж дитя осерчало так, что мать его плачет,
В небесах у богини струятся слезы?
Это кто же такой там, кто в земле заводит рев?
Если это собака, пусть отломят ей ломтик,
Если это птица, пусть ей выбросят крошек,
Если же это строптивец, дитя людское,
Пусть споют ему заговор Ану и Анту,[43]
Чтоб отец его спал, свой сон довершал.
Чтоб мать рукодельница довершила урок свой.
Не мой это заговор, — заговор Эа и Силиг-Лушара,
Заговор Даму и Гулы.
Заговор Нинакукутум, госпожи чародейства,
Они мне сказали, а я повторяю».

Поет мать песенку и вспоминает еще совет жреца, что делать, если простой заговор не поможет:

«Обряд таков, — говорил жрец, — ты положишь в головах у младенца хлеб, трижды прочтешь этот заговор, проведешь от головы до ног и бросишь этот хлеб собаке: оный младенец утихнет».

Не помогли однако ни заговор, ни обряд; злая Лабарту, «демон» болотной лихорадки, малярия, завладела младенцем, и вот, снова приходится прибегнуть к помощи жреца, — из глины он лепит фигурку отвратительного чудища, одевает ее, ставит перед ней еду и питье, в рот ей всовывает сердце поросенка, стараясь заставить Лабарту выйти из тела ребенка и переселиться в глиняную фигурку. А потом он «убивает» Лабарту, разбивая статуэтку, и ждет результатов действия обряда и тех снадобий, тех лекарств, которые он, кроме того, дал больному.

Трудно было запомнить все многочисленные заговоры и заклятия на разные несчастия и болезни. Суеверный житель древнего Ура или Лагаша, боялся прогневить демонов и богов какой-нибудь ошибкой и поручал это опасное и сложное дело жрецам.

Послушаем, что рассказывает о своей тяжелой болезни один древний вавилонянин, живший несколько позже того времени, о котором у нас идет речь, но также суеверно убежденный, что «демоны» и боги насылают несчастия и болезни и боги же спасают от них человека.

«Злобный дух смерти вышел из бездны своей,
Болезнь головы вышла из преисподней,
Спустилась с горы...
Демон — алу, как в платье, оделся в тело мое,
Как сетью, опутал сон меня.
Мигают глаза мои и не видят,
Открыты уши мои и не слышат.
Все мое тело объято болезнью,
Поразил мою плоть удар,
Немощь напала на колени мои...
Смерть преследует меня, покрыла все мое тело.
Позовет ли меня кто, вопрошая, — не отвечу я.
Люди мои плачут, нет меня больше.
В уста мои вложен кляп,
Задерживаю я слово уст моих...
Постель стала мне темницей, выход мой загражден,
Тюрьмою мне стал дом мой...
Не помог ни один бог, не взял моей руки,
Не сжалилась ни одна богиня...
Могила была отверзта, и присваивали себе уже мои ценности.
До кончины моей кончен был плач обо мне,
Вся страна восклицала: как оскорблен он!
Мой завистник услышал, просияло лицо его,
Завистнице доложили, и возрадовалось сердце ее.
Не знаю я дня, когда слезы мои окончатся».

К кому обратиться больному? Опять к жрецам, опять в храм. Мы не знаем, как и чем лечат они его, мы знаем только, что сон его становится спокойнее, что лихорадочные кошмары перестают его мучить; ему снятся другие сны: «муж, мощный видом, с исполинскими членами и новой одеждой, светом облечен он, одет он ужасом... в руках его ветвь

тамариска и сосуд, он льет прохладную воду на больного.

«Повелел он злому демону смерти вернуться в бездну его...
Поверг он Лабарту на землю...
В волны моря погрузил лихорадочный озноб.
Корень слабости вырвал он, как траву.

Жрец уверяет его, что этот приснившийся ему муж был сам верховный бог. Вслед за сном наступает выздоровление:

«Лютую боль головную
Вырвал он, и точно дождь ночной окропил меня.
Мои потухшие глаза, на которые легла пелена ночи, —
Поднял он сильный вихрь, и прояснился взор их.
Уши мои, которые были заложены, замкнуты, как у глухого,
Их запор снял он, открыл слух мой.
Нос мой, дыхание которого было отрезано напором жара лихорадки,
Рану его облегчил он, и стал я дышать»...

Исчезают постепенно признаки тяжелой болезни, к больному возвращаются силы, его «желудок, который стал пуст от голода, связан, как корзина», стал опять принимать пищу и питье. И вот больной опять здоров. Он может выходить из дома. Куда же отправится он, встав с постели?

Ведь лечил его жрец, он и лекарства ему давал, он и заговоры над ним читал, и суеверный пациент, случайно поправившийся, твердо уверен, что именно заговоры изгнали злого «демона» болезни. Жрец говорит, что теперь ему нужно еще «очиститься» в храме, проделать ряд обрядов перед изображениями верховного бога и его жены.

Не с пустыми руками приходит он в храм, —

«Благоухающие куренья возжег я перед ними,
Преподнес я доходы мои, подарки и жертвы.
Заколол я жирных быков, в жертву принес я ягнят,
Возлил я сладкое пиво, вино дорогое»...

Среди многочисленных жертв, принесенных богам, упоминается и хлеб, и зерно, и даже «произведение сладкой яблони», — яблочное пирожное в Шумере умели готовить, об этом говорит нам один очень древний текст.

Так приходилось лечиться зажиточному человеку, владевшему и полями, и садами, и стадами крупного и мелкого скота, имевшему возможность заплатить храму и лечившему его жрецу. А несчастных рабов, несших тяжелый

труд на каналах и на болотистых полях, лечить было некому. Они погибали и от лихорадки, и от солнечного удара, и от непосильного труда, погибали сотнями, как об этом говорит нам таблетка времени царя Гимильсина. Их не жалели, потому что, благодаря постоянным войнам, всегда можно было недостаток рабочих рук пополнить новыми военнопленными.

Печален был конец III династии Ура. Против него объединились Элам с востока и Мари с севера. Последний царь Ура, Ибисин, чувствуя надвигающуюся грозную опасность, пытался найти союзников среди городов Шумера, посылал богатые подарки князьям их. Князья принимали подарки, но, очевидно, Ибисин и сам понимал, что на их помощь положиться нельзя. Совсем недавно французские археологи нашли в Египте какое-то помещение, вход в которое был тщательно скрыт. Помещение осмотрели и нашли в нем большое количество тщательно уложенных ценных вещей из золота, серебра и цветных камней. Найдены были здесь же куски свинца, который в самом Египте не встречается совершенно. Вещи были отличной работы, но ни одна из них не была египетской, все они по определению археологов сработаны мастерами Двуречья или Сирии. Мы не знаем еще, к какому времени точно восходят эти вещи, кем они были присланы в Египет. Нам важно только знать, что сношения между Египтом и долиной Двуречья в глубокой древности существовали, и, кто знает, может быть Ибисин, в поисках поддержки, обращался со своими «подарками» не только к князьям Двуречья, но и к египетским фараонам.

И снова наступило долгое время распада единого государства и смена владычества разных городов. Шумер, юг Двуречья, разорен, разграблен и не имеет больше сил вернуть времена своего расцвета. Все чаще слышится в городах его язык северных соседей, амореев, проникавших сюда из Сирии через Аккад, все больше забывается древний язык шумерийцев. Скоро он станет окончательно «мертвым» языком и понадобятся словари, чтобы понять его. А на языке амореев говорят не только в Аккаде, но и дальше на север, в собственно Месопотамии, и в Сиро-Финикии на западе, у Средиземного моря. Не только по языку теперь не отличишь шумерийца от аккадца, не отличишь их больше ни по лицу, ни по одежде, ни по обычаям. Оба племени окончательно слились в один народ в а в и л о н я н, как их теперь следует называть по имени В а в и л о н а, того города, который в последний раз и окончательно объединил всю страну в единое государство.

XII. ВОЗВЫШЕНИЕ ВАВИЛОНА. ХАММУРАПИ И ЕГО СВОД ЗАКОНОВ.

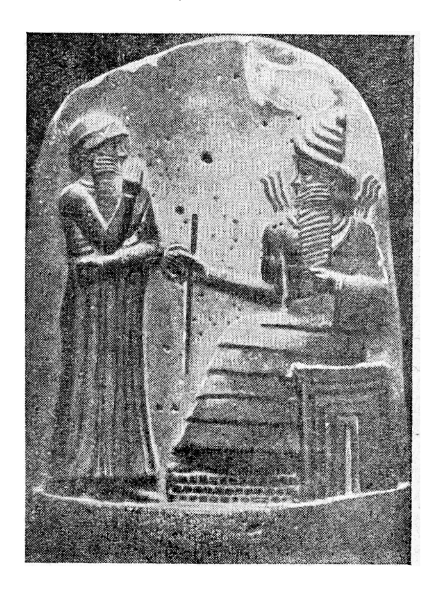
Велика слава Вавилона в истории. О нем говорят греческие писатели, о нем рассказывают памятники древнееврейской литературы. Но все эти рассказы касаются позднего времени, последних веков до хр. эры. А что знаем мы о временах более ранних, что говорят археологи? Много раз приступали они к раскопкам и изучению древнего Вавилона; и то, что они здесь находили, было очень интересно, все эти остатки набережных, улиц, прямых и даже мощеных, обширных зданий. До сих пор высится здесь гигантским кирпичным холмом зиккурат главного храма, эта знаменитая «вавилонская башня» Геродота и библейских рассказов. Но Вавилон много раз грабили враги, он был разрушен, разгромлен, и мы о нем на основании вещественных памятников знаем гораздо меньше, чем например, о древнем Уре или о Лагаше. И потому, опять, как и много раз раньше, нам приходится обратиться к надписям, потому что без них, особенно без одной из них нам мало понятны будут и те немногие изображения, которые у нас есть.

Французские археологи вели в конце прошлого века раскопки в Сузах, столице царей Элама, страны, граничащей с Двуречьем с востока. Много говорилось в надписях и вавилонских и ассирийских царей о войнах с Эламом, и не всегда победа бывала на стороне этих царей. Ученые рассчитывали найти в Сузах, в самом сердце Элама, много интересных памятников. Так оно и случилось, и понятно вполне, с каким интересом в те годы ждали все отчетов о раскопках и фотографий с найденных вещей.

Одна находка оказалась исключительно важной. Это был огромный черный камень, стела, как называют такие памятники французским словом. Мы уже рассматривали раньше победные стелы Эаннатума и Нарамсина. На этом камне боевых изображений нет. Вверху он украшен выпуклым

изображением, рельефом, чудесной работы. Под изображением идет длинная надпись клинописью:

...«призвали меня, Хаммурапи, славного, богобоязненного князя, для водворения в стране справедливости и истребления беззаконных и злых, чтобы сильный не притеснял слабого, так, чтобы я, подобно Шамашу, восходил над черноголовыми [44] и освещал страну для благосостояния народа»... Дальше идет длинное перечисление всего, что было сделано Хаммурапи, этим «полновластным царем царей», «тельцом сильным, ниспровергающим врагов».

Верхняя часть стелы царя Хаммурапи. Хранится в Лувре.

Хаммурапи! Так вот он, этот объединитель страны, этот потомок аморея Суму-абума, около 2000 года до хр. эры провозгласившего себя царем Вавилона, Хаммурапи, которого ученые знали раньше уже по клинописным табleткам его времени. Изображение наверху — его несомненный портрет.

Хаммурапи стоит, подняв одну руку жестом просителя. У него длинная борода и бритые губы по обычаю амореев, а длинное платье и шапка такие, как носят шумерийцы. Перед ним на троне сидит человеческая фигура в торжественной позе. Присмотримся к лицу этой фигуры, — черты его совпадают совершенно с чертами лица самого Хаммурапи. Сидящий протягивает Хаммурапи кольцо и жезл в знак дарования ему власти. Значит, это кто-то, кто стоит выше Хаммурапи. А кто в Уре, в Лагаше, в Мари, в Аккаде и в Вавилоне считался стоящим выше царя? Всегда местный бог города. Значит и здесь мы видим бога. И это подтверждается всеми подробностями костюма и окружения его. На голове его высокая шапка с тройными рогами, — мы такие рогатые тиары видели уже вначале на головах «шеду», в ассирийских

дворцах. Из плеч его вырываются снопы лучей, ноги опираются на подножие в виде громоздящихся гор.

«Могучие горы полны сияньем твоим, твой свет наполняет все страны. Ты могуч над горами, созерцаешь землю, витаешь на краях земли, среди неба», так воспевали в Вавилоне божество, изображенное здесь, Шамаша, бога солнца, которого мы уже знаем по сказанию о Гильгамеше.

«Ты проходишь пространное далекое море... твой свет проходит в глубину; волны созерцают его... Ты властвуешь над жителями всей вселенной»...

говорится дальше о Шамаше, которого в Вавилоне впоследствии приравняли к богу Мардуку.

Хаммурапи объединил всю страну, и, как Хаммурапи, теперь единственный распорядитель всего Двуречья, «царь царей», так Мардук, бог его столицы, становится главой всех остальных богов, он «властвует над жителями всей вселенной». Но Шамаш-Мардук всю свою власть передает царю, вот почему о Хаммурапи говорится, что он «подобно Шамашу восходит над черноголовыми», т. е. над вавилонянами, что он «освещает страну». В Шумере царь был наместником бога, теперь в Вавилонии он сравнялся с ним, он, как сказочный Гильгамеш, стал подобен Шамашу — солнцу, он стал «богом царей».

Власть царя в Вавилонии неограничена, ему принадлежат и вся земля, и все воды в стране, в его руках жизнь и смерть подданных, он хозяин страны в полном смысле слова. И Хаммурапи, как хороший хозяин, заботится о том, чтобы его большое хозяйство было налажено. Об этом говорят и многочисленные клинописные таблетки с его распоряжениями и письмами разным чиновникам, состоявшим у него на службе, говорит об этом также и длинная надпись, идущая столбцами по всей длине «стелы Хаммурапи», найденной французскими археологами.

Мы не будем читать эту надпись теперь. Кого интересует знать подробно этот «свод законов Хаммурапи», как ее называют ученые и каковым она и является на самом деле, те могут прочесть ее полностью в целом ряде интересных книг о древнем Вавилоне. Но знать, чего же именно она касается, нам важно, потому что это покажет нам ясно, что Хаммурапи во всем был как бы завершителем дела целого ряда поколений.

«Древнейший в мире свод законов», говорили ученые сорок лет назад, найдя этот камень. А недавно были найдены глиняные таблетки времени еще шумерийских царей, гораздо более древние, чем стела Хаммурапи, и эти таблетки, поломанные и потертые, оказались тоже «сводами законов». Значит Хаммурапи велел только собрать, свел воедино все те небольшие списки, которые существовали до него; многие шумерийские постановления, конечно, не годились уже, устарели, много нового принесла с собою жизнь, и Хаммурапи пришлось в своем кодексе, своем своде законов, многое изменить и дополнить.

Когда, например, прежде шумерийские князья выступали в поход, они созывали ополчение из всех, кто в городе имел право и мог носить оружие. Но Хаммурапи знал, как опасны внезапные вторжения врагов, и он создал постоянное войско. В мирное время его солдаты, воины, получающие плату, занимались земледелием, потому что вместо серебра или меди, которыми платили в Вавилонии, Хаммурапи давал солдатам участки земли, на которых они могли жить и работать с семьей.

Земля принадлежит царю, храмам, знатным и богатым людям. Кто не имеет своей земли, идет за плату работать на их полях, в их садах и огородах, или нанимает у них, берет в аренду, как мы теперь говорим, участок земли с тем, что собрав урожай, он отдаст часть его в уплату за землю. Да и не одну землю можно теперь взять за плату в пользование, можно также взять плуг, борону, если не имеешь своих, можно «нанять» пару волов, осла, повозку.

Вся страна покрыта сетью каналов, канавок, прудов и запасных бассейнов. Наступит засуха, откроются плотины, и побегут по полям, по рощам и огородам воды с одного участка на другой. Приходится строго следить за тем, чтобы плотины были в исправности, — ведь если на одном участке не во время прорвется плотина, вода затопит и соседний участок. Забота о земледелии, о каналах, об орошении была делом правителей страны и раньше; Хаммурапи указывает точно, каковы обязанности владельцев отдельных участков, как они должны следить за обработкой их, за урожаем, за каналами, и устанавливает строгое наказание за небрежность, за леность.

«Кто поленится укрепить свою плотину, и... в его плотине произойдет прорыв, и водою будет затоплен полевой участок, то тот, в плотине которого произойдет прорыв, должен

возместить уничтоженный им хлеб», гласит один из параграфов его свода законов. А вот еще письмо Хаммурапи к одному из его чиновников: «Шамаш-хасиру и его товарищам скажи следующее, — пишет он одному из своих должностных лиц, — арендаторы Маниум и Авель-илим пишут мне, что в канале Угдимша убыла вода, не достигнув их наемного поля. Пойдите к каналу Угдимша и, если вода действительно убыла, поставьте им в устьи канала (там, где воды его изливаются в канаву, орошающую их поле) оросительный жолоб», т. е. черд, об устройстве которого мы говорили раньше. Ведь если поле останется неорошенным, Маниум и Авель-илим не смогут уплатить царю Хаммурапи за арендованный у него участок земли.

В своде законов Хаммурапи около 300 различных параграфов. Чтобы рассказать о каждом из них, надо было бы написать большую книгу. Мало, кажется, сторон жизни, которых бы они ни касались; торговля, ремесло, семейная жизнь, все обдумано, кажется, для всего указано точно, что дозволено, что недозволено, как следует поступать по закону каждому вавилонянину. Читаешь и поражаешься, вспоминая, что ведь 4 тысячи лет тому назад был высечен на камне этот свод законов. Какая же оживленная жизнь кипела во времена Хаммурапи в Вавилонии, как высоко была там развита культура! Прочтем, однако несколько параграфов и посмотрим, нет ли за этим оживлением и блеском иной стороны.

«Если кто-нибудь повредит глаз у свободного, то должно повредить глаз ему самому; если кто-либо сломает кость у свободного, то должно сломать кость ему», так гласит суровый закон. Прочитаем дальше:

«Если он повредит глаз у чьего-либо раба или сломает кость у раба, то должен уплатить половину стоимости раба». Жестоким наказанием грозит Хаммурапи каждому, кто причинит увечье другому человеку, законом ограждает он жизнь и неприкосновенность каждого из своих подданных.

Огражден законом и раб, но как? За повреждение, нанесенное ему, платят хозяину раба, как за поломку взятого на подержание орудия, как за увечье, нанесенное домашнему скоту. Раб — не человек, его клеймят как скот.

Что же нового внесло законодательство Хаммурапи в то неравенство, о котором мы говорили раньше? Оно стало еще тяжелее, потому что оно теперь было признано писаным законом, раб законом был превращен в вещь, а ведь часто этот несчастный раб бывал не военнопленным, как раньше,

а таким же вавилонянином, как его господин, за долги потерявшим свободу.

Рабы и свободные, богатые землевладельцы и безземельные бедняки, работающие за плату, крупные купцы, ведущие торговлю с окрестными странами и владельцы мелких участков земли, занимающие в долг у этих купцов, чтобы перебиться с трудом в неурожайный год, жрецы, владельцы огромных храмовых богатств, и ремесленники, получающие скудную плату за свою работу, вот как разнообразно было по своему составу вавилонское общество этого времени.

Разнообразие, пестрота царили, вероятно, на улицах самого Вавилона, этого богатого, большого города, в котором сходились торговые пути со всех сторон известного в то время мира. К набережным подходили суда с юга, груженые зерном, финиками, кожей, рыбой, солью, шерстью, на рынки пригонялись стада откормленных овец и быков, тянулись караваны из горных стран, везущие меха с вином, слитки металлов, драгоценные камни; на удивленье толпы проводили редкое животное, слона, из дальней страны на востоке, за Эламом, дальше еще, с той стороны, куда Гильгамеш ходил искать бессмертия, где протекает река Инд, широкая и полноводная, как Евфрат. Слышится речь эламитян, недавних противников победоносного Хаммурапи, проходят жители далекой Палестины, маленькой страны, где идет беспрерывная борьба между князьками отдельных городов. Странно им, привыкшим к узким кривым улицам своих родных городов, к их бедным жилищам, видеть роскошь богатого, торгового центра, с удивлением глядят они, закидывая высоко голову, на огромное сооружение, на искусственную гору среди города в этой плоской стране; чуть ли не до самого неба высится эта гора, этот вавилонский зиккурат... Появляются на площадях Вавилона и другие гости, — мало желанные, — касситы, незнакомое горное племя; приходят, высматривают, говорят отрывисто на языке, которого никто не понимает, уходят обратно в горы, а потом нападают оттуда внезапно, грабят окраины, уносят добычу. Ходят на рынках Вавилона смутные толки о том, что там дальше, не то на севере, не то на востоке, появился еще народ, что они, как и касситы, хорошие воины, что разводят они у себя целые табуны лошадей, которых здесь в Вавилоне едва знают, что они и сражаются на колесницах, запряженных конями.

Скоро Вавилон узнал ближе и касситов и этот неведомо откуда появившийся народ **хеттов**. Всего 150 лет про-

шло со дня смерти Хаммурапи. В Вавилоне правили его дети и внуки, но в стране снова шли раздоры, и снова юг отделился от севера, снова приходило в упадок хозяйство Вавилонии, засорялись каналы, разоренное население забрасывало поля и финиковые рощи. Не мог поэтому Вавилон оказать сопротивление, когда в страну ворвались со своими конями и колесницами воинственные хетты, разграбили, разгромили селения и города и ушли, точно уступая место касситам, новым завоевателям, явившимся уже не для того, чтобы пограбить и уйти, но чтобы осесть здесь, в стране древней культуры, чтобы, подчинить себе страну, и в свою очередь подчиниться ее культуре.

Прошло едва сто лет после завоевания, и новые вавилонские цари — касситы хвалились уже тем, какие постройки они возвели в городе; касситы стали и говорить и писать по-вавилонски и вавилонской клинописью. Почти 600 лет правили они в Вавилоне, и много интересного и важного рассказывают надписи этого времени. Но разоренная страна не могла больше вернуть себе того значения, которое она имела раньше. Вспомним богатства древнего Ура, найденные Вуллеем, и прочтем, что пишет египетскому фараону Аменхотепу III Кадашман-Эллиль II, царь Вавилона, потомок касситских завоевателей:

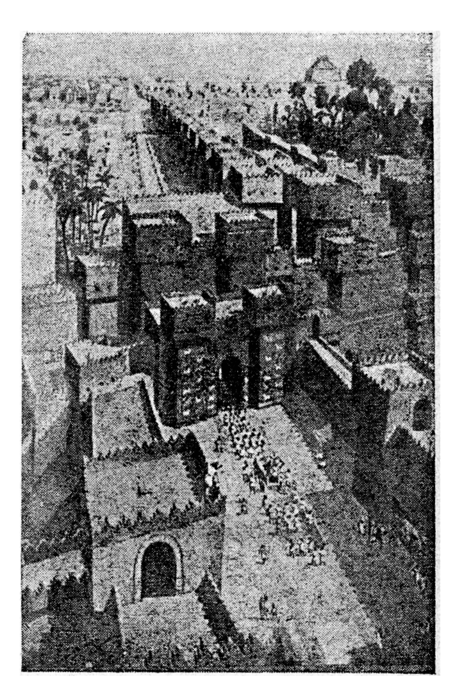
«Что же касается золота, относительно которого я тебе писал, то пошли золота много, сколько есть... пошли поскорей, этим же летом... чтобы мог я закончить работу, которую начал... если пошлешь ты этим летом золото, я отдам тебе мою дочь; пошли поэтому золото добровольно... Если же ты не пошлешь золота, и я не смогу закончить предпринятой мною работы, зачем тебе было бы тогда присылать его потом?.. Если ты тогда пришлешь хоть 3000 талантов[45] золота, я их не приму, я их отошлю тебе обратно и не выдам за тебя своей дочери». Вавилонский царь и выпрашивает, и пытается задобрить фараона, и грозит ему. И вот Аменхотеп IV, сын Аменхотепа III шлет золото Бурнабуриашу, наследнику Кадашман-Эллиля. Какое же золото прислал он, этот владелец богатейших рудников древности? Прочтем письмо Бурнабуриаша, конец его:

«...и когда положили в печь плавильную 20 мин золота, то оттуда не вышло и 5 мин чистого металла...» Аменхотеп IV обманул Бурнабуриаша, прислал ему дрянное, нечистое золото. Мало же считались соседи с вавилонскими царями!

Вавилон, столица южного Двуречья, терял свое былое

значение. На севере Двуречья, в той части, которую мы называли собственно Месопотамией, Междуречьем, вырастала новая сила. Мы ее уже знаем, мы наш рассказ начали с рассмотрения памятников этой части Двуречья; это А с с и р и я, вскрытая заступом Ботта и Лейярда. Мы знаем уже, как закончилась история этой страны, и как она была разгромлена мидянами в союзе с Вавилоном, восставшим против владычества ассирийцев.

Снова в Двуречье, в последний раз, расцвела, казалось, старая слава Вавилона, торгового государства, покорителя окрестных стран. Надолго ли? В 612 г. он был взят персидским царем Киром. Александр Македонский, борясь с персидским царем Дарием III, захватил и Вавилон... Новые торговые пути пролегли с запада на восток, оставляя в стороне старый город. Развалились, разграблены и сожжены были его великолепные дворцы, огромным холмом высятся еще развалины зиккурата, «вавилонского столпа», башни, о которой рассказывал Геродот. И на развалинах его англичанин Рич собрал сто лет назад только ящик кирпичей с именами последних царей его.

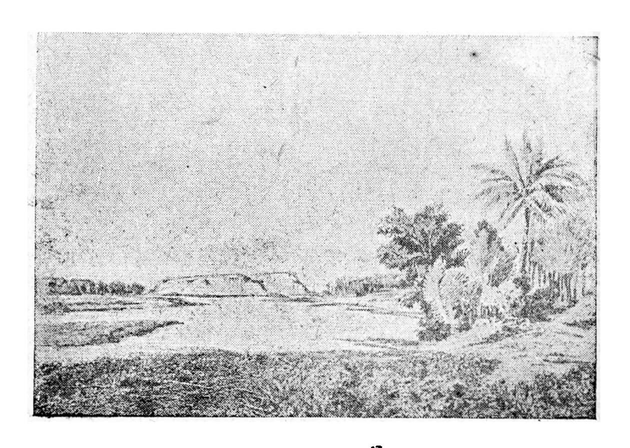

Южная часть Вавилона. Дорога процессий. Реконструкция.

Мы закончили наше путешествие в далекое прошлое. Мы осмотрели ряд мест, где и в наши дни ведутся раскопки, начатые в Ассирии, на севере Двуречья, почти сто лет назад. Мы попробовали прислушаться к тому, что нам рассказывают вещи о том, как жили люди на берегах Евфрата и Тигра пять тысяч лет назад. Все ли мы узнали? Конечно нет! Можно ли в небольшой книжке рассказать во всех подробностях, все

чем жили в древнем Шумере и Аккаде, в Вавилоне и Ассирии на протяжении нескольких тысяч лет? А кроме того, о целых долгих столетиях мы иногда не можем рассказать почти ничего, — раскопки, ведь, стали вести очень недавно, и хотя ученые и знают, что в ряде мест в древности были большие поселения, но заступ археолога еще не вскрыл их.

Мы начали наше путешествие с осмотра дворцов ассирийских царей, мы познакомились затем с вещественными памятниками и с надписями, рисующими нам жизнь Двуречья с конца IV тысячелетия и до начала II тысячелетия.

Развалины Вавилона. По старинной гравюре.

Невольно может явиться вопрос: а что же было в промежутке между временем вавилонского царя Хаммурапи, жившего в самом конце III тысячелетия, и временем царя Ассирии Ашурбанипала, жившего в VII веке до н. эры? Как раз об этом времени вещи говорят нам пока еще очень мало и, чтобы узнать что-нибудь подробнее, нам пришлось бы не столько путешествовать по местам раскопок, сколько, засев за наш письменный стол, погрузиться в чтение большого количества клинописных надписей. Надписи эти показали бы нам, что в это время, во II тысячелетии до н. э. обе великие страны древнего Востока — Египет и Двуречье, не живут больше такой сравнительно обособленной жизнью, как это было раньше. И Египту, и Вавилонии с Ассирией приходится считаться теперь не только друг с другом, но и с рядом новых

сильных соседей. В гористой Северной Месопотамии, вокруг студеного горного озера Ван, на высоких равнинах Малой Азии, в узкой прибрежной полосе Средиземного моря, там, где расположились на высоких скалистых холмах, над ущельями и цветущими долинами древние хананейские города Мегиддо, Иерихон, Таанах и другие, где стояли богатые гавани Тир, Сидон и Библ, всюду кипела оживленная жизнь; Египет и страны Двуречья шлют своих послов и друг к другу, и к царям хеттов и митанни, ведут войны и с царством Урарту и с Эламом, на юге Иранского плоскогорья, торгуют с Библом и с островом Кипром.

Чтобы говорить об этом времени, нам нехватит одних клинописных памятников, — придется предпринять целый ряд новых поездок по странам, о которых мы до сих пор еще очень мало могли говорить. Везде ведутся в наши дни раскопки, везде нам на помощь придут вещественные памятники, а иногда и надписи, еще недавно казавшиеся совсем непонятными, разобранные учеными за самое последнее время. А, так как рассказ об этом — дело сложное, то эту тему мы оставляем пока в стороне до будущего времени, до следующей книжки.

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

Древнейшая культура Двуречья.	4-е тысячелетие до хр. э.
Время становления классового общества.	
Время первой династии Ура.	Конец 4-го тысячелетия до хр. э.
Дворцы, храмы и погребения Ура, Ашнунака, Мари и др.	
Время расцвета города Лагаша. Памятники Урнанше, Эаннатума и др.	Начало 3-го тысячелетия до хр. э.
Урукагина и борьба его с Уммой.	
Попытка Лугальзаггиси объединить южное Двуречье.	Около 2800 г. до хр. э.
Возвышение Аккада.	Около 2750 г. до хр. э.
Саргон объединяет южное Двуречье.	
Походы и завоевания Саргона и Нарамсина.	
Разгром Аккада гутеями.	Около 2570 г. до хр. э.
Новый расцвет Шумера.	Около 2450 г. до хр. э.
Гудеа в Лагаше.	
Возвышение Ура.	2420—2300 г. до хр. э.
III династия Ура (Урнамму, Шульги и др.).	
Вторжение эламитян.	2300 г. до хр. э.
Разгром Ура и всего Шумера; гибель Ибисина.	
Возвышение Вавилона.	2067—2025 до хр. э.
Первая вавилонская династия и правление Хаммурапи.	
Вторжение хеттов.	Около 1870 г. до хр. э.
Вторжение касситов и завоевание ими Вавилонии.	Около 1680 г. до хр. э.
Кадашман-Эллиль II и Бурнабуриаш.	Около 1300 г. до хр. э.
Переписка их с фараонами Египта.	
Начало возвышения Ассирии.	XIV—IX век до хр. э.
Ассурубаллит, царь Ассирии.	
Ассирия становится мировым государством.	VIII век до хр. э.
Тиглатпаласcар IV.	746—727 гг. до хр. э.
Салманассар V.	727—722 гг. до хр. э.
Саргон II.	722—705 гг. до хр. э.
Синахериб.	705—681 гг. до хр. э.
Ашурбанипал.	669—626 гг. до хр. э.
Последний расцвет Вавилона. Халдеи.	626—539 гг. до хр. э.
Набупаласcар.	626—604 гг. до хр. э.
Взятие Ниневии халдеями и мидянами.	612 г. до хр. э.
Набуходоносор II.	604—561 гг. до хр. э.
Набонид.	555—539 гг. до хр. э.
Взятие Вавилона Киром персидским	539 г. до хр. э.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Слово «халиф» означает «преемник», заместитель («пророка» Мохаммеда). Этот титул носили властители арабских мусульманских государств («халифатов»). Одним из таких халифатов был Багдадский с главным городом Багдадом.

[2] «Тысяча и одна ночь» — сборник арабских сказок. Наиболее известными среди них являются «Аладин и волшебная лампа», «Али-Баба и сорок разбойников», «Синдбад-мореход».

[3] Харун-ар-Рашид — один из халифов так называемой династии Аббасидов, часто упоминаемый в сказках «Тысяча и одной ночи», царствовал от 786 до 809 г. хр. э. Он вел сношения с Западной Европой; при его дворе особенно развилась арабская литература.

[4] Один из героев сказок «Тысяча и одной ночи», путешественник и богатый купец, переживший множество приключений во время своих странствований.

[5] Шат-эль-Араб — общее русло рек Евфрата и Тигра, сливающихся у Басры, в южном Ираке.

[6] Кунжут — трава, которая сеется ради семян, из которых добывается масло, употребляемое, между прочим, для изготовления халвы

[7] Пакгауз — складочное место для товаров.

[8] Слово «Библия» греческого происхождения и означает «книги». Так называется «священная» книга христианской церкви.

Отдельные части Библии, отдельные ее «книги» возникали в разное время и частично даже не были сперва записаны, а хранились в народной памяти; во II веке хр. э. они были сведены в одно целое, — в сборник «книг». Содержание их очень разнообразное: мифы о возникновении мира и человека, о различных героях древности, между прочим и о «праведнике» Ное, будто бы единственном человеке, спасшемся со всей своей семьей от «всемирного потопа»; рассказы о судьбах еврейского народа, об истории его в разные времена; различные правила, касающиеся общественной жизни отдаленных времен еврейской древности; поэтические произведения и проч.

До открытия чтения клинописных и египетских иероглифических текстов этот свод литературы различных времен еврейской древности, эти «книги», считались древнейшими в мире. Правильное изучение и правильная оценка их была очень затруднена, так как церковь выдавала Библию за «священную» книгу, внушенную богом и не допускала научной оценки и критики ее. Библия является произведением литературным и как исторический источник не может считаться достоверным.

[9] Ост-индская торговая компания была учреждена в 1600 г. В руках ее была сосредоточена вся торговля с недавно открытыми странами Индийского и Тихого океанов. В 1669 г. она завладела Бомбеем, который стал центром английской торговли в Индии. Ост-индская компания в это время располагала огромными деньгами и огромной властью: она имела право назначать своего резидента, т. е. своего постоянного представителя в Индии, который руководил всеми делами богатых купцов, участников компании; она имела свой флот, торговые суда, принадлежавшие богатым купцам; она не платила государству (Англии) никаких пошлин и была освобождена от таможенных сборов; она имела даже право суда в своих владениях. Английское государство предоставляло Ост-индской торговой компании такие огромные права, потому что она, в свою очередь, являлась деятельным помощни-

ком его в деле борьбы с коренным населением английских колоний в Индии, не желавшим подчиняться эксплуатации и гнету европейцев; и вместе с тем Ост-индская компания была опорой Англии в ее соперничестве с Францией, стремившейся, подобно Англии, расширить свои колониальные владения.

[10] 1798—1799 гг.

[11] Консулом называется лицо, назначаемое каким-нибудь государством в торговые центры других стран для защиты интересов и прав граждан того государства, которое его послало.

[12] Сестерций — древнеримская мелкая монета, равная, приблизительно, 6 копейкам на наши деньги.

[13] Нинурта — бог охоты и войны; Нергал — бог войны, чумы, наводнения.

[14] Ашур — верховный бог Ассирии, бог войны и победы.

[15] Сумукан — бог зверей.

[16] Сикера — кислое вино, смешанное с водой, которое употребляли как освежающий напиток.

[17] Шамаш — бог солнца.

[18] Ирнини — одно из имен богини Иштар.

[18а] Т. е. сидящие на пороге (нищие) и сидящие на престоле (цари).

[19] 15 килограммов.

[20] Онагр — дикий азиатский осел.

[21] Сердолик — драгоценный камень, желто-красного цвета, очень ценящийся на Востоке и в настоящее время.

[22] Лазурный камень, «ля́пис-ла́зури» — темносиний камень; он считался на древнем Востоке таким же ценным материалом, как золото.

[23] Терновник давал плоды яркокрасного цвета, — драгоценный камень сравнивается с этими плодами.

[24] Каперс — ползучее растение; зеленые, нераспустившиеся бутоны его, так же как незрелые зеленые плоды, употреблялись и на древнем Востоке, употребляются и в наше время в пищу, как приправа; драгоценный яркозеленый камень сравнивается здесь с зелеными почками каперса.

[25] Аннунаки — духи преисподней, хранители живой воды.

[26] Мамету — богиня, может быть то же, что Аруру.

[27] Древние вавилоняне считали, что земля — плоский остров, плавающий по пресноводному океану, и что достаточно открыть колодец, чтобы можно было нырнуть в самый океан. Они полагали, что вода в колодце — это уже вода самого океана.

[28] Адад — бог непогоды.

[29] Шуллат и Ханиш — низшие боги, спутники бога непогоды, Адада.

[30] Ирагаль — то же, что и Нергал, — бог преисподней, войны, чумы, наводнения.

[31] Нинурта — бог войны.

[32] Эллиль, он же Энлиль, или Бел, — бог земли.

[33] Нин-хурсаг — «владычица гор», богиня, создавшая по представлениям жителей южного Двуречья людей и богов.

[34] Гишзида, или Нингишзида, — одно из божеств древних шумерийцев; вместе с Таммузом он одну часть года (зиму) проводит в преисподней, а в продолжение другой охраняет ворота дворца Ану, бога неба.

[35] Богиня Иштар считалась дочерью Сина, бога Луны.

[36] Так называлась преисподняя; то же имя носил один из городов

южного Двуречья, место особого поклонения Нергалу, богу преисподней, чумы, войны и наводнения.

[37] Намтар — демон чумы.

[38] Тимпан — ударный музыкальный инструмент, вид барабана.

[39] То же что и Амурру, т. е. житель Западной страны, горец.

[40] Богиня зерна.

[41] Фалангой называется построение в бою тесно сомкнутой линией из нескольких шеренг тяжело вооруженной пехоты. Вооружением служат длинные копья и огромные тяжелые щиты.

[42] Сезам — то же, что кунжут.

[43] Ану — бог неба, Анту — богиня, его жена.

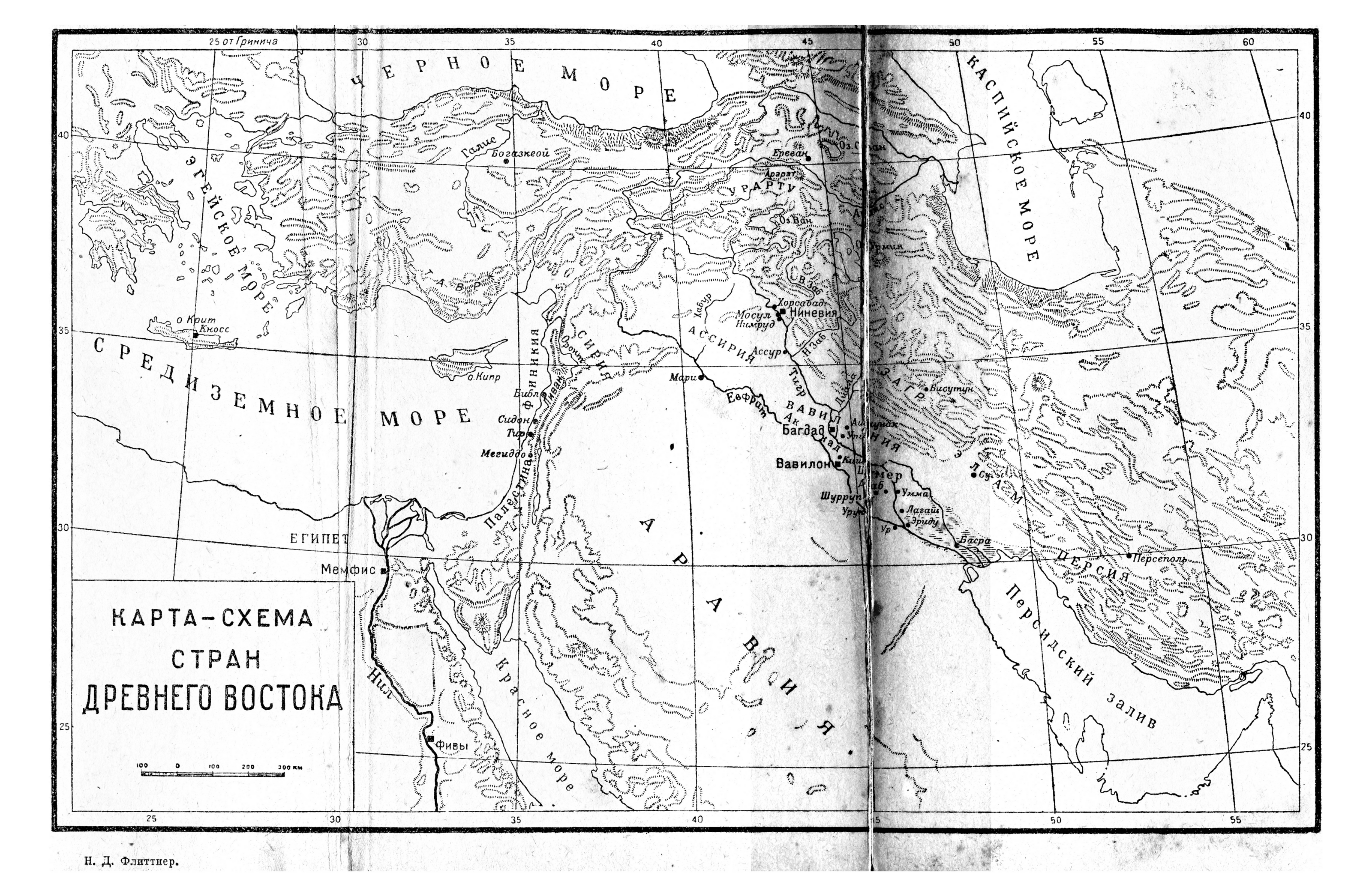
[44] Черноголовые — люди; подразумеваются «черноголовые», т. е. черноволосые подданные вавилонского царя.

[45] Талант равен 60 минам, т. е. 30,3 килограмма.

СОДЕРЖАНИЕ

Отв. редактор *П. И. Пронин.* Техн. редакторы *Э. Н. Аксельрод* и *И. С. Абрамовская.* Корректор *А. П. Чекурина.* Обложка художника *П. Н. Григорьевского.*

Сдано в набор 31/XII 1937 г. Подписано к печати 17/V 1938 г. Тираж 10 000 экз. Формат бумаги 84 × 108. Бумага Камского бумкомбината. Печатн. листов $10^1/_4$ + 1 вкл. Уч.-авт. листов 9,06. Бумажн. л. $2^9/_{16}$. (72928 тип. знак. в 1 бумажн. листе). У-2. Учпедгиз 9386 Леноблгорлит № 1676. Заказ № 2874. Набрано и сматрицировано во 2-й типогр. ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" им. А. М. Горького, Ленинград, Гатчинская, 26. Отпечатано с готовых матриц в 1-й типогр. Машгиза НКМ Ленинград, ул. Моисеенко, 10.

КАРТА-СХЕМА
СТРАН
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА
25 от Гринича
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Красное море
Персидский залив
АРАВИЯ
ЕГИПЕТ
Мемфис
Фивы
Нил
о Крит
Кносс
о. Кипр
Галис
Богазкеой
ТАВР
СИРИЯ
Финикия
Ливан
Оронт
Библ
Сидон
Тир
Мегиддо
Палестина
Мари
Евфрат
Хабур
АССИРИЯ
Ассур
Мосул
Нимруд
Хорсабад
Ниневия
В.Заб
Н.Заб
Тигр
УРАРТУ
Ереван
Арарат
Оз.Ван
Оз. Севан
Урмия
Диала
ВАВИЛОНИЯ
Аккад
Багдад
Вавилон
Шуррупак
Урук
Ур
Умма
Лагаш
Эриду
Басра
ЗАГР
Бисутун
ЭЛАМ
Суза
ПЕРСИЯ
Персеполь
100 0 100 200 300 км

Н. Д. Флиттнер.